

ВОЕННЫЕ ПОДВИГИ

ЧАСТЕЙ ВОЙСКЪ И ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

СОВЕРШЕННЫЕ

ВО СЛАВУ РУССКАГО ОРУЖІЯ.

въ Восточную войну 1877 г.

Съ 16-ю рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Редакціи журнала «Чтеніе для Солдатъ»

1878.

Его Императорское Высочество Великий Князь
Николай Николаевичъ, Старшій.
Главнокомандующій Дѣйствующею арміею.

ВОЕННЫЕ ПОДВИГИ

частей войскъ и отдѣльныхъ лицъ,

совершенныя

во славу русскаго оружія,

въ Восточную войну 1877 г.

Съ 16-ю рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Редакціи журнала «Чтеніе для Солдатъ».

1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30-го Марта 1878 г.

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.

ВОЕННЫЕ ПОДВИГИ

частей войскъ и отдельныхъ лицъ,

совершенные

во славу русскаго оружія

въ Восточную Войну 1877 г.

Взрывъ турецкаго монитора.

(Разсказъ очевидца).

Ночь съ 13-го на 14-е мая была пасмурна и холодна. Небо темное, нигдѣ ни малѣйшаго проблеска свѣта ни звѣздочки. Вѣтеръ завывалъ, наводя тоску и какое-то неприятное, тревожное чувство. Дунай, во всю ширь своего разлива покрытый густой мглою, почти не отвѣчивался и только изрѣдка бѣлые гребешки пробѣгали по темной глади рѣки.

— Удастся-ли сегодня? сказалъ вошедшій въ нашу общую сборную лейтенантъ Дубасовъ.

Лейтенантъ Дубасовъ высокій, худой блондинъ.

— Должно полагать, что удастся. Ночь какъ нельзя лучше, отвѣтилъ какъ-бы нехотя другой лейтенантъ Шестаковъ, маленькій, съ русою бородою морякъ, невозмутимо-твердаго характера.

— Знаете-ли, господа, обратился майоръ Муржеско къ лейтенантамъ, позвольте мнѣ съ вами пойти въ экспедицію. Я хотя не морякъ, но эти мѣста Дуная хорошо знаю; знакомъ немного и съ морскимъ дѣломъ, надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ.

Гвардейскаго экипажа лейтенантъ
Федоръ Васильевичъ ДУБАСОВЪ.

— Что-же! съ большимъ удовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте и мнѣ участвовать, господа, въ экспедиціи, сказалъ молодой лейтенантъ Петровъ, и было видно, какъ истинная радость обнаружилась у него на лицѣ, въ виду возможности удовлетворенія его просьбы.

— Однако, я предполагаю, господа, сказалъ Дубасовъ, устроить такимъ образомъ минное нападеніе: я, на катеръ «Цесаревичъ», пройду впередъ, и когда ударъ будетъ нанесенъ и катеръ подвергнется опасности,— то ты, Шестаковъ, на катеръ «Ксенія» поддерживай насъ: въ случаѣ неудачи нашего удара—нанеси второй ударъ; а вы, молодцы, — Персичъ, Балъ, — обратися онъ къ молоденькимъ мичманамъ, на катерахъ «Цесаревна» и «Джигитъ»,—стойте сзади и подкрѣпите насъ въ случаѣ несчастія.

— Я съ вами, Дубасовъ, перебилъ майоръ Муржеско.

— А я съ Шестаковымъ, перебилъ Петровъ.

— Ну хорошо, сказалъ Дубасовъ. Надѣюсь, что о нашемъ предпріятіи никто не знаетъ?

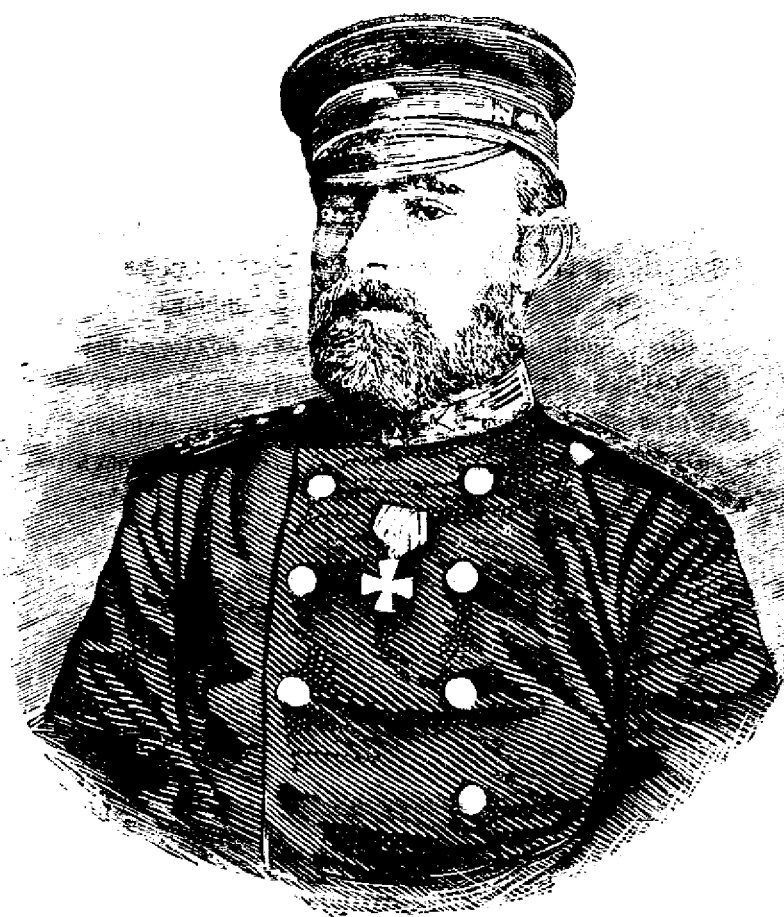
— Положительно никто, отвѣтили всѣ.

— И нижніе чины?

— Да никто ни въ Бранловѣ, ни на батареяхъ, ни наши команды, сказалъ Балъ.

— Это хорошо. Пароль турецкій узналъ. «Сизимъ адамъ», т. е. свой человѣкъ. Вѣренъ ли онъ или нѣтъ— не знаю. Но доставленъ онъ изъ вѣрныхъ рукъ. Теперь нужно позвать боцмановъ.

— Зайченко! крикнулъ онъ вѣстовому: позови съ пристани боцмановъ съ «Цесаревича», «Цесаревны», «Ксени» и «Джигита».

1-го флотскаго, Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, экипажа
лейтенантъ

Александръ Павловичъ ШЕСТАНОВЪ.

— Слушаю, ваше благородіе!

Здѣсь опишу я вамъ положеніе Дуная въ томъ мѣстѣ, гдѣ затѣвалось это отважное дѣло. Вы, можетъ быть, знаете, что передъ Браиловымъ или, вѣрнѣе, передъ выстроеными на нашемъ берегу Дуная батареями имѣется довольно большой островъ, поросшій своею лозою, отчасти и большими деревьями, закрывающими воды Мачинскаго рукава, омывающаго островъ съ противоположной стороны. Извѣстно вамъ также, что броненосцы турокъ стояли въ этомъ рукавѣ, подъ защитою растительности острова: но вѣроятно вамъ неизвѣстно было, что между русломъ Дуная и Мачинскимъ рукавомъ, какъ бы прорѣзывая островъ, протекалъ ручей: нѣтъ это мало, — лучше — маленькій рукавъ, соединяющій русло Дуная съ Мачинскимъ рукавомъ. Вотъ этимъ-то маленькимъ рукавомъ и захотѣли воспользоваться наши отважные моряки. Разсчетъ былъ вѣренъ. Отчаливъ около нашего берега, закрываясь за островъ, они входили въ маленькій рукавъ острова, не будучи вовсе замѣчены; затѣмъ, войдя въ Мачинскій рукавъ, они дѣлали нападеніе съ противоположной стороны и поэтому, весьма понятно, имѣли за собой полный успѣхъ неожиданности.

Въ комнату вошли боцмана, заспанные и, кажется, удивленные такимъ неожиданнымъ приказаніемъ начальства.

— Все ли у васъ исправно на катерахъ? спросилъ Дубасовъ.

— Все, ваше благородіе, было отвѣтомъ.

— Команды на мѣстахъ?

— Точно такъ, ваше благородіе.

Дубасовъ посмотрѣлъ на часы.

— Разводить огонь и черезъ часъ быть готовыми, сказалъ онъ.

Молча повернувъ налѣво кругомъ, они удалились.

— Ну, господа къ катерамъ. На каждый катеръ-но двѣ мины. Матросамъ ничего не говорить и требовать, чтобы они только исполняли свои обязанности, будучи все на мѣстахъ и ни слова не говоря.

Все набожно перекрестились и начали спускаться къ пристани, по густой, липкой грязи, едва пробираясь по знакомымъ намъ тропинкамъ.

Нельзя сказать, чтобы все были въ хорошемъ расположеніи духа. Это не скука, это какое-то внутреннее давленіе, давленіе какаго то сознанія, которое убиваетъ въ человѣкѣ и страхъ, и ужасъ, но которое не удержимо заставляетъ васъ исполнять то, на что вы рѣшились.

Вѣтеръ еще съ большею силою сталъ проноситься надъ холодными водами Дуная. Мелкій дождь сѣкъ лицо до боли. Небольшія паровыя шлюпки наши качались на взбаламученныхъ водахъ Дуная, отчерчивая бѣлесоватая струйки дыма изъ маленькихъ трубъ своихъ. Команда молча занимала свои мѣста, стоя неподвижно, какъ вкопанная.

Мы размѣстились по назначеннымъ катерамъ. Дубасовъ командовалъ «отчаливай», и наша миниатюрная эскадра, въ гробовомъ молчаніи, двинулась вверхъ по теченію. Мы сидѣли молча. Тишина была полная. Только слегка ударяемая о борта катеровъ волны нарушали тишину ночной мглы, впрочемъ, то и дѣло прерываемой жестокими порывами сѣвернаго вѣтра. «Цесаре-

вичъ», наибольшей катеръ подь командою Дубасова, при 14 человекѣхъ команды, шелъ впереди. Онъ началъ заворачивать влѣво и вошелъ въ еле замѣтный рукавъ острова. Здѣсь настала полнѣйшая, непроницаемая темнота.

Но вотъ вдали чуть блеснули бѣлѣющими гребешками Мачинскій рукавъ. «Цесаревичъ» вошелъ въ него, вошелъ на стремя, усилилъ пары и какъ стрѣла понесся впередъ. Но что было впереди! Противъ насъ уже начиналъ бѣлѣться горизонтъ своимъ молочпо-блѣднымъ свѣтомъ ранней зари и болѣе рѣзкій холодный и сырой вѣтеръ пронизывалъ до костей. Надъ Дунаемъ тяжелою массою лежалъ мрачный покровъ непроницаемаго воздуха и только блѣдые отблески горизонта востока еще мрачнѣе отгѣняли грозныя фигуры трехъ величественныхъ турецкихъ броненосцевъ. Воля ваша—это была какая-то мрачная, фантастическая, словно какой-то сонъ, картина. Они еле колыхались на незначительныхъ для ихъ величины волнахъ Дуная, и только этимъ незамѣтнымъ движеніемъ проявляли жизнь: во всемъ остальномъ это были холодныя, неподвижныя стѣны морскихъ крѣпостей. Нѣтъ ни людей, ни огня, только высокія мачты и громадныя размѣровъ дымовыя трубы, да башни безмолвно смотрѣли на нашу движущуюся флотилію аллигаторовъ. Минута была рѣшительная.

Но не остановился нашъ «Цесаревичъ», не дрогнулъ и его командиръ Дубасовъ. Ставъ около руля, онъ велѣлъ подбавить паровъ и быстро понесся направивъ «Цесаревичъ», на самый большой мониторъ, стоявшій впереди двухъ остальныхъ. Нужно было видѣть Дубасова, команду и майора Муржеско въ это время! Это—что-то

строгое, серьезное, особенное проглядывало въ ихъ взглядахъ, позахъ, въ ихъ невозмутимомъ спокойствіи. Все смотрѣли на грознаго врага-великана, все они какъ бы не дышали, а окаменѣли, чтобы съ твердостью встрѣтить ужасающую дѣйствительность.

За нѣсколько шаговъ, усиливъ пары, летѣла «Кес-ния». Шестаковъ какъ бы боялся отстать отъ своего передоваго товарища. Невозмутимо спокойный, съ маленькими глазами, лейтенантъ дѣлалъ это точь въ точь, какъ какой нибудь маневръ на Невѣ. Посмотрить то на мониторы, то на «Цесаревича»—и съ невозмутимымъ спокойствіемъ ожидаетъ рѣшительной минуты.

Тихимъ, легкимъ ходомъ шли «Цесаревна» и «Джигитъ». Я опишу прежде, что такое мины, которыми нанесли смертельный ударъ врагу-великану наши герои моряки. Вы видали ракеты: но эта ракета съ желѣзною трубкою, набитою динамитомъ. Къ трубкѣ этой привинченъ разрывной ударный составъ, тотъ составъ, который имѣется въ ружейныхъ канюлихъ (бертолетова соль), какъ-разъ на носу спереди къ концу трубки, оканчивающейся острымъ концомъ. Трубка прикрѣпляется къ длинному шесту. Ударъ наносится весьма просто: на носу катера стоитъ матросъ, и въ то время какъ катеръ подлетаетъ къ броненосцу, матросъ ударяетъ острымъ концомъ трубки мины о броню и, по свойству динамита, дѣйствовать только впередъ и въ стороны, а не назадъ, поэтому взрывъ, все свое разрушительное дѣйствіе обращаетъ на мониторъ, не причиняя вреда катерамъ.

«Мина»! раздался громкій и твердый голосъ Дубасова, когда «Цесаревичъ» подлеталъ къ броненосцу.

Съ турецкаго броненосца послышался овликъ часоваго.— Силымъ адамъ, отвѣтилъ спокойно Дубасовъ. Часовой видимо не призналъ насъ за своихъ. Началась на броненосецъ суматоха. Было видно, заряжали ближайшее орудіе, и заряжали поспѣшно, судорожно. Мы летѣли на всѣхъ парахъ, мы замерли въ странномъ ожиданіи предстоящаго. Боцманъ держалъ мину на готовѣ. Сверкнулъ огонь около орудій. Притаили дыханіе. Тихо... осѣчка. Другой огонь—тоже. Мы подлетѣли къ борту, боцманъ ударилъ въ звѣвую боковую раковину. Здѣсь трескъ: свѣтлый бенгальскій огонь, дымъ. Насъ оглушило. Слышенъ былъ только громкій голосъ Дубасова, командовавшаго «задній ходъ», да затѣмъ ревъ, страшный ревъ бомбоваго выстрѣла изъ орудія монитора и затѣмъ перекать, оглушительный перекать стрѣльбы изъ ружей. Что затѣмъ было—опицать трудно. Это какой-то безирерывный гулъ, всеобщее смѣшеніе. Громадныя бомбы, ударяясь около нашихъ маленькихъ катеровъ, подымали цѣлыя волны воды. Одна изъ такихъ бомбъ, унавшая около самаго катера «Цесаревичъ», чуть было не затопила взбаламученною ею волною—катера и только, благодаря мужеству маіора Муржеско, кинувшагося къ машинисту и, все время не теряя духа, помогавшаго ему и, подбодряя его, работавшаго надъ выкачиваніемъ воды, онъ былъ спасенъ. Но мы видѣли, что мониторъ отъ удара «Цесаревича» сильно осѣлъ кормою, хотя не пошелъ ко дну. Но другой нашъ товарищъ, морякъ Шестаковъ, не зѣвалъ: подъ убійственнымъ огнемъ погибающаго монитора и двухъ другихъ, стоящихъ рядомъ, онъ птицею подлетѣлъ къ монитору и далъ ему другой ударъ. Здѣсь снова гулъ, трескъ; здѣсь страш-

ный ревъ изъ цѣлой башенной батареи монитора — по это было предсмертное рыканіе: онъ тихо погрузился въ воду, причемъ флагъ его былъ снятъ нашимъ катеромъ, какъ дорогой, достойный памяти потомства, знакъ удалой храбрости русскихъ людей. Массы людей съ тонувшаго парохода кинулись въ воду; стоявшіе поодаль турецкіе мониторы спускали шлюпки для спасенія погибающихъ, но въ тоже время не переставали громить нашу маленькую флотилію артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Замѣчательно, что во все это время или, лучше, тревожныя минуты, на всѣхъ катерахъ не было выговорено ни одного слова, исключая приказаній командировъ; но зато, когда мониторъ уже погрузился въ воду, когда флагъ его былъ схваченъ и былъ въ нашихъ рукахъ, несмотря на убійственный огонь мониторовъ, русское сердце не выдержало: дружное, единодушное, оглушительное «ура!» грянуло со всѣхъ четырехъ судовъ. Это была минута истиннаго торжества! Ядра и самыя страшныя бомбы, которыя ежесекундно посылали намъ съ оставшихся въ живыхъ мониторовъ турки, не только не ужасали, но даже и не тревожили. Всѣ были упоены удачею, всѣ забылись было...

Но надо было подумать о возвращеніи, а тутъ вникъ «Ксенія» запутался въ обломкахъ растерзаннаго монитора, а весь огонь двухъ оставшихся турецкихъ мониторовъ былъ направленъ на нее. Здѣсь нужно было видѣть лейтенанта Петрова, погрузившагося въ воду и своими руками, подъ грохотомъ канонады, очищавшаго двигатель нашего меленькаго судна; нужно было видѣть командира Шестакова, распоряжавшагося въ эти опасныя минуты, какъ бы на простыхъ маневрахъ,

не перемѣняя голоса. Видно, свѣтлая память о Нахимовѣ и Корниловѣ не потухла еще въ средѣ русскихъ моряковъ!!!

У насъ нѣтъ раненыхъ, нѣтъ убитыхъ. Одна только бомба пробила бортъ катера «Цесаревны», да и то причаливъ къ берегу острова, намъ, безъ большаго труда, удалось залечить пробойну. И такъ совершенно было большое дѣло и притомъ безъ жертвъ, благодаря единственно удачеству, отвагѣ нашихъ молодцовъ, имена которыхъ съ гордостью можетъ повторить всякій, любящій и дорожащій честью своего отечества — Русскій.

Пастушило уже 4 часа утра. Холодное пасмурное утро освѣтило грозно-желтѣющія волны Дуная. Вѣтеръ не переставалъ дуть отрывистымъ вихремъ, разнося дымъ канонады и двухъ миновыхъ взрывовъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ за полчаса стоялъ грозный броненосецъ, теперь журчала шумная вода Дуная и бѣгали вздуваемые вѣтромъ гребешки. Стоящіе поодаль два другихъ турецкихъ монитора, принимавшіе шлюпки съ спасаемыми отъ погибшаго монитора людьми, изрѣдка вынуждали по бомбѣ, но стрѣляли какъ бы нехотя, какъ-то заунывно, грустно и, разумѣется, не мѣтко. Нашъ командиръ началъ отступленіе и черезъ полчаса мы пристали къ нашему берегу, гдѣ онъ вышелъ на берегъ съ радостнымъ, полнымъ торжества лицомъ и поздравилъ съ успѣхомъ. Громкое, оглушительное «ура!» было отвѣтомъ, какъ со стороны команды катеровъ, такъ и со стороны нашихъ болгаръ, снѣжившихъ раздѣлать эту радость удачи нашего морскаго похода. Всѣ, цѣлуясь, поздравляли другъ друга и набожно кре-

стились. благодаря Того. Чьимъ промысломъ охраняемы были во все время неминуемой опасности.

Я не стану описывать радости ближайшихъ товарищей нашихъ героевъ—моряковъ. Это понятно каждому. Скажу только, что тотчасъ же была послана телеграмма Его Высочеству, и, какъ передають. Главнокомандующій, получивъ ее,—это было обѣденное время,—прочелъ ее присутствующимъ и первый задумевнымъ голосомъ восторга крикнулъ «ура!» Нечего говорить, какъ радостно было встрѣчено это извѣстіе всеми военными главной квартиры.

Дубасова и Шестакова Главнокомандующій пригласилъ пріѣхать въ главную квартиру. На сообщеніе Его Величеству о ихъ подвигахъ, Государь Императоръ изволилъ телеграммою отвѣтить возгласомъ: «Молодые моряки» и пожаловать ихъ кавалерами святого Георгія. Послѣ, вечеромъ, грунна незнакомыхъ офицеровъ, по приходѣ героевъ, устроила имъ дружескую овацію, и, отъ души цѣлуя, поздравляла ихъ съ удачею. Мѣстные жители Плоэшти провѣдали нашихъ удалцовъ громкимъ «ура»! Порадуйтесь же и вы, земляки, на удалъ и отвагу вашихъ родныхъ братьевъ!

Невозмутимое хладнокровіе нашихъ матросиковъ.

Послѣ взрыва турецкаго монитора, 13 мая, когда миноноска «Кесія», управляемая лейтенантомъ А. П. Шестаковымъ, бросилась прочь отъ взорваннаго судна, ей тщетно давали задній ходъ. Она не могла двинуться, потому что винтъ запутался въ какихъ то веревкахъ,

а эти, въ свою очередь задѣли за якорь лодки: тогда Шестаковъ приказалъ сбросить якорь.

— Помилуйте, ваше благородіе, отозвался въ эту опасную минуту матросъ Кисловъ, зачѣмъ же туркамъ веригъ (якорь) оставлять?

«Матросъ Ниченоренко, въ страшную минуту, когда освобождали вшитъ «Ксенія» отъ занутавшихъ его веревокъ, наклонился съ борта. Въ это время пуля пролетѣла около его головы, ударила въ воду и всплескомъ забрызгала ему лицо.

— Тыфу, проклятая, обтирая лицо, проговорилъ хладнокровно Ниченоренко: ажно глаза занорошила: дѣло дѣлать мѣшаетъ».

«Матросъ Стѣпаничъ, въ то время, когда мпвоноски уходили подъ градомъ пуль и ядеръ, прехладнокровно шарилъ на днѣ лодки...

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ кто-то его.

— Вшитикъ пцу, вшитикъ, ваше благородіе, вшитикъ потерялся отъ батареи (гальванической).

— А да ну его къ черту, вшитикъ! До вшитика ли тутъ!

— Нельзя, ваше благородіе: безъ вшитика машина не будетъ дѣйствовать, вшитикъ казенный».

Военная хитрость.

«14-го и 15-го апрѣля, у поста св. Николая, турецкіе броненосцы, по одному и по два, каждый день подходили подъ самый берегъ и пускали по нѣскольку бомбъ и гранатъ въ Николаевскъ. Это совершали они

такъ: броненосецъ подходитъ къ берегу совершенно близко и останавливается, затѣмъ матросъ влѣзаетъ на мачту съ подзорною трубою и высматриваетъ, нѣтъ ли кого гдѣ нибудь и потомъ начинаютъ стрѣлять. Это продолжалось каждый день, до 22-го апрѣля: 22-го же числа, ночью, пришлось мнѣ быть съ ротою въ Николаевскѣ, гдѣ были устроены еще до объявленія войны два деревянныя орудія, для обученія нижнихъ чиновъ стоявшаго тамъ Александропольскаго полка артиллерійскимъ приѣмамъ. Ночью поручикъ этого полка Поповъ, съ помощію того же полка писаря Павкратьева, взявъ эти два деревянныя орудія, вытащилъ на бугоръ, окружающій съ моря Николаевскъ, и поставилъ по направленію къ мѣстамъ, гдѣ останавливаются броненосцы; окопали кругомъ такъ, что только тѣла орудій были видны издали; выкрасили ихъ толченымъ углемъ, разведеннымъ въ водѣ, потомъ поставили сзади и по бокамъ орудій нѣсколько плахъ дровъ, на которыя надѣли старыя негодныя солдатскія шапки и этимъ составили артиллерійскую прислугу. На другой день, съ разсвѣтомъ, приходитъ, по обыкновенію, въ Николаевскъ турецкій броненосецъ и останавливается на извѣстномъ мѣстѣ; затѣмъ матросъ, попрежнему, полезъ на мачту высматривать; вдругъ матросъ этотъ стремглавъ спускается внизъ, пароходъ полнымъ ходомъ удираетъ въ море и, останавливаясь уже внѣ выстрѣла, дѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ и уходитъ къ Цихисъ-Дири, гдѣ онъ постоянно стоитъ; съ того дня и по настоящее время ни одинъ изъ турецкихъ броненосцевъ не подходитъ близко къ Николаевску, а останавливается далеко въ морѣ и оттуда пускаетъ снаряды, стоящіе отъ 25 до

150 рублей каждый. Такихъ снарядовъ много выпустили они по нашей артиллеріи, чтобы сбить орудія; но деревянные орудія, со своею неподвижною прислугою, стоять и до сихъ поръ невредимо».

Взятіе Ардагана.

«Въ шесть съ половиною часовъ, когда войска наши: бакницы, эриванцы и тифлисы, съ одною батареею 39-й артиллерійской бригады, пошли на штурмъ Ардагана въ то же время на всѣхъ батареяхъ пробудилась лихорадочная дѣятельность. Отдѣльных отчетливыхъ выстрѣловъ мало было слышно: они сливались въ общій ужасающій гулъ. Турки почували бѣду. Мучась въ предсмертныхъ страданіяхъ, они напрягли послѣднія свои силы; замолчавшія, полчаса назадъ, батареи сдѣлали послѣднюю попытку. Напрасная попытка! Она лишь вызвала со стороны нашихъ батарей рѣшительный ударъ. Цѣлый адъ поднялся въ роскошной Ардаганской долигѣ. На глазахъ cadaго видно было послѣдовательное паденіе одного укрѣпленія за другимъ. Судорожно сжимались турецкія руки, при видѣ массы линий, на которыя разбились наши штурмующія колонны, имѣя во главѣ «дѣдушку Геймана». Выстрѣлы турецкихъ ружей походили на тивканье дворняшекъ. Движеніе нашихъ войскъ походило на лившуюся лаву. Борьба неравномѣрна. Можно было предвидѣть исходъ ея. По словамъ самихъ солдатъ, что-то необъяснимое творилось съ ними». Таково было общее одушевленіе при Штурмѣ взятія Ардагана.

Молодецкая атака нашими минными катерами турецких броненосцевъ въ Сулинскомъ гирль.

«29-го мая пароходъ «Великій Князь Константинъ», имѣя на буксирѣ 4 своихъ и 2 одесскихъ быстроходныхъ миноносныхъ катера, вышла изъ Одессы въ крейсерство къ острову Федониси (Змѣиный), около котораго, какъ было извѣстно, почти каждую ночь крейсируютъ неприятельскія суда. Не встрѣтивъ никого у острова, «Константинъ» направился къ Сулину, приблизившись къ которому на разстояніи 5 миль, оторавилъ на рейдъ для атаки все бывшіе съ нимъ миноносные катера. Миноносцы подошли къ рейду въ 2 часа ночи и застали на немъ 4 броненосца, изъ которыхъ 3 были на якорѣ и 1—въ ходу. Быстроходныя катера: № 1-й—лейтенанта Пущина и № 2-й—лейтенанта Рождественскаго, тотчасъ же смѣло пошли въ атаку: мало отстававшій отъ нихъ катеръ «Чесма», подъ управленіемъ лейтенанта Зацареннаго *), рассчитывалъ также произвести атаку одновременно съ ними, но, къ сожалѣнію, буксирная мина, которою вооруженъ этотъ катеръ, на этотъ разъ была причиною неуспѣха нападенія. Лишь только она была выпущена за бортъ, какъ проводники ея попали въ винтъ катера: пришлось остановить машину и заняться очисткою винта.

«Въ это время катеры Рождественскаго и Пущина шли въ атаку, видя другъ друга. Рождественскій бро-

*) Лейтенантъ Зацаренный тотъ самый, который атаквалъ турецкій фрегатъ у входа на Батумскій рейдъ.

силея на ближайшаго броненосца, стоявшаго на якорѣ по прямому направленію курса его катера. Нуцншь же подазен въ глубину рейда. Въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ броненосца, катеръ Рождественскаго былъ оклигнуть турецкимъ часовымъ и въ тотъ же моментъ по немъ открытъ былъ штуцерной огонь, а затѣмъ послѣдовала общая тревога на рейдѣ и сильный пушечный и ружейный огонь. Въ отвѣтъ на окликъ, Рождественскій далъ полный ходъ и велѣдъ затѣмъ послѣдовала автоматическій взрывъ его мины, почти въ упоръ къ броненосцу, но, по соображенію Рождественскаго, нѣсколько раньше, чѣмъ произошло столкновение: по-видимому турки приняли предосторожности и. вѣроят-но, мина нашего катера вблизи непріятельскаго борта встрѣтила загражденіе. Въ этотъ моментъ катеръ съ его бравою командой подвергся огромной опасности. Благополучно выйдти изъ опаснаго положенія ему удалось только, благодаря особенному хладнокровію и распорядительности лейтенанта Рождественскаго, замѣчательному мужеству вольнаго механика Канцерова и бравою катерной командъ. Осыщаемый частыми выстрѣлами подъ самымъ бортомъ броненосца, залитый столбомъ воды, поднятой взрывами мины, катеръ оказался съ лопнувшимъ штуръ-тросомъ и сломанною осью штуръ-вала. Чтобы сдѣлать возможнымъ управленіе рулемъ, Рождественскому пришлось выйдти изъ рубки, и при помощи механика Канцерова, собственноручно работать нѣсколько минутъ надъ приведеніемъ въ порядокъ верхняго штуръ-вала подъ градомъ пуль и картечи, слѣды которыхъ остались на корпусѣ катера. Въ то же время

минеръ матросъ Соколышковъ спокойно обрубалъ минные проводники и сбрасывалъ за бортъ остатки шеста.

«Выйди изъ подъ выстрѣловъ непріятеля, Рождественскій остано­вилъ машину и сталъ ожидать катеръ Пу­щина, по направленію котораго былъ слышенъ неза­долго передъ тѣмъ глухой минный взрывъ. Простоявъ такимъ образомъ нѣсколько минутъ и замѣтивъ, что на него идетъ непріятельскій пароходъ, открывшій по немъ огонь, Рождественскій приказалъ дать полный ходъ машинѣ и снова увидѣлъ себя въ большой опасности, такъ какъ паръ уналъ и турецкій пароходъ сталъ замѣтно догонять катеръ. Но это продолжалось недолго: вмѣстѣ съ топливомъ, въ топку подбросили паклю съ саломъ и векорѣ катеръ быстро удалился въ море. Прочіе же три миноносные катера, хотя и приблизились къ Сулинскому устью, но, услышавъ минные взрывы и открывшуюся тревогу, и замѣтивъ погоню, возврати­лись, не дѣлая попытокъ къ нападенію.

«Такъ окончилась смѣлая атака катера лейтенанта Рождественскаго, по осмотрѣ котораго въ Одессѣ, въ подводной части оказались поврежденія, ясно свидѣтель­ствующие, что катеръ при нападеніи, имѣя быстрый ходъ и большой дифференъ на корму, перескочилъ бо­ное загражденіе, сорвавъ себѣ при этомъ киль. Возвра­щаясь же обратно заднимъ ходомъ, онъ могъ миновать бонь, благодаря лишь той случайности, что образовав­шійся при взрывѣ мины столбъ воды залилъ его носо­вую часть и тѣмъ приподнялъ корму.

«Что касается парохода «Константивъ», то, услыша канонаду и желая ближе подойти къ берегу, чтобы во-время подхватить катера, онъ, вслѣдствіе теченія и

темноты, приткнулся къ мели. Положеніе было крайне опасное, въ виду ежеминутной возможности быть атакованнымъ несравненно сильнѣйшимъ непріателемъ; но быстрая, хладнокровная распорядительность капитана и его помощниковъ помогли пароходу во-время сняться съ мели, такъ что погнавшійся за нимъ броненосецъ, послѣ нѣсколькихъ безвредныхъ для парохода выстрѣловъ, отсталъ и повернулся къ Сулину. «Константинъ» же къ 5 часамъ снова вернулся къ заранѣе условленному мѣсту, гдѣ и принялъ всѣ катера, кромѣ катера Пущина, невозвратившагося изъ экспедиціи».

Въ настоящее время извѣстно что родители лейтенанта Пущина, командовавшаго одною изъ миноносныхъ лодокъ при атакѣ турецкихъ мониторовъ у Сулины, получили отъ сына извѣстіе, что онъ находится въ плѣну у турокъ, и что съ нимъ обращаются хорошо.

Лейтенантъ Скрыдловъ и художникъ Верещагинъ.

Молодецкій подвигъ совершили лейтенантъ Скрыдловъ и художникъ Верещагинъ на Дунаѣ, между Журжевымъ и Руцукомъ. Русская флотилія состояла всего изъ 10 ботовъ, и эти боты были просто игрушками, въ сравненіи съ турецкими канонирками. Изъ числа десяти ботовъ, восемь заняты были нагрузкой торпедъ, а два бота сторожили непріятеля, скрывшагося позади острова Мекка (произнесите меча). Какъ вдругъ, среди бѣлаго дня, слышать они отдаленный стукъ паровой машины, все болѣе и болѣе приближавшійся. Такъ какъ тутъ

не было русскаго парохода большихъ размѣровъ, то стукъ этотъ долженъ былъ происходить отъ турецкаго судна. Наконецъ бьющіяся сердца затренили и напряженное зрѣніе обрадовано было видомъ большого турецкаго колеснаго парохода, шедшаго вверхъ по рѣкѣ и какъ разъ проходившаго мимо другаго острова (Дингилу). Тогда произошла одна изъ тѣхъ сценъ, которая выказываетъ человѣческую натуру съ ея лучшей стороны. На русскомъ ботѣ находились двое русскихихъ молодыхъ людей: одинъ командиръ бота, по имени Николай Скрыдловъ, другой — носящій имя, хорошо извѣстное даже и въ Англии, Верещагинъ, русскій артистъ, который, подобно многимъ русскимъ, покинулъ почтенную трудовую жизнь и честно заслуженный досугъ для того, чтобъ имѣть честь сказать: «Я также участвовалъ въ крестовомъ походѣ 1877 года». Лейтенантъ Скрыдловъ заранѣе предупредилъ своего пріятеля о томъ, какъ велика опасность, а также просилъ подумать, что если у Россіи много офицеровъ, то мало еще такихъ отличныхъ художниковъ, какъ онъ. Но, не смотря на явную опасность, не увлеченіе художника, а кровь русскаго человѣка, удалъ, безстрашіе Верещагина, были причиною, что онъ остался въ ботѣ. И «Шутка» помчалась впередъ, по направленію къ пароходу, который старался уйти отъ нея, пустившись на всѣхъ парахъ къ турецкому берегу, вдоль котораго было разсыпано человѣкъ четыреста черкесскихъ стрѣлковъ, учащенно стрѣлявшихъ по «Шуткѣ». Маленькая лодка почти тотчасъ же получила ударъ и командиръ ея раненъ. На лодкѣ находился еще другой офицеръ и восемь человѣкъ прислуги, и всѣ они единогласно

рѣшили продолжать нападеніе. «Шутка» ускорила ходъ и успѣла коснуться парохода какъ разъ сзади кожуховъ. Вслѣдъ за этимъ на турецкомъ пароходѣ всѣ пришли въ смятеніе. Но когда нужно было нанести рѣшительный ударъ, то ничто не могло заставить тропеды взорваться. Помочь дѣлау было невозможно, и «Шутка» должна была покинуть свою жертву, не проливъ крови непріятели. Какъ только она повернула назадъ, мужество, которое, по словамъ очевидцевъ, совершенно покинуло турокъ, возвратилось къ нимъ на столько, что нѣсколько вооруженныхъ людей бросились къ борту, и сильный огонь преслѣдовалъ эту утлую «Шутку». Борты ея и палуба были изоброждены выстрѣлами изъ ружей. Она дала сильную течь и находилась въ большой опасности съ судна и съ берега, какъ вдругъ увидѣла прямо передъ собою другую канонерку, шедшую изъ Рущука. У «Шутки» было другое торпедо системы Гарвея; но когда его попробовали оно не дѣйствовало. И такъ ей не оставалось ничего болѣе, какъ только возможно скорѣе спастись, проскользнуть позади острова Динглу, остановить течь и потомъ возвратиться, держась при отступленіи своего берега.

Верещагинъ былъ раненъ, но жизнь его въ безопасности. Скрыдловъ поправляется.

Бой миноносокъ съ турецкимъ мониторомъ.

Бой 19 іюня: четырехъ миноносокъ, подъ начальствомъ Нилова, съ мониторомъ на Дунаѣ, у устья Алуты.

«Турецкій мониторъ причинялъ за послѣднее время немало хлопотъ русскимъ, проявляя дѣятельность и энергію, необычайную для турокъ: онъ постоянно обстрѣливалъ русскія батареи и разрушалъ лодки. Русскіе задумали покончить съ нимъ.

«Четыре миноносныхъ лодки были снаряжены и отправлены противъ монитора. Скрываясь за островомъ, онѣ стояли въ ожиданіи, и когда мониторъ проходилъ мимо, онѣ быстро выплыли изъ своего убѣжища и атаковали его среди бѣлаго дня. Очевидно, что мониторомъ управляли люди совсѣмъ иного сорта, нежели командиры тѣхъ турецкихъ судовъ, съ которыми русскіе прежде имѣли дѣло. Съ удивительной быстротой и ловкостью все было приготовлено къ дѣйствию и мониторъ успѣшно зацѣпился противъ четырехъ опасныхъ враговъ. Командиръ монитора приказалъ также опускать тропеды на концѣ длинныхъ шестовъ, угрожая лодкамъ опасностью взлетѣть на воздухъ. Въ то же время былъ открытъ огонь изъ небольшихъ орудій и митральезъ. Кромѣ того, мониторъ маневрировалъ самымъ неуклюжимъ образомъ, съ проворствомъ и ловкостью, не допускавшими русскія лодки приблизиться къ нему на небольшое разстояніе. Затѣмъ мониторъ пытался потопить русскія лодки и это едва не удалось ему.

«Все дѣло объясняется тѣмъ, что командиръ монитора былъ европеецъ, какъ русскіе полагаютъ—англичанинъ, и руководилъ маневрами, стоя на палубѣ. Его можно было ясно видѣть все время: это былъ высокій мужчина, съ бѣлокурой бородой, расчесаной на обѣ стороны. Онъ стоялъ, засунувъ руки въ карманы и

отдавалъ приказанія съ величайшимъ спокойствіемъ. Миноносныя лодки продолжали свои попытки въ теченіи цѣлаго часа, снуя вокругъ монитора и выжидая случая подойти къ нему ближе,—но тщетно. Мониторъ также усердно пытался опрокинуть ихъ, избѣгая столкновенія быстрыми и ловкими движеніями, отступая и двигаясь впередъ, преслѣдуя и избѣгая своихъ маленькихъ, но опасныхъ противниковъ—какъ левъ, на котораго напали мыши. Но вотъ пришлось такъ, что одна изъ шлюпокъ попала между мониторомъ и берегомъ. Командиръ монитора велѣлъ дать задній ходъ прямо на лодку, съ намѣреніемъ раздавить ее о берегъ. Въ эту самую минуту инженеръ миноносной лодки былъ раненъ. Послѣдовало смятеніе и замѣшательство—не знали какъ управлять машиной, между тѣмъ теченіе приближало лодку къ берегу, въ положеніе, дѣлающемъ всякое спасеніе невозможнымъ. Одинъ человекъ изъ экипажа прыгнулъ въ воду, а другой пустилъ въ ходъ машину, какъ разъ во-время, чтобы спасти лодку отъ опасности. Одинъ русскій офицеръ выпрыгнулъ на берегъ и, увидавъ капитана монитора, спокойно стоящаго на палубѣ, засунувъ руки въ карманы, выстрѣлилъ въ него три раза изъ револьвера на разстояніе не болѣе 40 футовъ. Капитанъ монитора въ отвѣтъ снялъ шляпу и поклонился: не одна пуля, казалось ни попала въ него. Немного позднѣе, этотъ вѣжливый капитанъ былъ вѣроятно убитъ или раненъ, такъ какъ онъ вдругъ исчезъ съ палубы, и послѣ этого мониторъ неопѣшно удался.

«Съ того времени мониторъ этотъ держался въ сторонѣ, какъ и остальные и сдѣлалось извѣстнымъ, что имъ уже не командуетъ его капитанъ-англичанинъ. Сра-

женіе было ведено съ рѣдкимъ искусствомъ съ обѣихъ сторонъ. Русскія лодки находились подъ начальствомъ лейтенанта Нилова: нападеніе было весьма смѣлое и рискованное. Потерп ограничились всего четыремя или пятью убитыми, не смотря на безостановочной огонь изъ небольшихъ орудій и митральезы. Это доказываетъ, какъ искусно дѣйствовали лодки. Онѣ однако значительно повреждены огнемъ митральезъ. Что лодки сравнительно мало пострадали въ теченіи часа — доказываетъ, какъ трудно было съ ними совладать.

«Послѣ того мониторъ этотъ былъ окруженъ торпедами такъ, что ему вѣроятно не возможно будетъ спастись. Всѣ мониторы на Дунай обружены торпедами. Полагаютъ, что мониторы въ Никополѣ оставлены турками, такъ какъ за послѣдніе дни они не подають признаковъ жизни» *).

Замѣчательные случаи и подвиги нашихъ войскъ при переправѣ черезъ Дунай 15-го Іюня

Всѣмъ извѣстно теперь русскимъ, какъ лихо дерется нашъ солдатъ штыкомъ. Достаточно будетъ, если я скажу, что послѣ переправы подъ Галацомъ, (съ 9-го на 10-е Іюня) «наша пѣхота пошла въ штыки на турецкую кавалерію». Обыкновенно пѣхота, при приближеніи кавалеріи, встрѣчаетъ ее залпами; въ случаѣ же кавалерійской атаки, она строитъ каре, и часть конницы, оставшаяся въ живыхъ послѣ стрѣльбы, если не пожелаетъ отступить,

*) Эти два монитора уже взяты русскими, исправлены и готовятся дѣйствовать противъ турокъ.

то неминуемо должна наткнуться на штыки. Наши же молодцы невыжидали неприятельскаго наступленія, а смѣло, «ружья на руку», съ крикомъ «ура», стремительно бросились впередъ»...

«Солдаты до того были приучены къ построениямъ, что когда во время высадки въ ночь 15-го іюня понтонны приставали не по очереди, а куда какой снесетъ теченіемъ, то изъ разныхъ ротъ и батальоновъ солдаты строились въ одну роту и шли въ порядкѣ.

Въ 6-й ротѣ Вольнскаго полка перебили всѣхъ офицеровъ. Батальонный командиръ кричитъ во 2-ю роту: «дайте мнѣ офицера!».

«Всѣхъ перебили, кромѣ ротнаго командира», отвѣчаютъ ему. Онъ назначаетъ унтеръ-офицера. Солдаты просятъ: «дайте намъ офицера, съ унтеръ-офицеромъ мы погибнемъ». Тогда онъ взялъ офицера изъ Минскаго полка и рота съ увѣренностью продолжала наступленіе.

Въ то же самое время солдаты выказывали большую находчивость: Командиръ сводной гвардейской роты, полковникъ Озеровъ и фельдфебель этой роты лежали раненые во рву. Пробѣгавшіе мимо турки замѣтили ихъ и поворотили къ нимъ, съ очевидною цѣлью приколотъ и ограбить, что турки постоянно дѣлали во время этого боя. Но находчивость фельдфебеля предупредила ихъ: замѣтивши недалеко барабанщика, фельдфебель крикнулъ «бей тревогу». Барабанщикъ ударилъ тревогу, а Озеровъ и фельдфебель и всѣ раненые закричали «ура». Турки перенугались, повернули и бросились бѣжать».

Фельдфебель 6-й роты Волынского полка раненъ въ бокъ, двѣ раны его перевязали и онъ пошелъ въ дѣло.

Минскаго полка 8 роты, молодой солдатъ, хохоль, раненъ въ лицо. Его перевезли на островъ, сдѣлали перевязку. Онъ просилъ, чтобы позволили ему идти опять на турецкій берегъ.

«Еще успѣю душъ пять уходить», говорилъ онъ.

9-й роты 3-го батальона Волынскаго полка, рядовой Федоръ Скринка сидѣлъ за кустомъ, въ цѣни, такъ что только его голова была видна. Наскочилъ на него турецкій офицеръ, замахнулся саблею, но онъ быстро отбилъ вверхъ ударъ ружьемъ, повернулъ ружье и прикладомъ уложилъ офицера.

Собрались солдаты и начали перебирать, что было на немъ, оказалось прежде всего—пара хорошихъ револьверовъ. Они ихъ поворачивали, поворачивали и бросили. Потомъ нашли на немъ поясъ съ деньгами, нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ и сверточекъ бумаги. Деньги поразбросали, а свертокъ принесли батальонному командиру, —оказалась молитва.

«Отчего же деньги не оставилъ себѣ, развѣ не пригодились бы онѣ тебѣ хотя на табакъ?».

— «Нѣтъ, ваше сіятельство, эти деньги намъ не идутъ: они вечны».

Матросъ Семень Лопатинъ.

Во время Дунайской переправы, у Спствова. 15-го іюня, «Семнадцатый понтонъ отплылъ со второю очередью передъ развѣтомъ. Едва онъ вошелъ въ свѣтлую полосу Дуная, освѣщенную луною, какъ турецкіе батальоны от-

крыли по немъ убійственный огонь. Изъ сорока пяти человекъ пѣхотнищевъ минскаго полка, находившихся въ этомъ понтонѣ, и восьми человекъ гребцовъ, въ нѣскольکو минутъ не осталось и половины. Понтонъ снесло между тѣмъ теченіемъ все дальше и дальше: огонь турокъ не прекращался: наши падали и падали. Уже только четверо осталось — понтонъ не могъ выгребать, его несло бокомъ и несло прямо къ турецкому берегу. Вотъ и еще трое свалились, остался только одинъ п., не желая отдаваться живымъ туркамъ, бросился въ Дунай. Пуля ударила ему въ плечо и раздробило ключицу. Тяжело плыть съ одною рукою, но онъ все-таки плылъ; наконецъ ноги его почувствовали твердую почву, теченіемъ его вынесло къ острову, верстъ за пять ниже мѣста переправы... Замѣтили ли турки эту крохотную точку на поверхности воды, или танъзря, но только въ минуту, когда несчастный выплывалъ на берегъ, его догнала еще пуля и перебила другую руку, повыше кисти. Это былъ матросъ Семенъ Лопатинъ. 15-го утромъ выбрался онъ на островъ, 20-го былъ только случайно замѣченъ съ проходившаго мимо русскаго катера и привезенъ въ Зимниццу. Пять дней подъ рядъ Лопатинъ былъ безъ пищи. Раны у него сильно загнили, завелся даже червь, но онъ не потерялся. Каждое утро онъ спускался въ воду и просиживалъ тамъ по горло, — освѣжая себя и обмывая теченіемъ воды свои страшныя раны. Онъ рассказывалъ, что уже было терялъ надежду на спасеніе (еще бы пять дней!) Онъ видѣлъ на томъ берегу движущіяся точки, но не зналъ кто это: наши ли, или турки? Онъ не знаетъ результатовъ

переправы и думалъ, что она не удалась — это его болѣе всего огорчало. Наконецъ, на пятый день, онъ услышалъ русскій говоръ и плескъ весель:

Гляжу, рассказывалъ онъ — анъ,—наши ребята... Михѣевъ—ау!...

Вотъ и услышалъ его Михѣевъ. «Забрали молодца и перевезли».

Минскаго пѣхотнаго полка рядовой Александръ Ракъ.

Минскаго пѣхотнаго полка 2-й стрѣлковой роты рядовой Александръ Ракъ. У него пуля въ груди и перебита рука; кромѣ того, сильный ушибъ черепа и глазной впадины. Онъ изъ того взвода, который бралъ штыками водяную мельницу и весь истребленъ почти безъ остатка, но зато этотъ взводъ сдѣлалъ свое дѣло: идущіе за ними уже свободно прошли это сильное препятствіе, заваленное тѣлами и турокомъ, и нашихъ. Когда всѣ части перемѣшались, тогда бой завязался почти одиночный — вразбродъ, то турки, то русскіе поочередно перебѣгали это мѣсто. Набѣжала разъ небольшая партія, приколола тѣхъ нашихъ раненыхъ, что выказывали еще признаки жизни, принялась саногы стаскивать, да подошлѣли наши, покололи въ свою очередь турокомъ, — дальше пошли, а тутъ опять изъ-за кустовъ выскочило еще человекъ шесть турокомъ, уже не солдатъ, а такъ, всякаго сброда, опять принялись мародерничать.

«Я чую ихъ, рассказывалъ Ракъ, да и прихлипался, а на мнѣ лежитъ товарищъ Сѣденко, а другой това-

ришь якъ сцѣпились съ туркомъ, такъ оба на меня тоже повалились мертвые — меня и невидать... такъ и отлежался, одна нога только торчала снаружи, съ той-то ноги моей и вкрали сапогъ, собачьи дѣти»....

Александръ Рагъ, говоритъ, что послѣ раненія ему долгое время приходилось лежать подъ трунами своихъ товарищей. Онъ видѣлъ, какъ турки дважды приходили къ нимъ, обирали нашихъ раненыхъ и докалывали ихъ штыками. Самъ онъ, вмѣстѣ съ тремя своими товарищами, спасся тѣмъ, что притворился мертвымъ. Было много случаевъ, что раненый турокъ просить у русскаго о помощи, и когда русскій подходитъ къ нему для помощи, турокъ выхватываетъ кинжалъ изъ ноженъ и закалываетъ русскаго на мѣстѣ. Такимъ образомъ одинъ изъ раненыхъ турокъ убилъ на нашемъ перевязочномъ пунктѣ фельдшера, подошедшаго къ нему для перевязки.

Тифлисской дружины Саркисовъ.

Командиръ Тифлисской дружины, говоря о дѣлѣ 21 мая, въ Рюпскомъ отрядѣ, замѣтилъ: «во все время дѣла, дружина была впереди; вела себя неустрашимо и дралась безусловно храбро».

Вдаваясь въ подробности, онъ говорилъ: «Меня просто удивилъ иѣкто Саркисовъ своею храбростью, который успѣлъ убить четырехъ турокъ и все еще гнался за ними. Но, увы! въ то время, когда несчастный хотѣлъ убить пятаго турка, непріятельская пуля тутъ же сразила неустрашимаго воина.

Другой, будучи раненъ въ глазъ, бѣжалъ впереди, придерживая одною рукою раненую часть; но я, узнавъ въ чемъ дѣло, остановилъ его.

— Что у тебя, братецъ?

— Ничего! Пустяки! Эта рана не можетъ задержать меня! И продолжалъ убивать непріятеля за непріятелемъ».

Разговоръ въ лагерѣ у Сисова, послѣ переправы черезъ Дунай (15-го іюня).

«А страшно было?»

— «Да, въ началѣ жутко: карабкаешься въ гору, а нули такъ и свистить; а тутъ гранаты. А какъ выбрались на горку, да пошли на ура, въ штыки, тогда ничего уже не боизно. Турки смерть не любятъ ура и штыковъ,—сейчасъ бѣжать. Тутъ-то мы ихъ уже били, били».

— «А много закололи?»

— «Да, человекъ по пяти на каждаго пришлось. У насъ одинъ восьмерыхъ закололъ. А со мной такой случай вышелъ: закололъ одного, закололъ другого, ткнулъ третьяго, штыкъ вошелъ на палець, а дальше не лѣзеть. А онъ схватился за штыкъ, выхватилъ ножъ. Ну, думаю, пришелъ мой конецъ. Вдругъ изъ-за моего плеча офицеръ протянулъ руку и пристрѣлилъ его револьверомъ. Тутъ я выдернулъ штыкъ и ошарашилъ его прикладомъ».

— «А какъ дрались офицеры!»

— «Нужно правду сказать, дрались хорошо. Нашъ

командиръ конвоя, полковникъ Озеровъ, все впереди и кричить: «братцы, не робѣйте!» Смотримъ — сѣлъ; ранили въ ногу, а все кричить: «братцы, не робѣйте!» Повелъ насъ другой офицеръ, ранили и его; перевязался и опять вперёдъ».

— «А много убитыхъ и раненыхъ?»

— «Убитыхъ у насъ 15 человекъ, да 22 раненыхъ; трое раненые остались въ строю». Итого 37 изъ 100! Не даромъ Государь назвалъ, какъ говорятъ, гору, которую приходилось брать въ штыки: геройскою гвардейскою горой.

На распросы о подробностяхъ, о томъ, какъ переправлялись подъ выстрѣлами, одинъ молодой солдатъ не нашелъ ничего иного сказать мнѣ, какъ слѣдующее:

— Очень это просто, ваше благородіе, переправлялись: на желѣзныхъ лодкахъ.

— Ну, да я знаю, что на желѣзныхъ лодкахъ. Но вѣдь по васъ стрѣляли?

— Такъ точно, ваше благородіе: стрѣлялъ онъ.

— Гранатами?

— Гранатами, ваше благородіе, а между прочимъ и изъ ружей онъ садилъ, какъ, значить, около берега плыли.

— Страшно было?

— Страшно-то оно страшно, да что ужъ дѣлать, ваше благородіе: уйти-то вѣдь ужъ некуда, такъ чего тутъ.

— Ну, а ка-бы было возможно уйти, развѣ ты ушелъ бы?

— Какъ можно, ваше благородіе? Коли значить при-

казъ такой былъ, чтобъ намъ на его идти, зачѣмъ уходить! Никакъ этого нельзя намъ по нашей службѣ.

Письмо солдата. изъ Систова, 18-го юня.

Мы плыли на первыхъ баркасахъ и насъ съ берега еще незапримѣтили. Когда мы уже высадились, то на горѣ, а берегъ идетъ въ гору и покрытъ виноградниками—показались турки. Насъ они не замѣтили и приняли подѣзжающіе за нами баркасы за первые, но еще они едва видѣлись въ темнотѣ. Офицеръ командовалъ намъ присѣсть и мы присѣли на колѣни въ грязь. Далѣе берегъ поднимался круто аршина на четыре. Вотъ, баркасы подплываютъ ближе и ближе. Мы слышимъ взводимые курки турокъ. Они прицѣливаются въ подплывающихъ. Тогда мы, какъ черти, изъ грязи вскакиваемъ и стрѣляемъ... Турки ошалѣли, не понимая, откуда это явились враги у нихъ подъ ногами и, разумѣется, имъ уже не до прицѣла, да и взбаломутились. Куда стрѣлять: одни въ направленіи по намъ, другіе—въ баркасы.

Мы, между тѣмъ, подсаживая другъ друга и хватаясь за ружья, влѣзали, карабкались на первый уступъ отъ воды. Потомъ полѣзли, стрѣляя, а иногда и штыкомъ приходилось работать. Такъ мы взобрались на верхъ. Между тѣмъ въ сторонѣ отъ насъ тащили уже орудіе, и оно какъ разъ пригодилось. На горѣ на насъ построился примѣрно батальонъ и начало доходить до штыковъ, какъ вдругъ, послѣ втораго выстрѣ-

ла уже вся ихъ иѣхота смѣшалась и мы пошли на «ура» далѣе.

Вошла насъ все-таки, не-большая сила, и когда выбрались на ровное мѣсто, появилась ихъ конница. «Ну — скомандовали намъ — въ каре, братцы. Держаться плотно, плечо къ плечу, на убитыхъ не смотрѣть и сейчасъ же смыкать ряды». Разъ пять насканивала на насъ конница, но мы держались и передъ нами сдѣлалась гряда изъ павшихъ лошадей и людей... Такъ и отступили турки. Тутъ подошли наши еще и еще, и конница ихъ ушла.

Скажу къ слову, что штыкомъ они хорошо дѣйствуютъ только наши работаютъ не въ примѣръ лучше.

Въ Сисово *) или Свистунъ мы добрались скоро и думали понасть первыми, какъ, къ досадѣ нашей, только-что подходимъ — а ужъ казаки наши вертятся! Вошли мы въ этотъ Свистунъ — такъ себѣ городокъ, — по улицамъ народъ бѣгаетъ. Въ одной сторонѣ окружили турецкихъ бабъ. Изъ мужскаго пола уже никого не было. Болгаре, какъ увидели насъ, то къ намъ бросились, какъ сумасшедшіе, обнимаютъ каждый лѣзетъ цѣловаться... Ребятиники таскаютъ изъ кармановъ кто табакъ, кто фрукту какою.. Многихъ даже слеза прошибла, какъ дѣти поцѣплялись къ намъ на шею. Вѣстимо, и своихъ каждый вспомнилъ. Никогда еще такъ весело не было намъ; на радости такъ въ колокола бы пріударить, говоримъ между собою, да оказалось, что колоколовъ-то у нихъ не дозволено имѣть. На утро привезли уже съ той стороны и колокола.

А казаки поперли уже далѣе: уже обрыскали въ

*) Сисово.

«Военные подвиги».

первый же день вереть на двадцать кругомъ. Явились откуда-то и жидаы, только они здѣсь также ходять, какъ и болгары, только ужъ такіе черные и грязные, что Боже упаси! Къ офицерамъ подлѣзають дескать того, другого не хотите-ли—все представимъ!

Бажись, здѣсь намъ будетъ не худо. Болгары народъ душевный, не хитростный, только и у нихъ-то всего не лахти много.

Переправа черезъ Дунай у Зимницы

съ 14-го на 15-е іюня 1877 года.

Въ допесеніи командира 8-го армейскаго корпуса, генералъ-лейтенанта Радецкаго Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему дѣйствующею арміею. значится:

Вслѣдствіе личнаго приказанія Вашего Императорскаго Высочества, войска ввѣреннаго миѣ корпуса, по прибытіи въ г. Зимницу, были направлены къ переправѣ у *г. Сустова* въ слѣдующемъ порядкѣ:

14-я пѣхотная дивизія, съ прикомандированными къ ней частями (4-я стрѣлковая бригада, двѣ роты пластуновъ, гвардейская рота конвоя Его Величества и часть саперъ), были раздѣлены для переправы на шесть рейсовъ. Рейсы должны были состоять: первые два — изъ 12-ти ротъ пѣхоты, 60-ти казаковъ и 8-ми горныхъ орудій каждый; послѣдующіе — такой же силы, но вмѣсто горныхъ орудій, назначены при каждомъ рейсѣ по 6-ти полевыхъ орудій.

Понтоны начали спускаться на воду въ Зимницѣ, въ

9 часовъ вечера, когда уже стемнѣло. Ихъ привели къ австрійской таможенѣ, гдѣ была назначена посадка первому рейсу второй; и послѣдующіе рейсы должны были садиться на понтоны ниже, у острова Ада: 3-й, 4-й и 5-й понтонные баталіоны назначены были для перевозки пѣхоты, а 6-й предназначенъ исключительно для перевозки артиллеріи и казаковъ, для чего заблаговременно устроены паромы.

Для прикрытія переправы и для дѣйствія по мосторамъ. въ случаѣ ихъ появленія, на берегу были поставлены пять 9-ти-фунтовыхъ батарей, изъ которыхъ: три батареи 14-й артиллерійской бригады расположились у австрійской таможни, примыкая къ ней своимъ правымъ флангомъ, а двѣ батареи 9-й артиллерійской бригады расположились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Для прикрытія батарей назначенъ 35-й пѣхотный Брянскій полкъ, который двумя баталіонами и частью стрѣлковъ занималъ островъ. Артиллерія была поставлена на означенныхъ мѣстахъ вечеромъ 14-го іюня, одновременно съ началомъ спуска на воду понтоновъ.

Часовъ въ 12 ночи начали двигаться къ переправѣ войска 14-й пѣхотной дивизіи. Турки не замѣтили нашихъ приготовленій и передвиженій войскъ, и первый рейсъ, въ 2¹/₂ часа ночи, отчалилъ отъ берега. Какъ только передовые понтоны первого рейса стали приближаться къ правому берегу, турецкими пикетами былъ открытъ огонь, сначала рѣдкій, а потомъ все чаще и чаще; тревога распростанялась по всему берегу.

Вслѣдствіе того, что турки поздно насъ замѣтили, высадка съ передовыхъ понтоновъ произведена успѣшно; но уже къ 3¹/₂ часамъ утра, съ началомъ разсвѣта,

изъ турецкаго лагеря подошли войска, разсыпали густую пѣпь по берегу и открыли по приближающимся понтонамъ сильный ружейный огонь. Въ это же время, расположенная въ Систовѣ турецкая батарея открыла огонь по понтонамъ. Противъ нея немедленно былъ направленъ огонь трехъ 9-ти-фунтовыхъ батарей 14-й артиллерійской бригады.

Войска наши, не взирая на сильный огонь непріятеля, продолжали высаживаться на берегъ, но понесли при этомъ значительную потерю въ людяхъ. Два понтона, пробитые пулями, затонули съ бывшими на нихъ людьми. Точно также два горныхъ орудія съ лошадьми, переправлявшіяся на паромѣ, вслѣдствіе пробитія пулями, затонули, причѣмъ погибли: батарейный командиръ, подполковникъ Стрѣльбицкій, штабсъ-капитанъ Кобіевъ и прикомандированный къ этой батарее л.-гв. 1-й артиллерійской бригады подпоручикъ Тюрбертъ.

Крайне обрывистый берегъ представлялъ громадныя трудности для высадки войскъ, а затѣмъ весьма пересѣченная мѣстность, покрытая кустарникомъ и виноградниками, давали возможность непріятелю упорно держаться, причѣмъ изъ-за каждаго закрытія его приходилось выбивать штыками.

Для того, чтобы вполне обезпечить наши войска на правомъ берегу и въ виду того, что мѣстность на правомъ берегу Дуная оказалась крайне пересѣченною и неудобною для дѣйствія, — приказано было приостановить перевозку артиллеріи, а переправлять безостановочно одну пѣхоту. Правильныхъ, послѣдовательныхъ рейсовъ не могло быть: торонились скорѣе переправить какъ можно болѣе пѣхоты, а потому, по мѣрѣ прибытія пон-

тоновъ, на нихъ немедленно сѣдлись войска и переправа продолжалась, и только тогда нѣсколько облегчилась, когда первыя высадившіяся наши войска, именно 53-й пѣхотный Волынской полкъ, оттѣснилъ отъ берега часть непріятельскихъ стрѣлковъ.

Переправа продолжалась, не смотря на все невыгодныя условія, подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Не взирая на упорное сопротивленіе непріятеля, войска наши, бросаясь въ штыки, начали тѣснить турокъ.

Въ 2 часа пополудни, вся 14-я пѣхотная дивизія и 4-я стрѣлковая бригада переправились на правый берегъ Дуная. Стрѣлки присоединились ко 2-й бригадѣ 14-й пѣхотной дивизіи, и съ ихъ прибытіемъ перевѣсъ въ этомъ мѣстѣ явно склонился на нашу сторону. Къ 3-мъ часамъ переправленъ 34-й пѣхотный Сѣвскій полкъ, которому я приказалъ поддержать 1-ю бригаду 14-й пѣхотной дивизіи. Переѣхавъ самъ со штабомъ на правый берегъ, я приказалъ продолжать переправлять пѣхоту, а именно: 33-й пѣхотный Елецкій и 36-й пѣхотный Орловскій полки: 35-й дивизіи приказано смѣнить 35-й пѣхотный Брянскій полкъ, который также переправить. Въ то же время приказано переправлять на паромѣхъ артиллерию. Пароходъ значительно ускорилъ переправу, такъ какъ въ два рейса перевозилъ цѣлый полкъ.

Наши войска, именно: 2-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи и 4-я стрѣлковая бригада, въ 5-мъ часу пополудни заняли высоты впереди Систова и самый городъ; 1-я же бригада 14-й дивизіи, имѣя въ резервѣ 1-ю бригаду 9-й пѣхотной дивизіи, заняла высоты по направленію къ Вардену. Орловскій и Брянскій полки почевали у переправы.

Къ 9-ти часамъ вечера (15-го іюня) всѣ полки 9-й пѣхотной дивизіи были перевезены на правый берегъ. Турки отступили по двумъ направлеціямъ: большая часть—на Руцукъ, а другая—на Тырновъ.

Вообще турецкія войска защищались весьма упрямно. Мѣстность вполне благоприятствовала оборонѣ: турки вездѣ находили закрытія, изъ-за которыхъ открывали частый и мѣткій огонь, какъ только наши войска бросались на нихъ въ штыки, между тѣмъ ихъ приходилось со всѣхъ позцій выбивать штыками. Особенно трудно пришлось сначала 53-му пѣхотному Вольнскому полку, а также и 54-му Мнискому: они первые высадились, и имъ пришлось выдержать самый сильный ружейный огонь. Потери наши въ этотъ день, насколько успѣли собрать свѣдѣнія, были слѣдующія: убиты 6 оберъ-офицеровъ и до 300 нижнихъ чиновъ; ранены 3 штабъ-офицера, 17 оберъ-офицеровъ и 360 нижнихъ чиновъ; кроме того, потонули: 1 штабъ-офицеръ и 2 оберъ-офицера и 15 нижнихъ чиновъ, слѣдовавшихъ при двухъ горныхъ орудіяхъ въ первомъ рейсѣ.

Присутствовавшій при переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай у *Зимницы и Систо* корреспондентъ газеты «Daily News», 15-го (27-го) іюня, передаетъ слѣдующія подробности:

«Съ наступленіемъ сумерекъ, генераль Драгомировъ началъ дѣлать приготовленія. Первымъ дѣломъ было поставить на приготовленныхъ мѣстахъ рядъ полевыхъ орудій, вдоль угла луговъ, для обстрѣливанія противоположнаго берега. Работа эта произведена была въ то время, когда пѣхота Драгомирова направлялась подъ защиту лѣса, преимущественно изъ вербъ. Темнота и

препятствія были столь велики, что все было готово лишь къ первому моменту сѣрѣющаго утра. Моста не было, но было известное число рѣчныхъ судовъ, въ которыхъ могло помѣститься отъ пятнадцати до сорока человѣкъ въ каждомъ. Лодки эти были перевезены на телѣгахъ по грязи и спущены на воду ночью изъ-подъ нависшихъ вѣтвей вербъ. Войска садилась на суда и плыли впередъ по мѣрѣ того, какъ прибывали лодки. Генераль Драгомировъ стоялъ на илистомъ берегу и желалъ счастливаго пути своимъ бравымъ солдатамъ. Суда шли впередъ по-одиночкѣ, направляясь черезъ рѣку къ небольшому заливчику. Впоследствии же явился на помощь небольшой буксирный пароходъ. Въ первый разъ турки не провели ночной вахты въ глубокомъ снѣ. Ихъ неиночисленные пушки немедленно же открыли огонь по судамъ, по массамъ войскъ, скрытымъ вдоль вербъ, и по колоннѣ, шедшей низменнымъ берегомъ. Но это еще было не все. Съ покатостей, возвышающихся надъ заливомъ, въ суда посыпался оживленный ружейный огонь. Турецкіе стрѣлки расположились у мѣста высадки. Генераль Юлшинъ не даромъ приобрѣлъ во-время кавказской войны опытность и довѣріе. Его лодка шла впереди. Турецкіе стрѣлки находились въ разстояніи около пятидесяти ярдовъ отъ берега. Онъ высадилъ кучку своихъ солдатъ и приказалъ имъ лечь. Одинъ или два человѣка легли на мѣстѣ отъ турецкихъ пуль. Генераль Юлшинъ завязалъ перестрѣлку, чтобъ прикрыть мѣсто высадки для слѣдующихъ лодокъ. Мало-по-малу, лодки выгрузили свой грузъ, слѣдуя примѣру перваго груза. Наконецъ, народу скопилось достаточно. Здѣсь находился молодой Скобелевъ,

представляющій самъ по себѣ цѣлое войско. Генераль Іолининъ скомандовалъ своимъ солдатамъ прижнуть штыки, встать и идти за офицерами. Сѣрбяющій день огласился крикомъ, покрывшимъ залпъ турецкаго огня, бывшаго отвѣтомъ на команду генерала. Залпъ былъ сдѣланъ не бесполезно, но турки не дожидались пока въ дѣло пойдетъ холодное оружіе. Стрѣлки Іолинина настойчиво преслѣдовали турокъ вдоль покатости, но не могли далеко отойти отъ берега. Между тѣмъ суда медленно, но безирерывно, сповали отъ одного берега до другаго. Русскія орудія открыли было пальбу послѣ того, какъ было замѣчено, что турецкій огонь не былъ неожиданностью. Но какъ бы ни былъ силенъ огонь, онъ не можетъ сразу заставить замолчать другой огонь. Турецкія бомбы падали въ воду, свистали въ вербахъ и разрывались среди колоннъ, стоявшихъ на лугу. Одна граната изъ горнаго орудія упала въ лодку, на которой находились два орудія, артиллеристы и батарейный командиръ. Лодка потонула мгновенно и всѣ бывшіе на ней погибли. Это былъ единственный серьезный случай на рѣкѣ. Но не малое число русскихъ солдатъ пало на обоихъ берегахъ. Не смотря на это, работа шла споро, и когда вскорѣ послѣ семи часовъ я пошелъ къ князю Мирскому, находившемуся на возвышенности передъ Зимницею, уже получено было допесеніе, что вся бригада Іолинина переправилась на тотъ берегъ, что тамъ же находится русская батарея и что генераль Драгомировъ уже переправился».

Турецкій берегъ у того пункта, гдѣ совершилась переправа, представляется почти неприступнымъ. Представьте себѣ высокую скалу, обрывающуюся отвѣсно

въ Дунай. На эту скалу можно взобраться по крутымъ спускамъ лишь въ двухъ-трехъ мѣстахъ. По сторонамъ этихъ спусковъ сплошные кусты, виноградники, букуруза, завалы природные и искусственные, рвы, камни, однимъ словомъ,—всевозможныя прикрытія, изъ-за которыхъ можно стрѣлять чуть не въ упоръ, будучи сами почти невидимы. Представьте себѣ, что подъ этою ужасною скалою—рѣка, въ шестьсотъ сажень шириною, съ странно быстрымъ теченіемъ, а на этой рѣкѣ—островъ плоскій, голый, безъ малѣйшаго кусточка. Представьте себѣ, что на этомъ островѣ, какъ на блюдѣ, туркамъ преподносятся наша армія. Если бы на береговыхъ высотахъ у турокъ были не двѣ батареи, а нѣсколько, то, по увѣренію специалистовъ, они могли бы просто «разстрѣливать» русскую армію».

Волыницы безъ выстрѣла выскочили на берегъ и быстро стали подыматься на гору, подъ цѣлымъ роемъ пуль. Тѣла раненыхъ и убитыхъ скатывались съ горы внизъ. Одинъ изъ такихъ раненыхъ, находящійся теперь въ госпиталѣ, былъ придавленъ цѣлою массою раненыхъ и убитыхъ, и лежалъ тамъ почти цѣлый день, пока наконецъ успѣлъ высвободиться; тогда онъ освободилъ еще двухъ раненыхъ и привелъ ихъ съ собою къ санитарному отряду.

Немного раньше переправы, нѣсколько пластуновъ-казаковъ перебрались на ту сторону Дуная и перерѣзали телеграфныя проволоки въ сторону Никополя и Руцукъ. Одинъ изъ этихъ пластуновъ получилъ рану въ позвоночный хребетъ, — рану, кажется, неисцѣлимую, и лежитъ въ ближайшемъ лазаретѣ въ Зимницѣ. Онъ освѣдомляется у носѣтителей: а гдѣ теперь наши?

правда ли, что уже въ Тырновѣ? и всего менѣе говорить о своей ранѣ. Многіе нижніе чины, изъ тяжело раненыхъ (которые оставляются въ ближайшихъ лазаретахъ у Зимницы), когда къ нимъ подходятъ, прежде всего освѣдомляются: а гдѣ теперь наши полки? Эти и подобные имъ эпизоды отчасти характеризуютъ превосходный духъ, господствующій въ нашей арміи. Командиръ одного пѣхотнаго полка (кажется Житомирскаго), съ оторванными пальцами правой руки, озабоченъ только тѣмъ, чтобъ скорѣе вернуться къ своему полку, забывая о ранѣ. «Да какъ же вы будете командовать безъ пальцевъ?» спросили его. Полковникъ обидѣлся. — «Прошу васъ оставить такіе вопросы. Лѣвою рукою буду подписывать, а правую — командовать, — вотъ и все.

Описывая переправу у *Систова*, корреспондентъ «Новаго Времени» сообщаетъ слѣдующія подробности и эпизоды:

«Съ двухъ батарей, расположенныхъ на высотахъ одна съ лѣвой стороны, отъ того пункта, гдѣ переправлялись понтоны, а другая съ правой, посыпались гранаты. Но русскіе не дрогнули: подъ страшнымъ огнемъ переправа продолжалась неустойчиво, и ничто не могло остановить нашихъ солдатъ. Очевидецъ дѣла, молодой саперный офицеръ, передавалъ мнѣ страшныя подробности о гибели людей Волынскаго полка, который переправлялся первымъ. Видно было — рассказывалъ офицеръ — вотъ плыветъ понтонъ, полный людьми. Гребцы жарко гребутъ, понтонъ быстро подвигается впередъ. Поднятые къ верху штыки блестятъ цѣлымъ рядомъ. Граната. Вдругъ нѣсколько штыковъ опускаются. Одно весло безъ движенія повисло, гребецъ упалъ. Другой

сшибаетъ его. Опять граната. Опять еще нѣсколько штыковъ упали изъ ряда. И такъ все больше и больше. Штыки рѣдѣютъ. Весла постепенно дѣйствуютъ слабѣе, слабѣе и слабѣе. А ужасныя выстрѣлы не умолкаютъ и сыплютъ гибельныя снаряды. Наконецъ, надъ понтономъ уже не видно ни одного штыка. Дѣйствуетъ только весло, тщетно стараясь направить къ берегу понтонъ, увлекаемый быстрымъ теченіемъ. Но вотъ и это весло повисло безъ движенія: послѣдній гребець упалъ и понтонъ съ темною массою повалившихся людей плыветъ по мутнымъ волнамъ Дуная, уже не управляемый никѣмъ, плыветъ огромнымъ печальнымъ гробомъ... Былъ, говорятъ, такой случай, что на понтонѣ перебили всѣхъ людей, но оставшійся одинъ гребець привелъ таки его къ берегу и уже высаживался, когда былъ пораженъ ружейною пулею».

«Рога капитана Брянова, переправившись на берегъ, встрѣчена была частымъ огнемъ турецкихъ стрѣлковъ, бившихъ съ близкаго разстоянія. Храбрый капитанъ, чтобы отъснить турокъ, бросился впередъ съ крикомъ: «ребята впередъ! За мной!» но пока подоспѣли за начальникомъ солдаты, туки уже буквально перебрасывали его со штыка на штыкъ. Онъ получилъ девять ранъ и восемь изъ нихъ не были смертельны, но девятая — проколъ мочевого пузыря — увы, уложила храбраго и честнаго бойца въ могилу. Онъ умеръ чрезъ два дня. Миѣ передавали подробности печальной сцены, когда равнаго капитана перенесли на перевязочный пунктъ и онъ окруженъ былъ товарищами, которые не вдругъ узнали его, — такъ страшно искажено было его лицо страданіями, такъ страшно былъ онъ залитъ кровью.

— Братцы, неужели вы не узнаете меня, говорилъ раненый, замѣтивъ, что товарищи не узнаютъ его, — это я, Брянновъ... Кинулся впередъ, меня и приняли турки на штыки... Голубчики мои, заступились за своего капитана... и дали же себя знать туркамъ...

Товарищи капитана говорили мнѣ, что они просто плакали, видя раненаго и слушая его рѣчи, стоны...

Понтонъ переправлялись рейсами. «Съ третьимъ рейсомъ переправился начальникъ 14-й дивизіи генералъ Драгомировъ. Вы знаете, какъ знаютъ и все, что этотъ генералъ до сихъ поръ считался однимъ изъ самыхъ выдающихся теоретиковъ-спеціалистовъ военного дѣла. Теперь онъ выказалъ себя съ блестящей стороны, какъ боевой генералъ. Онъ все время находился подъ выстрѣлами и выказалъ, по отзывамъ офицеровъ, необычайное хладнокровіе и мужество.

Переправившись подъ страшнымъ огнемъ, генералъ Драгомировъ тотчасъ же привелъ въ порядокъ высадку солдатъ, энергически и хладнокровно распоряжаясь въ эту критическую минуту. Затѣмъ онъ повелъ ихъ лично въ атаку на самую страшную турецкую позицію. Съ крутой горы вблизи склона къ Дунаю, гдѣ приставали понтонъ, бѣжить узенькій потокъ. Около него водяная мельница. Мѣстность тутъ самая выгодная для обороны: груды большихъ камней, густой кустарникъ, овражки, рвы, около которыхъ турки насыпали искусственный валъ. Здѣсь-то, за каждымъ холмомъ и кустомъ и въ самомъ зданіи мельницы, засѣли турки, сопротивляясь съ мужествомъ отчаянія. Мѣткій огонь враговъ изъ-за всякихъ естественныхъ и искусственныхъ преградъ поражалъ нашихъ безпощадно. Солдаты съ

остервененіемъ бросились въ штыки. Рѣзня была страшная. Все уничтожено безпощадно. Осталась только кучка враговъ, засѣвшихъ на мельницѣ. Эту кучку никакъ не могли выбить. Зажгли мельницу, она обрушилась и подъ своими развалинами погребла отчаянныхъ защитниковъ.

Передъ переправу нашихъ войскъ черезъ Дунай у Систова, 15 іюня, генералъ Драгомировъ отдалъ приказъ, отличающійся особенно оригинальнымъ характеромъ и произведшій сильное впечатлѣніе даже на части, ему неподчиненныя. Нѣкоторые командиры казачьихъ полковъ Кавказской дивизіи Скобелева приказали читать этотъ приказъ по сотнямъ, находя его превосходнымъ. Сущность приказа заключается главнымъ образомъ въ наставленіи офицерамъ и солдатамъ, какъ себя держать въ предстоящемъ бою. На сколько приказъ имѣлъ вліянія на самый ходъ дѣла, видно изъ нѣкоторыхъ фактовъ во время боя. Въ приказѣ запрещалось стрѣлять до переправы на правый берегъ, и пунктъ этотъ былъ выполненъ такъ строго, что даже тѣ несчастные солдаты, которые попали скученные на одномъ понтонѣ подъ такой страншій огонь, что можно было сказать объ нихъ, что ихъ просто разстрѣливали въ упоръ съ крутаго берега, даже они, имѣя возможность отогнать выстрѣлами сгущенную на берегу цѣнь, не сдѣлали ни одного выстрѣла. Весь понтонъ, около 50 человекъ, былъ перебитъ. Одинъ молодой солдатъ не выдержалъ и поднялъ ружье, чтобъ пустить отвѣтную пулю, но сзади его толкнулъ кто-то въ спину и проговорилъ: «Знаешь, вѣдь, не приказано; что же стрѣляешь?» и солдатъ опустилъ ружье. Въ приказѣ была

предписана строгая тишина во время переправы — и это соблюдалось въ высшей степени. Солдаты почти не шевелились даже тогда, когда гранаты взрывали воду около самыхъ понтоновъ. Въ приказѣ было сказано, что отступленія быть не должно, а передъ боемъ генераль еще разъ напомнилъ, что нужно идти впередъ, или въ Дунай, и что подмоги не будетъ. «Что-жь, очень трудно было брать позицію?» — спросили одного раненаго мунца. «Да чтожь трудно? когда было сказано никакихъ отступленій: поневолѣ возьмешь» — отвѣчалъ онъ въ нѣкоторомъ раздумьи, словно ему вдругъ пришелъ въ голову вопросъ: «А развѣ можно не взять, если приказано было не отступать?»

Корреспондентъ «Русскаго Мира» сообщаетъ о переправѣ черезъ Дунай, пишетъ между прочимъ: «Нужно было видѣть нашихъ молодыхъ солдатъ, какъ они шли въ огонь и какъ они показали себя въ рукопашной. Я видѣлъ старыхъ офицеровъ-севастопольцевъ, и ихъ отзывы были таковы, что они не ожидали отъ этой молодежи, что она будетъ такъ драться. Много ложилось убитыми много валялось и тонуло въ болотахъ, но ни что не останавливало ихъ. Они заняли берегъ. Въ нѣмныхъ мѣстахъ болотъ вода стояла по-плечи. Они выскочили изъ лодокъ и плотовъ, кинулись за убѣгающими турками и преслѣдовали ихъ по пятамъ. Отъ берега до Буджакскихъ высотъ порядочное разстояніе. Вотъ это-то разстояніе, около трехъ верстъ, наши два полка то на лодкахъ и плоткахъ, то цѣною проходили, преслѣдуя бѣгущаго непріятеля подъ страшнымъ огнемъ непріятельской цѣпи, расположенной второю линіею у подошвы высотъ. Затѣмъ на нихъ грянула съ высотъ

артиллерія. Рязцы шли вперед. Чуть было дрогнули молодцы, уже норѣдѣвшіе отъ были и измученные такимъ ужаснымъ переходомъ, но за ними на плотахъ подыбли рязанцы. Силотившись дружною стѣною, они пошли впередъ выбирать вторую линію непріятели подъ страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Здѣсь на своихъ плечахъ потянули они по болотамъ артиллерію и въ убійственномъ огнѣ успѣли установить ее на одномъ болѣе возвышенномъ мѣстѣ. Очевидцы говорятъ, что первый нашъ орудійный выстрѣлъ оказалъ громадную нравственную поддержку нашимъ солдатамъ.

Прибытіе Государя Императора въ Зимницу и посѣщеніе госпиталя.

Въ ночь съ 15 на 16 іюня, Его Высочество Главнокомандующій перевелъ свою главную квартиру изъ Драчи въ Зимницу. 16 іюня, перешелъ туда же Государь Императоръ со свитой. Всю ночь шли: переходъ значительный—въ 40 верстѣ. Городъ похожъ скорѣе на деревню, съ двумя или тремя каменными постройками. Недалеко отъ вѣзда, влѣво отъ дороги, раскинуты госпитальные шатры и кибитки для раненыхъ. Около 11 часовъ пріѣхалъ Государь Императоръ, остановился у госпиталя и пошелъ по палаткамъ, причемъ спрашивалъ каждаго раненаго, чѣмъ и какъ онъ раненъ. Выходя, Государь благодарилъ людей: «Спасибо вамъ! молодцы!» — «Рады стараться, Ваше Императорское Величество!» — отвѣчали солдатики. — «Богъ съ вами, поправляйтесь!» — «Постараемся, Ваше Императорское Вели-

чество!» — «Да ужъ вы, кажется, постарались!» Они говорятъ: «постараемся» — обратился Государь къ окружающимъ Его лицамъ: — «а уже, кажется, они постарались!» Одинъ раненый л.-гв. Павловскаго полка спалъ; проснувшись и увидѣвъ Государя, онъ заговорилъ: «Я шестерыхъ закололъ, Ваше Императорское Величество, а на седьмой меня ранили... и ужъ не могъ...» Другой солдатикъ Волынскаго полка показывалъ, что у него всѣ 30 патроновъ остались. «Это ты показываешь, что у тебя патроны остались, какъ Драгомировъ приказалъ?» Многие, особенно офицеры, были тяжело ранены, нѣкоторымъ изъ раненыхъ дѣлали перевязки; — доктора говорили, что нельзя довольно удивляться терпѣнію людей. Ужасно смотрѣть на раненыхъ въ голову: двоихъ безпрестанно сводили судороги. Волынскаго полка штабсъ-капитанъ Бриновъ былъ поднятъ на штыки и изувѣченъ 7 ранами: онъ страшно страдалъ, до него нельзя даже было прикоснуться. Когда его поѣхали, еще до приѣзда Государя, Его Императорское Высочество Главнокомандующій, онъ жестоко мучился, но былъ въ памяти и попросилъ руку у Его Высочества. «Что, Бриновъ, ты очень страдаешь?» — Да, Ваше Высочество, дайте руку поцѣловать!» — былъ отвѣтъ. — «Итъ! Дай Я тебя поцѣлую!» — сказалъ Его Высочество и поцѣловалъ этого героя-мученика. Онъ кончилъ страдать на другія сутки. Вообще страданія ужасны!.. и здѣсь лучшая школа научиться уважать людей, посвятившихъ себя или призванныхъ въ боевую службу.

Переправа Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго и Государя Императора черезъ Дунай.

Встрѣтивъ Государя Императора, Его Высочество отправился на переправу. Отъ спуска идетъ рядъ плоскихъ острововъ, раздѣленныхъ небольшими протоками рѣки, которая всѣхъ ихъ заливасть во время полноводія. Они покрыты мѣстами песномъ, мѣстами свѣжею землею, кустарниками и ивовымъ лѣсомъ. По нимъ, извиваясь, тянулись къ переправѣ войска, артиллерія и обозы, которые, въ ожиданіи очереди, тутъ же бивуакировали. Всздѣ оживленный говоръ, шумъ, немедленно затихавшій съ приближеніемъ Его Высочества Главнокомандующаго, чтобы обратиться во взрывъ ура на привѣтствіе Его Высочества. Поровнявшись съ саперами, понтонерами и моряками (гравдейскаго экипажа, морской учебной стрѣлковой роты и команды съ фрегата «Севастополь»), Его Высочество благодарилъ ихъ за превосходную, полную самоотверженія, переправу. — «Спасибо вамъ, саперчики! спасибо морякамъ! спасибо вамъ, молодцамъ, славно поработали, молодцы!» — Люди отвѣчали съ восторгомъ: «ради стараться, Ваше Императорское Высочество!» — Подѣхавъ къ пристанямъ, отъ которыхъ отчаливали одиночные понтоны, съ посаженными на нихъ людьми, или связанные настилкой по два, какъ паромы, перевозившіе артиллерію, лошадей и обозы, Великій Князь приказалъ переездить себя на тотъ берегъ уральскимъ казакамъ. Его Высочеству доложили про одного понтонера, Ивана Александрова Крылова, только-что приплывшаго на берегъ съ остро-

ва, на который онъ спасся съ затонувшаго понтона. Крыловъ ухватился за баргу и на ней спасъ еще двухъ раненныхъ товарищей. Великій Князь потребовалъ его къ себѣ и благодарилъ. Крыловъ, тверянинъ съ Волги, такой небольшого, съ добрыми голубыми глазами и проткииъ выраженіемъ лица. Государь пожаловалъ ему крестъ св. Георгія. Его Высочество, съ начальникомъ штаба и со всею свитой сѣлъ въ понтонъ. За нимъ стоялъ Его ординарецъ, лейбъ-казакъ, держа въ рукахъ знамя Главнокомандующаго. Широко развивалось его шелковое, бѣлое полотно, съ голубымъ восьмиконечнымъ крестомъ съ надписью подъ нимъ: «Съ нами Богъ». Дружно гребли казаки, на берегу играли хоры музыки, солдаты кричали ура! Его Высочество Главнокомандующій переправился на болгарскій берегъ. Дунай чрезвычайно быстро течетъ, и понтонъ, пользуясь теченіемъ, скоро доплылъ до того берега. На пристани стояли Его Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, начальникъ 14-й дивизіи свиты Его Величества генераль-маіоръ Драгомировъ, адъютанты и ординарцы Его Высочества Главнокомандующаго, которые принимали участіе при переправѣ. Свиданіе было трогательное и все прослезилось. Генераль-маіоръ Драгомировъ доложилъ Его Высочеству ходъ дѣла, который уже извѣстенъ изъ предшедшаго сообщенія. Между прочимъ, весьма интересны частныя подробности. Такъ, напримеръ, исполняя приказъ и наставленія своего начальника дивизіи, «чтобы во время переправы на понтонахъ отнюдь не стрѣлять, воздерживаться отъ выстрѣловъ даже при высадкѣ на берегъ, а при встрѣчѣ съ непріятелемъ—скалывать его штыками»,—съ первымъ рей-

сомъ не было дано ни одного выстрѣла, а, при выходѣ на берегъ, первый, выскочившій изъ понтона солдатъ Вольнскаго полка съ мѣста, закололъ штыкомъ турка, выстрѣлившаго въ него почти въ упоръ. Вообще 14-я дивизія на дѣлѣ проявила систему воспитанія, проводившагося въ ней въ мирное время. Большая часть турокъ была убита штыками. Вездѣ проявлялся принципъ взаимной поддержки. Понтоны прибывали отдѣльно со втораго рейса, люди поневолѣ должны были собираться и вступать въ бой отдѣльными кучами и цѣнями, которыя, по приказанію офицеровъ, собирались во взводы и роты; при этомъ строились люди не только разныхъ ротъ, но и разныхъ полковъ. Запрещено было подавать сигналъ отступленія. Одинъ изъ ординарцевъ Его Высочества, кавалеристъ, лежа въ цѣпи, слышалъ будто подали сигналъ отступленія и обратился съ удивленіемъ къ унтеръ-офицеру: «Неужели это отступленіе играютъ?»—«Никакъ нѣтъ, ваше благородіе; нашъ генераль сказалъ, что если будутъ играть отступленіе, то это или турокъ, или измѣнникъ». Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ офицеры были перебиты, люди просили ближайшихъ офицеровъ, чтобъ они приняли ихъ подъ начальство. Между прочимъ, генераль Драгомировъ рассказывалъ, что, при выходѣ на берегъ, онъ скоро встрѣтилъ тяжело раненаго штабсъ-капитана Брянова, и видя, что его ведутъ и онъ въ крови спросилъ. «Что, Бряновъ, вы ранены?» А онъ не отвѣчаетъ на вопросъ, а говоритъ: «Все хорошо идетъ, турки вездѣ сбиты!» Во время разговора между Его Высочествомъ Главнокомандующимъ и генераломъ Драгомировымъ подошла гвардейская рота. Генераль Драгомировъ просилъ Его Высочество позво-

лить ему сначала поблагодарить людей, такъ какъ онъ еще не имѣлъ случая ихъ видѣть. Рота остановилась на холмѣ поодаль. «Честь и слава вамъ, братцы», обратился генералъ къ ротѣ, снявъ фуражку, «спасибо вамъ, молодцы! Сослужили вы службу Царю-Батюнкѣ! Показали себя! Дѣти вы Русской земли!»—«Ради стараться, ваше превосходительство!» дружно отвѣчали храбрецы. Спустившись внизъ и выстроивши фронтъ, рота взяла на караулъ, когда Его Высочество подошелъ къ ней. Капитанъ Косачъ отранпортовалъ Его Высочеству. «Спасибо вамъ молодцы!» привѣтствовалъ Его Высочество. «Вы доказали на дѣлѣ, что вы достойные представители гвардейскихъ частей и оправдали выборъ вашего начальства!» Когда Государь сталъ подъѣзжать къ только-что занятому съ боя Его войсками болгарскому берегу, Его Императорское Высочество Главнокомандующій снялъ со всѣми фуражку и грянуло «ура!» и подхватили его гвардейская рота и только-что перешедшія войска 35-й дивизіи, стоявшія по окрестнымъ высотамъ. Подъѣзжая, Государь всталъ, снялъ фуражку и закричалъ «ура!» И подхватили Царское «ура» люди на водѣ въ понтонахъ, на баркахъ и на пароходѣ «Тудера», и пошло, и пошло оглашать воздухъ это «ура», и было чего кричать: Русскій Царь вступалъ на другой день послѣ переправы на берегъ освобождаемой Имъ страны.

Выходя, Государь оперся на руку Великаго Князя Главнокомандующаго, а затѣмъ далъ Георгіевскій крестъ 3-й степени генералу Драгомирову. У Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго на груди красовался тотъ же крестъ 4-й степени, только-что ему пожало-

ванный. Государь подошелъ къ гвардейской ротѣ, принялъ рапортъ и благодарилъ людей за молодецкую службу, затѣмъ сѣлъ верхомъ и, въ сопровожденіи Его Высочества Главнокомандующаго и свиты, поѣхалъ благодарить храбрые полки 14-й дивизіи, поставленные шпалерами вдоль углубленной дороги въ Систово. Солдаты кричали «ура», бросали шапки вверхъ и держали ихъ на штыкахъ.

У Систова Государь былъ встрѣченъ жителями и духовенствомъ съ крестомъ и евангеліемъ. Государь приложился и приказалъ слѣдовать въ соборъ. На улицахъ женщины посыпали путь цвѣтами, въ соборѣ пропѣли многолѣтіе, а народъ кричалъ «ура» и хлопалъ въ ладоши.

Изъ собора Государь поѣхалъ въ домъ, занятый командиромъ 8-го корюса, генералъ-лейтенантомъ Радецкимъ. Его Величество изволилъ завтракать и потомъ возвратиться прямо изъ Систова въ Зимницу. Такимъ образомъ, на другой день послѣ переправы, Государь Императоръ могъ держать торжественный въѣздъ въ бывший турецкій городъ. До 1,000 турецкихъ семействъ внезапно покинули Систово и захватили что могли изъ своего имущества и, собравшись въ теченіе всего трехъ часовъ времени, потянули къ Руцукку; болгары бросились въ турецкій кварталъ и разграбили дома и мечети.

Систовъ красивъ; у домовъ большія ворота, каменные заборы, маленькія рѣшетчатая окна, иногда даже бойницы. Все это придаетъ домамъ видъ маленькихъ замковъ и крѣпостей, скучившихся въ неправильныя груды по холмамъ и оврагамъ, улицы же похожи на случайно остав-

шіеся между ними проходы. Въ лавки въ городѣ заперты, на дверяхъ и на окнахъ нарисованы престы и написаны русскими буквами имена хозяевъ. Съ нѣсколькими товарищами мы доѣхали въ открытую кофейню и попросили вина; подали красный квасокъ, но сидѣвшіе болгары принесли хорошаго мѣстнаго вина и просили насъ принять угощеніе, тотчасъ же предложивъ здоровье Государя Александра и Великаго Князя Николая. Мы пили за ихъ освобожденіе и дальнѣйшее преуспѣяніе.

Корреспондентъ «Моск. Вѣд.» сообщаетъ изъ Систова: Я отправился вмѣстѣ съ полковникомъ княземъ Хилковымъ, командиромъ 3-го батальона Волынскаго полка, в за 5 верстъ отъ города, чтобы взглянуть на мѣсто переправы и на поле, гдѣ происходила битва 15-го іюня. Батальонъ князя Хилкова высадился однимъ изъ первыхъ на турецкій берегъ и однимъ изъ первыхъ участвовалъ въ дѣлѣ. Крутой, обрывистый берегъ, переходящій въ холмистую мѣстность. Холмы все крутые, высокіе. Повсюду овраги и ямы, прикрытые поросшею по ихъ краямъ густою травою и переплетенными вѣтвями, кустарникомъ; стѣнами разросшіяся виноградникъ. Каждая точка этой мѣстности представляла великолѣпную засаду для турка. Наши солдаты взбирались вверхъ по крутому берегу молча, безъ выстрѣла, подъ непрерывнымъ огнемъ турецкихъ выстрѣловъ. Выбивали турка изъ каждаго куста, изъ каждаго оврага, и снова, спотыкаясь, падая и поднимаясь, ползли вверхъ по крутизнамъ холмовъ, атакуя въ штыки непріятеля, осыпавшаго ихъ сверху цѣлымъ градомъ пуль. «Вотъ тутъ», рассказывалъ мнѣ мой спутникъ, показывая на оврагъ,

обросилъ кругомъ кустами, «погибъ на моихъ глазахъ ротный командиръ моего батальона, Бряновъ». Въ этомъ оврагѣ спряталось нѣсколько десятковъ турокъ, и, пропустивъ мимо себя роту Брянова, открыли по ней огонь въ тылъ; рота повернула къ оврагу и стала отстрѣливаться. Командиръ Бряновъ, видя, что выстрѣлами не выбьешь турокъ изъ оврага, бросилъ ружье, выхватилъ саблю и крикнувъ своей ротѣ: «ура! ребята, за мной!» первый бросился черезъ кусты въ оврагъ, но тутъ же былъ поднятъ семью штыками на воздухъ. Еще живаго Брянова привезли въ тотъ же день въ Зимницу. Государь Императоръ обнялъ его, поцѣловалъ и возложилъ собственноручно на него Георгіевскій крестъ. Бряновъ прожилъ три дня.

Въ другомъ мѣстѣ, на скатѣ холма, мой спутникъ видѣлъ, въ двухъ шагахъ отъ себя, иную, очень трогательную сцену: русскій солдатъ, работая прикладомъ ружья, уложилъ нѣсколько человекъ турокъ, нападавшихъ на него съ саблями въ рукахъ. На одномъ изъ убитыхъ солдатъ нашелъ мѣшокъ, набитый золотыми червонцами; высыпавъ деньги и собравъ ихъ въ пригоршню, солдатъ пустилъ ихъ по вѣтру, и на вопросъ офицера: «что ты дѣлаешь? золото тебѣ пригодится!» отвѣчалъ: «не хочу, ваше благородіе, поганыть себя басурманскими деньгами». Къ несчастію, чрезъ нѣсколько минутъ этотъ солдатъ былъ убитъ непріятельскою пулей.

Мы извѣдвали поле битвы взадъ и впередъ, по всеѣмъ направленіямъ. Почва вся усыяна множествомъ солдатскихъ вещей: ранцами, манерками, сапогами, кучами

тряпья и бусками мундировъ. Въ воздухѣ стоялъ запахъ мертваго тѣла.

Нечего и говорить, что русскіе были приняты здѣсь съ восторженными восклицаніями; что народъ осыпалъ ихъ выраженіемъ признательности и что дѣвушки бросали имъ цвѣты. Лучшимъ доказательствомъ расположенія болгаръ къ русскимъ можетъ служить то, что дома болгаръ были открыты передъ побѣдителями и что всѣ, кто только могъ снабдить ихъ нищею и нитьемъ, отказывались получать деньги. Языки до того близки, что если русскій говоритъ по-русски, а болгаринъ по-болгарски, то они понимаютъ другъ друга. Если судить тоько по жителямъ Систова, то болгарскій народъ несравненно способнѣе и прогресивнѣе румынъ. У болгаръ больше живости и огня въ глазахъ, нежели у валаховъ. По мѣрѣ приближенія къ Константинополю, женщины не столь социальны, вялы, какъ румынки, и ретиво хлопочутъ вокругъ своего хозяйства. Воздухъ здѣсь не имѣетъ ничего общаго съ воздухомъ болотныхъ долинъ. покинутыхъ нами, и, не смотря на турецкую неурядицу, здѣсь вѣетъ какимъ-то довольствомъ, котораго не достаетъ по той сторонѣ Дуная. Ненависть къ туркамъ и радость, по поводу прибытія русскихъ, повидимому, совершенно натуральны.

«Со дня вступленія русскихъ исчезли всѣ фески. Вотъ уже годъ, какъ продолжается возстаніе, а христіанскіе обыватели не могли даже носить шляпы, не рискуя быть оскорбленными. Они должны были ходить въ фескахъ или мѣховыхъ шапкахъ. Феску, какъ символъ рабства, разорвали въ клочки, а на мѣховую шапку, въ знакъ освобожденія, нашили крестъ. Это

сдѣлано, быть можетъ, не съ этою только цѣлью, а для того, чтобъ заявить себя вступившимъ солдатамъ, какъ христіанъ. Дорога отъ Дуная внутрь страны постепенно поднимается, слѣдуя по узкимъ, извилистымъ долинамъ. Дорога дурная, мосты старые, разрушающіеся. Вчера, послѣ полудня, мы добрались до деревни, находящейся на полуночи отъ Систова и Саривара, и ночевали въ ней. Все послѣобѣденное время и цѣлую ночь мимо насъ безостановочно проходили наступающіе войска. Между закатомъ и восходомъ солнца прошли донскіе казаки. Мусульмане, вступающіе въ магометанскую страну, ѣхали по флагамъ эскадрона терскихъ казаковъ, ряды которыхъ наполнены старовѣрами и надъ которыми развѣвается знамя, украшенное стариннымъ крестомъ. Пѣхотная бригада 35-й дивизіи остановилась въ узкой дорогѣ долины и построилась шпалерами, чтобъ пропустить мимо себя линейныхъ казаковъ, одѣтыхъ въ черныя черкески. Пѣхотницы пробуждали эхо въ болгарскихъ холмахъ своими «ура» въ то время, какъ проѣзжали, украшенная крестомъ, знамена, развѣвавшіяся своими блестящими складками надъ кубанскими горами, ѣхавшими рысью на своихъ сильныхъ мажорослыхъ лошадкахъ. По верхней сторонѣ долины стрѣлковая бригада шла вперёдъ ровнымъ, проворнымъ шагомъ, неся на плечахъ смертоносныя берданки. Среди остановившихся массъ солдатъ раздаётся новое, еще болѣе громкое «ура», рѣзко оглашающее безмолвіе ночи, а изъ долины выступаетъ голова колонны болгарской дружины. Дружинники—народъ болѣе тонкаго сложенія и болѣе подвижной, чѣмъ плотный русскій солдатъ, и въ шагѣ ихъ замѣтна пѣ-

которая первая порывистость: это — шагъ людей, сердца которыхъ бьются надеждою разбить свои цѣпи, съ радостнымъ ожиданіемъ, что наступитъ вскорѣ часъ отмщенія тому племени, которое, въ теченіи четырехъ вѣковъ, угнетало болгаръ подъ ярмомъ неволи. На передней сторонѣ ихъ мѣховыхъ шапокъ сіяетъ, при лунномъ свѣтѣ, серебряный крестъ. Разсвѣтаетъ.

Занятіе Бѣлы.

«Сегодня 5 іюли, утромъ, бригада драгунъ 12-го корнуса двинулась изъ деревни Павло къ Бѣлѣ, отстоящей на равномъ почти-что разстояніи отъ Систова и Рушукъ, миляхъ въ двадцати отъ Дуная. Такъ какъ извѣстно было, что турки не покинули Бѣлы, то генераль Арнольди двигался весьма осторожно. Дорога прелегаетъ по холмистой мѣстности и съ Дуная мы могли видѣть долину Янтры и хорошенцькій городокъ, лежащій нѣсколько вдали отъ рѣки. Такъ какъ позиція у Бѣлы весьма сильная, если занять ее, то необходимо было соблюдать большую осторожность. По свѣдѣніямъ, турки занимали деревню съ лѣвой стороны. Сюда направлень былъ отрядъ казаковъ, которыхъ я сопровождалъ. Отрядъ этотъ прогналъ небольшую партію турокъ и возвратился къ главной колоннѣ. На мосту болгаре устроили генералу Арнольди трогательную встрѣчу. Генераль поцѣловалъ крестъ, поднесенный ему священникомъ, плакавшимъ отъ восторга. Но оставалось еще занять высоты. Поэтому генераль выдвинулъ впередъ эскадронъ драгунъ съ застрѣльщиками,

которые съ примкнутыми штыками взобрались на высоты и прогнали цемногихъ находившихся здѣсь турокъ. Затѣмъ, на высотахъ раскинули лагерь, въ которомъ позже расположилась вся кавалерія 12-го корпуса. Потери не оказалось никакой. Нѣсколько человекъ взято въ плѣнъ. Въ окрестностяхъ часто происходятъ стычки съ черкесами. Сегодня, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бѣлы, въ одной деревнѣ происходило сраженіе, при которомъ убитъ русскій кавалерійскій офицеръ и раненъ одинъ солдатъ; черкесовъ убито нѣсколько человекъ. 12-й корпусъ направляется къ Русуку. Турки весьма жестоко поступили съ жителями Бѣлы и болгаре безмѣрно радуются своему освобожденію. Это—способный народъ и въ большинствѣ хорошо воспитанный».

«Населеніе чрезвычайно обрадовано и твердо увѣрено, что владычеству турокъ навсегда положенъ конецъ. Обыватели такъ счастливы и веселы, какъ будто имъ цѣлую недѣлю приходится справлять одни только праздники. Каждый день бываетъ колокольный звонъ, и когда это случилось въ первый разъ 16-го (28-го) іюня, утромъ, сивовцы говорили: «пробилъ часъ нашего избавленія!» Въ теченіи нынѣшняго года, хрестіанамъ снова было запрещено употребленіе колоколовъ и ихъ призывали къ богослуженію битьемъ въ доску. Молодежь старается теперь еще усиливать металлическій звукъ, безъ котораго долго вынуждено было обходиться. Особенно живую радость выказываютъ женщины и дѣвушки. Церкви всегда переполнены; мечети же стоятъ пустыя. На минаретахъ появляется, вмѣсто муэдзина, русскій солдатъ и съ любопытствомъ глядитъ

въ даль, чтобъ узнать: не идетъ ли турецкій мониторъ. Но нѣтъ. Турецкій мониторъ запертъ торнеднымъ баромъ; парходъ же, однако, все-таки, видѣнь, только русскій, занимающійся перевозкой и, служба военнымъ цѣлямъ, не имѣющій воинственного вида.

Переправа черезъ Дунай близъ Галаца и Браилова.

«Три недѣли сряду. въ мастерскихъ выше Браилова день и ночь кипѣла у плотниковъ работа. Русскія крушовскія орудія, оказавшіяся столь неприятными турецкимъ мониторамъ, охраняли рабочихъ, и отличавшаяся крайнею строгостью полевая полиція, не пуская въ мастерскія никого посторонняго, заботилась о соблюденіи тайны. Такимъ образомъ, съ безусловнымъ охраненіемъ тайны, построень былъ чрезвычайно длинный мостъ для соединенія румынскаго берега съ турецкимъ. 9-го (21-го) іюня, художественное это произведеніе было окончено во всѣхъ его частяхъ, а въ настоящее время оказываетъ отличныя услуги, послѣ того, какъ генераль Циммерманъ вчера еще прибылъ въ Мачинъ съ войсками на пароходахъ и баркахъ. По ту сторону моста, на турецкомъ берегу, лошади храбрыхъ казаковъ должны подвигаться впередъ, по самое брюхо въ ботѣ, но это ихъ не задерживаетъ. Болота занимають значительную часть добруджскаго берега до мачинскихъ холмовъ, заслужившихъ особое имя въ военной исторіи. Почти одновременно переправа изъ Галаца была совершена весьма дѣйствительнымъ и, въ то же время, крайне оригинальнымъ способомъ. Когда началась вой-

на турки. какъ извѣстно, весьма грубо провозгласили блокаду Дуная и присоединили къ тому магометанскую, по существу, угрозу — жечь суда, какія имъ еще встрѣтятся. Поэтому, въ галацкомъ портѣ стало искать себѣ защиты множество судовъ всѣхъ націй и всякаго объема. Большая часть ихъ была вполнѣ приспособлена къ перенравѣ отдѣльныхъ частей того или другаго русскаго корнуса на турецкій берегъ. Въ ночь, съ 9-го (21-го) на 10-е (22-е) июня суда эти исполнили долгъ свой, и перенраву открыли десять ротъ полковъ Рязанскаго и Рижскаго. Когда мостъ въ Браиловѣ былъ готовъ и переходъ въ Галацъ захотѣли согласовать съ Браиловскимъ, то для скорѣйшей перевозки войскъ употреблены были въ дѣло и два парохода, изъ которыхъ одинъ — «Стефанъ-чель-Маре» совершилъ плаваніе изъ Тулона въ Галацъ. Но всего труднѣе было перевезти орудія съ упряжью и матеріаломъ. Для этого новѣйшее военное искусство обратилось къ системѣ свайныхъ построекъ. Устроены были плоты и притомъ весьма оригинальные, охрапленные съ обѣихъ сторонъ земляными насыпями. Въ углубленіи на деревянномъ, чрезвычайно прочномъ, днѣ стояли запряженные пушки и зарядные ящики. Такъ артиллерія совершила свою первую перенраву, которая ей вполнѣ удалась. Крѣпостныя орудія посланы были вслѣдъ за войсками, перешедшими черезъ Браиловскій мостъ и вступившими въ Мачинъ. Ихъ уже помѣтили на высотахъ, такъ что позиція эта, которая могла бы угрожать русскимъ опасностью, теперь для турокъ будетъ чрезвычайно гибельна, если имъ вздумается вновь завоевать утраченные позиціи. Какъ бы то ни было, рус-

скія войска водворилсь въ Турціи и завоеванное ими положеніе — крючокъ, засѣвшій въ самое мясо мусульманина».

Переправа черезъ Дунай у Мачина.

«Мачинъ былъ занятъ русскими въ ночь съ 10-го на 11-е іюня. Вотъ какъ это случилось. Въ Браиловъ, между прочими моряками, какъ вы конечно знаете, есть мичманъ Никоновъ, начальникъ отдѣльнаго отряда пловцовъ, состоящаго изъ десяти человѣкъ. Эти пловцы снабжены бойтоновскими костюмами и плаваютъ по Дунаю, отчасти для вывѣдыванія о судахъ турокъ, отчасти со спеціальною цѣлью подведенія особаго рода ручныхъ минъ подъ турецкія суда. Г. Никонову до сихъ поръ не удалось подвести мину, хотя онъ, — объ этомъ вы тоже вѣрно читали, — разъ подходилъ къ одному монитору кажется подъ Тульчею. Въ послѣднее время г. Никоновъ, кромѣ своего спеціальнаго назначенія, принялся еще за другое дѣло: онъ набралъ себѣ небольшой отрядъ охотниковъ, съ которыми дѣлалъ развѣдки о силахъ и движеніяхъ непріятеля. Вотъ съ этимъ отрядомъ, состоящимъ, если не ошибаюсь, изъ четырнадцати человѣкъ, г. Никоновъ и занялъ Мачинъ въ ночь на 11 іюня. Какіе-то молдаване извѣстили г. Никонова, что Мачинъ повинутъ турками совершенно. Онъ подѣхалъ съ своимъ отрядомъ на челнокахъ, вошелъ въ городъ и лично убѣдился, что дѣйствительно въ немъ нѣтъ ни одного турецкаго солдата. Утромъ одинадцатаго іюня лейтенантъ Шеста-

ковъ былъ посланъ на катеръ «Цесаревичъ», чтобы, если только можно, провѣдать отрядъ г. Новикова и за тѣмъ изслѣдовать рѣчной путь къ Мачинѣ. Посланы слухи, что турками поставлены минныя загражденія вблизи самаго Мачина. Лейтенантъ Шестаковъ благополучно прибылъ въ Мачинъ и нашелъ въ немъ всю команду г. Никонова съ ея начальникомъ въ тѣхъ самыхъ турецкихъ казармахъ, которые помѣщаются на мачинскомъ берегу; лейтенантъ Шестаковъ возвратился въ Браиловъ.

Гребцы, перевозившіе войска (казаки и солдаты), нарочно обучались греблѣ за нѣсколько времени до переправы. Дня за четыре—разсказывалъ одинъ офицеръ корреспонденту «Новаго Времени»,—обученнымъ гребцамъ была сдѣлана небольшая репетиція: имъ приказано было прокатиться по Дунаю. Молодцы такъ обрадовались этой примѣрной прогулкѣ, что пустились по мачинскому рукаву чуть не подъ турецкія батареи. На силу сдержали ихъ рвеніе, насилу созвали лодки и отправили ихъ въ свояси.

Отъ праваго берега Дуная до Буджакскихъ высотъ, гдѣ укрѣпились турки, идетъ низменная мѣстность длиною верстъ въ десять, которая поросла тростинкомъ и часть которой представляетъ старое русло Дуная, нѣкогда протекавшаго у самой подошвы высокихъ обрывовъ. Буджакскія высоты съ находящимися на нихъ четырьмя укрѣпленными позиціями, занимали турки въ числѣ 3,000 человекъ, съ 300 черкесскими всадниками и при двухъ орудіяхъ.

Первая позиція, какъ извѣстно, взята послѣ штыкового дѣла. Турки удалились на вторую позицію. Му-

жество возвратилось къ туркамъ, когда они замѣтили, что наши слабѣе ихъ. Разгорѣвшійся бой перешелъ въ рукопашную.

«Вторая высота была взята, но положеніе становилось все-таки затруднительнымъ, такъ какъ отъ этой высоты шли поля, засеянные пшеницею и овсомъ, и весьма благопріятныя для дѣйствія кавалеріи. Черкесская конница начала напирать на нашихъ пѣхотинцевъ тѣмъ смѣлѣе, что видѣла незначительную численность непріятеля. Именно здѣсь, въ этомъ пунктѣ, между второю и третьею позиціями, происходили самые кровавые эпизоды битвы и наши войска понесли самыя сильныя потери, причемъ большинство убитыхъ и раненыхъ пострадало отъ дѣйствія холоднымъ оружіемъ. Здѣсь, на этихъ самыхъ пшеничныхъ поляхъ, палъ пикетъ изъ четырехъ солдатъ: окруженные со всѣхъ сторонъ, выбившись изъ силъ и выстрѣлявъ все патроны, солдаты этого пикета ни за что не хотѣли сдаться, и все четверо храбрецовъ были убиты. Турки отрубили ихъ головы.

Турки только-что получили подкрѣпленіе и угрожали отнятіемъ потерянной ими позиціи. Въ этотъ моментъ молодой подпоручикъ Никольскій просилъ у своего капитана позволенія атаковать третью позицію и, не дожидаясь разрѣшенія, бросился впередъ, сопровождаемый горстью охотниковъ. Все они пали, пораженные на смерть; но порывъ ихъ, какъ электрическая искра, пронесся по всему отряду. Раздалось грозное «ура», всегда повергающее въ ужасъ турокъ, и позиція была взята

Приказано было штурмовать четвертую позицию. Попытка эта была смѣлою, можно сказать отчаянною.

Офицеръ, командовавший штурмовою колонною, за-видѣвъ на высотѣ холма блескъ яркаго пламени. Онъ упалъ на землю и приказалъ людямъ своимъ также лечь. Вслѣдъ за этимъ движеніемъ, ядро врылось въ землю у самой головы офицера, подпрыгнуло снова, скользнуло по его черепу и избородило ему бока и ляжки. Въ этотъ моментъ.—моментъ торжественный и рѣшительный—раздался новый выстрѣлъ изъ орудія, но уже съ другой стороны: это шло подкрѣпленіе. Его удалось отпавить съ того берега и при немъ находились два орудія, изъ которыхъ одно успѣли поставить на позицію. Снаряды пришлось тащить на рукахъ. При звукѣ этого выстрѣла изъ русскаго орудія, храбрые рязанцы и ряды вздохнули свободнѣе и громкое «ура» огласило поле битвы. Забыто было утомленіе. Подъ защитою учащенныхъ выстрѣловъ изъ этого спасительнаго орудія, всѣ солдаты бросились на приступъ. Успіеіе это было уже бесполезно, такъ какъ турки, при второмъ же выстрѣлѣ изъ русскаго орудія, убрались, увозя съ собою обѣ свои пушки и фургоны, нагруженные убитыми и ранеными.

Дѣло на Семейскихъ высотахъ, въ Малоазіятской Турціи.

Назначенные на рекогносцировку восточной половины турецкой позиціи батальоны и дружины двинулись впередъ въ двухъ колоннахъ—лѣвой и правой. Этимъ вой-

скамъ предстояла нелгкая задача: изслѣдовать расположеніе и численность непріятеля. Генералы Оглобжіо и Денибсковъ объѣзжали войска. Баталіоны спустились внизъ, въ громадное ущелье, по дну котораго мчался горный потокъ Кинтиншъ. Прикрытій при переправѣ черезъ рѣчку и ущелье не оказалось почти никакихъ. Скаты и дно балки были обнажены отъ растительности. Изъ турецкихъ ложементовъ пули посылались проливнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣткимъ дождемъ. Не смотря на убійственный огонь, наши баталіоны съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ подвигались впередъ. Разынная впередъ цѣпь застрѣльщиковъ, перебѣгая впередъ съ позиціи на позицію, изъ-за гнилыхъ шей и гребней, отвѣчали бойко на залпы скрывшихся за окопами и за сѣнками низамовъ. Наши печально наткнулись на траншеи и на очень многочисленнаго противника. Находящаяся впереди ложементовъ сакли были постепенно очищены турками и заняты нашими войсками. Огонь все усиливался. Первая, встрѣтившаяся на пути, гора была взята. Пришлось опять спуститься въ балку. Подъ градомъ пуль, бьющихъ сверху чуть не въ упоръ, наступающимъ баталіонамъ пришлось подыматься по кручамъ, поросшимъ колючкой. Тамъ и сямъ наши посылали вверхъ въ грозные ложементы частые залпы. Орудійная канонада усилилась. Турецкія батареи вновь открыли огонь. Наши снаряды, пролетая надъ головами атакующихъ, разрывались удачно внутри непріятельскихъ траншей. Гранаты противника разрывало въ воздухъ и забрасывало лѣзущихъ впередъ смѣльчаковъ осколками. Стоны умирающихъ и раненыхъ сливались со свистомъ пуль и визгомъ гранатъ въ какую-то чреватую уха-

сомъ мелодію. Одинъ часъ прошелъ, другой близился къ концу и оружейная палба слилась въ одинъ общій гулъ. Наши войска увлеклись боемъ. На лѣвомъ флангѣ, въ половинѣ 3-го, самое жаркое дѣло. Тамъ дерутся и подвигаются впередъ грузины, стрѣлки (1-й и 4-й баталіоны), пластуны, гурійцы и др. На нашемъ правомъ флангѣ, на скатѣ длиннаго гребня, взбугреннаго и изрытаго турецкими ложементами, низамы, все чаще и чаще отстрѣливаясь, бѣшко отстаиваютъ свою позицію. Въ это самое время объѣзжалъ резервы генераль Облюбжію и ободрялъ ихъ. Изъ резервовъ сѣнать роты на выручку и облитыя потомъ, взбираются на крутизны. Лица у солдатъ блѣдныя, серьезныя, съ выраженіемъ озлобленія и рѣшимости. Они знаютъ, что идутъ брать неприступныя позиціи, знаютъ, что идутъ вмѣстѣ со своими офицерами на вѣрную смерть — точно гладиаторы, вѣтунавнїе, въ старое время, на не менѣе страшную арену Колизея. Многія пули попадають: раненыхъ не успѣваютъ унести: объ убитыхъ вѣтъ времени и думать. Тамъ и сямъ баталіоны бросаются на ура, но мириады вшестеревыхъ пулъ замедляютъ движеніе. Мѣткій огонь нашихъ стрѣлковъ и беззавѣтный героизмъ атакующихъ, достойны удивленія. Дальше идти рекогносцирующимъ не было надобности. Пришлось отступить и вернуться на свои позиціи. Солдаты были крайне утомлены: солнце припекало, было душно: ни одного дуновения вѣтерка—природа, словно испуганная ужасами боевыхъ сценъ, притала дыханіе.

Въ 5 часовъ вечера опять загудѣли выстрѣлы изъ многихъ десятковъ орудій и многихъ тысячъ ружей. Вой разыгрался главнымъ образомъ противъ нашего

центра и праваго фланга. Рѣшено было взять нижніе ложементы, защищающіе доступъ къ «желтой» батарее. Имеретницы, стрѣлки (2-й батареи), алексадропольцы, пятигорцы, закатальцы и др., среди сильнѣйшей канонады, буквально обсыпанные пулями, бросались молодцами впередъ и, послѣ громадныхъ усилій, цѣною многихъ жертвъ, заняли нижнія траншеи и оттѣснили турокъ въ верхнія прикрытія. Въ занятыхъ траншеяхъ войска переночевали. Въ особенности отличился 2-й стрѣлковый баталіонъ, опередившій все прочіе баталіоны и пробравшійся черезъ непріятельскую линію незамѣченнымъ. Изъ словъ очевидцевъ оказывается, что впереди турецкихъ траншей были глубокіе рвы, съ американскою проволочною сѣтью. Бруствера и завалы имѣли высоту 5—6 фут. и были снабжены бойницами и амбразурами для ружейной стрѣлбы. И потому не удивительно, что наши войска подходили на 50—60 шаговъ къ ложементамъ и, кромѣ бѣлыхъ полосъ дыма, ничего не видѣли; турки же, стоя, были вполнѣ прикрыты высокими насыпями и черезъ бойницы могли стрѣлять въ упоръ. Что же касается американской проволочной сѣти, то ее можно назвать пустякомъ въ сравненіи съ массой болочаго, вьющагося по горнымъ кручамъ растенія. Эта природная сѣть съ шипами, разостланная въ балкахъ и по скатамъ, сильно замедлила движеніе нашихъ баталіоновъ впередъ.

«Ночью турки попытались напасть на наши войска врасплохъ. Незамѣтно приблизились колонны низамовъ къ нашей цѣли и, скрытыя въ лѣсу, обсыпали ее залпами. Перестрѣлка загорѣлась чуть не на всей линіи Трескотня частыхъ выстрѣловъ загудѣла громнымъ эхомъ

въ ущельяхъ и лѣсахъ. Наши резервы бѣглимъ огнемъ и штыкомъ, послѣ ожесточенной перестрѣлки, оттѣснили непріятели, спрятавшагося въ своихъ траншеяхъ.

«На слѣдующій день (11 іюня), съ утра, открылась канонада на всей линіи. Турки лѣвѣ тыльной батареи, ближе къ намъ, изъ лѣсу стали стрѣлять изъ новой батареи, не дѣйствовавшей наканунѣ. «Высокая», «подъ дубомъ», «желтая», «тыльная» и «амбразурная» батареи стали обстрѣливать наши позиціи съ гораздо большей энергіей, чѣмъ 11 іюня. Наша артиллерія главнымъ образомъ старалась сбить орудія на «желтой» батарее. Задача была нелегкая: цѣль для нашихъ наводчиковъ была крайне неопредѣленная. Турецкіе артиллеристы на «желтой» батарее прибѣгли къ хитрости: свои орудія они перевезли изъ батареи (представлявшей для нашихъ снарядовъ великолѣпную мишень) на лѣсъ и оставили нушки немного лѣвѣ батареею, насыни. При такихъ обстоятельствахъ сбить орудія оказалось почти невозможнымъ. Броненосецъ стрѣлялъ мимо. Въ 11 часовъ, со стороны нашего лѣваго фланга послышались частые выстрѣлы. Это жители подъ начальствомъ Али-паши открыли огонь на большую дистанцію изъ своихъ горныхъ лѣснстыхъ трупцобъ по лѣвому флангу нашей лѣвой колонны (полковника Гурчина).

«До полудня шла незначительная перестрѣлка по всей линіи между нашей цѣнью и турецкими аванпостами. Послѣ обѣда выстрѣлы стали все чаще и чаще. Вскорѣ они превратились въ какой-то гулъ, напоминающій шумъ быстро текущаго ручья по обломкамъ скаль, со множествомъ водопадовъ. Оказалось, что, считая цѣль

рекогносцировки достигнутою, наши войска утормъ, по приказанію командующаго войсками, отступили на прежнія позиціи, чтобъ не подвергаться понапрасну убійственному огню съ верхнихъ непріятельскихъ ложементовъ. Турецкая пѣхота, введенная въ обманъ, стала дѣйствовать наступательно противъ нашего центра и праваго фланга. Наши войска находились недалеко отъ Кинтишской балки. Турецкіе батальоны спустились внизъ и обсыпали нашу цѣпь и резервы массою пуль. Завязалось дѣло серьезное. Наши не остались въ долгу и встрѣтили смѣло лѣзущаго впередъ противника мѣткимъ и выдержаннымъ огнемъ. Не смотря на неожиданный, энергическій и нѣсколько разъ повторяемый натискъ колоннъ низама, наша пѣхота не была потрясена. Конечно батальонамъ трудно было стоять въ порядкѣ, подъ градомъ пуль и гранатъ, какъ это бываетъ на смотрахъ и маневрахъ: но люди не потерялись. Турки, не смотря на то, что были встрѣчены убійственнымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ, денкоранцовъ и прочихъ, подвигались все-таки впередъ. Въ самомъ опасномъ пунктѣ они напали на одну изъ нашихъ батарей, два-три смѣльчака очутились уже у орудій, но ихъ наши артиллеристы, подвѣренные подбѣжавшими охотниками, тотчасъ-же отправили туда, откуда не получается ни писемъ, ни телеграмъ. Въ эту минуту канонада страшно загудѣла съ обѣихъ сторонъ. Непріятельскія колонны, встрѣченныя, чуть не въ упоръ, картечью и огнемъ подошедшихъ нашихъ резервовъ, потерявъ множество людей, быстро отступили въ безпорядкѣ на свои недоступныя позиціи. Побѣда осталась

за нами полная. Потери наши въ этотъ день были гораздо меньше, чѣмъ наканунѣ».

Тотъ же корреспондентъ добавляетъ далѣе: «Для докторовъ, фельдшеровъ и членовъ Общества «Краснаго Креста» открылось широкое поприще дѣятельности. Въ эти два дни (11 и 12 юня) много людей нуждались въ ихъ помощи. Привезли многое множество раненыхъ на главный перевязочный пунктъ. Надо отдать справедливость, что наши военные медики и прѣбывавшіе изъ Москвы доктора, сдѣлали все возможное, съ полнымъ знаніемъ дѣла и вполне сочувственнымъ, добродушнымъ обращеніемъ съ ранеными. Даже наши враги не пытали на себѣ всю доброту нашихъ медиковъ. Захваченный одинъ раненый турокъ, анатоліецъ, бравый малый, былъ перевязанъ, накормленъ и подкрѣпленъ виномъ. Бѣдняга, на своемъ, ни для кого непонятномъ турецкомъ языкѣ, благодарилъ перевызывающаго довольно опасную рану, жаль руки, слалъ воздушные поцѣлуи. Не смотря на жестокую боль—онъ даже не застоналъ. Черезъ переводчика мы узнали, на сколько онъ удивленъ ласковымъ и гуманнымъ обращеніемъ докторовъ. Султанскій воинъ ожидалъ, что ему отрѣжутъ голову или заколютъ штыкомъ.

Эриванцы и бакинцы подъ Ардаганомъ.

Идутъ эриванцы и бакинцы подъ выстрѣлами ардаганскихъ укрѣпленій. Они еще молодые солдаты и не были въ огнѣ, но идутъ весело, бодро. Шутками и прибаутками встрѣчаютъ они и провожаютъ каждую гранату, перелетавшую черезъ ихъ головы.

Командантъ крѣпости Баязета
напитанъ ШТОКВИЧЪ.

— Не наша! кричали они, когда снарядъ разрывался вблизи ихъ безвредно.

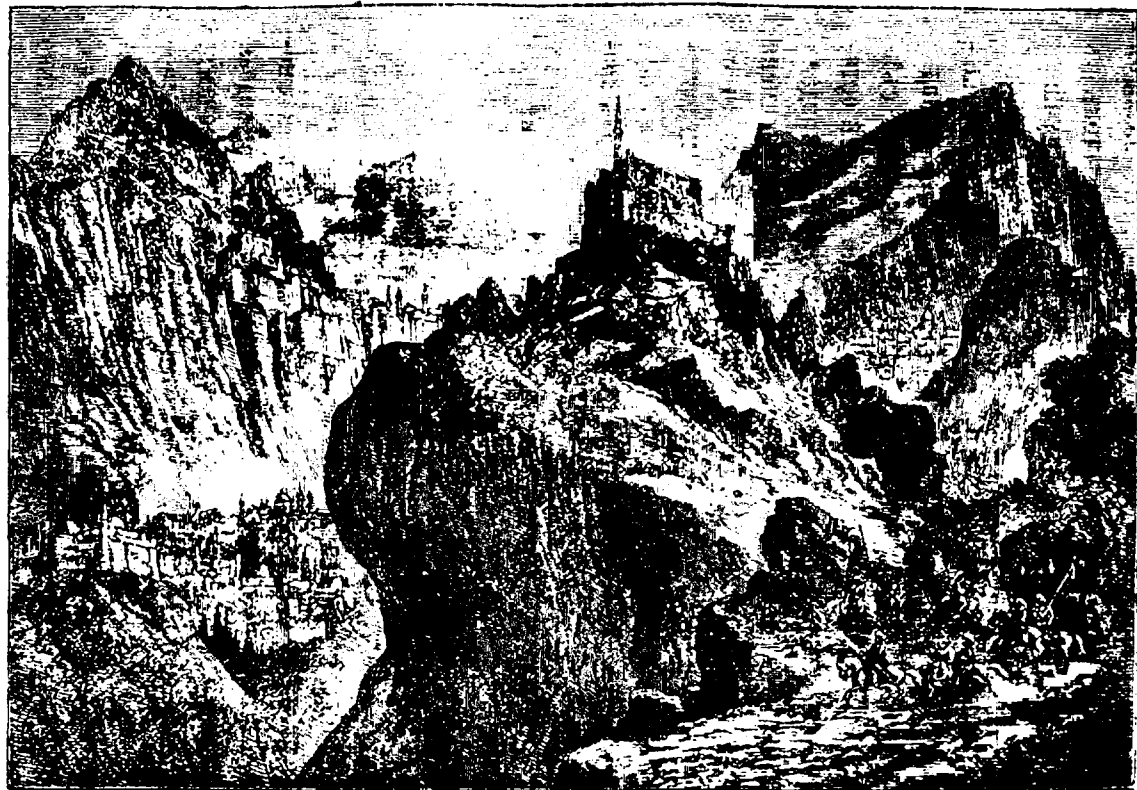
Подъ Ардаганомъ же, послѣ взятіи первыхъ передовыхъ укрѣпленій, ночью потребовались рабочіе на перевязочный пунктъ. Солдаты, послѣ страшнаго 36-часоваго труда, снали. Офицеру, видѣвшему утомленіе солдатъ, весьма не хотѣлось тревожить ихъ; но едва онъ успѣлъ имъ сказать, что требуются рабочіе для переноски ихъ же раненыхъ братій, какъ вся рота единодушно вызвалась идти и всѣ бодро и весело побѣжали къ перевязочному пункту.

Геройская защита Баязета.

«Съ переходомъ Эриванскаго отряда за границу 15-го апрѣля, населеніе Курдистана все время, при появленіи нашихъ войскъ, смиренно являлось съ изъявленіемъ покорности, не покидало своихъ жилищъ, не уговяло стадъ, вело съ нами торговлю и имѣло свободный доступъ въ нашъ лагерь. Курды постоянно завѣряли, что неприязненныхъ дѣйствій противъ насъ никогда не начнутъ, будучи недовольны турецкимъ правительствомъ. И дѣйствительно, курды вели себя достаточно честно, когда нашъ отрядъ стоялъ почти въ центрѣ Курдистана. Но какъ только отрядъ удалился до Зейдекиа, стали доходить тревожные слухи о поголовномъ возстаніи противъ насъ курдовъ. Въ началѣ же іюня положительно стало извѣстно о громадныхъ скопищахъ курдовъ, присоединившихся къ ванскому отряду, собиравшемуся обложить занятый нашими войсками Баязетъ. Назначен-

ный начальникомъ отряда командующимъ войсками, въ тылу отряда расположенными, полковникъ Крымскаго полка Пацевичъ, узнавъ о перемѣнѣ настроенія курдовъ и о сборѣ ихъ въ шайки, изъ Баязета предпринялъ рекогносцировку къ сторонѣ крѣпости Ванъ, куда курды начали стекаться, послѣ чего было узнано о дѣйствительномъ намѣреніи курдовъ присоединиться къ турецкимъ регулярнымъ войскамъ, находившимся въ сборѣ около названной крѣпости. 6-го іюня, войска наши, оставенныя около крѣпости Баязеть, въ числѣ: баталіона Ставропольскаго полка, двухъ ротъ Крымскаго полка, двухъ орудій 4-й батареи 19-й бригады и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и милиціи — должны были отступить, въ виду большой численности непріятели, оставить бивуаки и войти въ крѣпость или, вѣрнѣе, баязетскую цитадель, для упорной обороны. Какъ только наши войска вошли въ цитадель, непріятель немедленно обложилъ ее. На другой день, по занятіи нашими войсками цитадели, турки отвели воду, проведенную туда изъ отдаленнаго родника, и потому гарнизонъ нашъ сразу сталъ терять большія линіи. Разсчитывать на добычу продовольствія въ стѣнѣ цитадели было нельзя: необходимо стало сократить выдачу провіанта изъ запаса, оставшагося въ наличности. Поэтому стали выдавать сначала половину положеннаго, потомъ обратили до четверти и наконецъ, къ концу осады, людямъ отпускалось только по $\frac{1}{4}$ фунта сухарей въ день на человѣка, такъ что въ день снятія осады, 28-го іюня, оставалось еще до 10-ти пудовъ сухарей или продовольствія почти на два дня. Для поддержанія питанія, людямъ выдавалась конина, такъ какъ лошади, оста-

ваясь безъ воды, падали всема скоро, было рѣшено рѣзать ихъ и выдавать мясо на порціи. На первыхъ же порахъ, какъ только почувствовался недостатокъ въ фуражѣ, ячменѣ и водѣ, казаки предпочли за лучшее, выпустить своихъ лошадей изъ цитадели на свободу, чѣмъ понапрасну морить бѣдныхъ животныхъ. Остальные—артиллерійскія, подъемныя и офицерскія лошади, на время осады мало-по-малу подохли или были съѣдены. Ко дню снятія блокады нѣсколько лошадей осталось въ живыхъ, но за то эти животныя перестрадали не менѣе людей, получая незначительную дачу ячменя и по стакану воды въ сутки. Гарнизонъ цитадели съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе терпѣлъ недостатокъ въ продовольствіи; но главный недостатокъ ощущался въ водѣ. Добываніе ея стоило каждый разъ крови: доставать воду возможно было только, выходя изъ стѣнъ цитадели, направляясь, подъ выстрѣлами непріятельскихъ стрѣлковъ, къ ручью, отстоящему отъ цитадели въ полутора шагахъ. Турки, зная все тропинки, идущія изъ цитадели къ водѣ, сильно заняли стрѣлками, мѣста съ которыхъ удобно было обстрѣливать видимое пространство. Съ этою же цѣлью заняли близъ воды нѣкоторыя городскія зданія. Чтобъ по возможности сократить убыль людей, посылаемыхъ за водою, добычу ея производили преимущественно по ночамъ. Посылались охотники и каждый разъ одинъ или двое не возвращались. Въ одинъ день пошелъ сильный проливной дождь. Такою благодатью гарнизонъ, конечно, воспользовался: все набрали воды во все, во что только было возможно, даже въ сапоги, и потомъ долгое время люди обходились набранною дождевою водою. Осо-

Общій видъ города Баязета и цитадели, прославленной защитой нашего гарнизона.

бенное горе и нужду терпѣли больные и раненые люди: томимыя мучительною жаждою, они не могли утолить ея: все получали ея одинаково—по стакану въ сутки. Сверхъ того, еще раненымъ людямъ невозможно было дѣлать правильныя перевязки ранъ, но немѣнню воды. Велѣдствіе этого недостатка, самыя легкія раны оказались опасными: гангрены и черви развелись въ сильнѣйшей степени; отсутствіе правильнаго питанія породило упадокъ силъ. Надо еще добавить непомѣрную скученность людей, собравшихся въ маленькой цитадели, и невозможность выйти на верхнюю площадку—подышать чистымъ воздухомъ, такъ какъ верхнее пространство цитадели сильно обстрѣливалось неприятельскими стрѣлками, засѣвшими за валами, въ разстояніи 200 шаговъ отъ площадки. Да и свѣжаго воздуха вокругъ цитадели не было: все ближайшее вокругъ нея пространство, буквально было всюду завалено трунами, людей, разновременно убитыхъ изъ числа ходившихъ по воду; лошадей, павшихъ въ цитадели и выброшенныхъ за стѣны, и наконецъ,—трунами избитыхъ жителей-армянъ населявшихъ городъ. Зловоніе было распространено страшное: даже вода въ ручьѣ была отравлена гніющими трунами, такъ какъ они валялись около самыхъ истоковъ ручья. Вообще, положеніе въ цитадели 28-го іюня, было ужасно; невозможно было дышать отъ смрада: были улицы въ городѣ, по которымъ надо было проходить не иначе, какъ по трунамъ людей. Турки ежедневно, въ продолженіи 23-хъ-суточной осады цитадели, упражнялись въ стрѣльбѣ изъ четырехъ или пяти орудій по осажденнымъ. Сначала начинали канонаду въ полдень, потомъ почему-то перемѣ-

нили и открывали ее съ пяти часовъ вечера, продолжая до наступленія темноты. Снаряды дожились постоянно на поверхности цитадели: по такъ какъ калибрь орудій непріятели весьма малъ, а стѣны цитадели каменные, весьма толстыя и прочныя, то поэтому турецкіе снаряды не могли причинить даже особенно важныхъ поврежденій цитадели. Наши два полевыхъ четырехфунтовыхъ орудія, находившіяся въ цитадели, по временамъ отвѣчали на непріятельскіе выстрѣлы, но не могли сбить турецкихъ орудій, по причинѣ скрытыхъ позицій на вершинахъ горъ, на которыхъ они стояли. Но за то, наши орудія съ усѣхомъ дѣйствовали по непріятельской пѣхотѣ: она перестала показываться изъ-за своихъ валовъ. Наша артиллерія вообще была скупа на выстрѣлы, сберегая снаряды для отраженія штурма. Поэтому, въ день спитія блокады, въ зарядныхъ четырехъ ящикахъ оставалось еще до 45-ти штукъ снарядовъ. При занятіи нашимъ отрядомъ Байзета въ апрѣлѣ, было найдено въ цитадели много турецкихъ ружей системы Снайдера и 35,000 къ нимъ металлическихъ патроновъ. Во время осады, этотъ запасъ оказался весьма пригоднымъ. Наши стрѣлки, въ видахъ сбереженія своихъ патроновъ, разобрали турецкія ружья и во все время осады стрѣляли изъ нихъ по непріятелю. Стрѣлки остались ружьями Снайдера очень довольны: нашли, что они бьютъ довольно вѣрно и далеко, такъ какъ неоднократно видѣли изъ цитадели, какъ турки уносили убитыхъ и раненыхъ изъ своего строя. Во время осады, турки неоднократно присылали нашему гарнизону записки, въ которыхъ предлагали разныя условія, чтобъ только русскіе сдались;

увѣдомили гарнизонъ о разбитіи корпуса генерала Лорисъ-Мелікова, о совершенномъ уничтоженіи эриванскаго отряда Мухтаромъ-нашею, и, что слѣдовательно, гарнизону ждать помощи неоткуда. Предлагали гарнизону отвести ему кварталъ въ городъ Байзетъ, кормить и офицерамъ выдавать положенное жалованье. Въ другой запискѣ, писанной по-русски и подписанной какимъ-то полякомъ, предлагалось проводить гарнизонъ съ оружіемъ до границы и проч. Наконецъ, записки получать гарнизону надобно. поэтому былъ данъ отвѣтъ положительный. что если еще разъ пришло подобное предложеніе, то посланный будетъ повѣшенъ на минаретъ. Въ отвѣтъ съ тѣмъ было объявлено, что гарнизонъ едаться лишь тогда, когда не останется ни одного человѣка въ живыхъ. Послѣ такого суроваго отвѣта, присылка писемъ превратилась.

При входѣ гарнизона въ цитадель, было при войскахъ два иѣхотные штабъ-офицера: Крымскаго полка подполковникъ Пацевичъ и Ставропольскаго — маіоръ Ковалевскій; оба они пали: Пацевичъ умеръ отъ полученной въ плечо тяжелой раны, а Ковалевскій убитъ наповалъ при вылазкѣ изъ цитадели, еще въ началѣ осады. Жена маіора Ковалевскаго находилась также въ Байзетѣ сестрою милосердія при подвижномъ госпиталѣ. Лишившись мужа, эта женщина, въ довершеніе своего горя, еще испытала всю тягость двадцати-трехдневной осады. Она была единственная женщина въ байзетскомъ гарнизонѣ.

При освобожденіи Байзета, намъ достались четыре орудія, съ патронными ящиками, лагерь непріятеля и 80 человѣкъ плѣнныхъ. Турки были на столько увѣ-

рены, что нашимъ войскамъ неудастся освободить баязетскій гарнизонъ и выбить ихъ осадныя войска изъ крѣпкой позиціи, что не озаботились заблаговременно увезти свои орудія и снять лагерь. При снятіи блокады съ баязетской цитадели, мы понесли уронъ: 22 человека нижнихъ чиновъ и одинъ офицеръ раненый. Убыль въ баязетскомъ гарнизонѣ оказалась очень велика: за все время, изъ каждой роты выбыло изъ строя, среднимъ числомъ болѣе 20 человекъ. Къ вечеру отрядъ собрался внизу Баязета и расположился на почлегъ, забравъ съ собою гарнизонъ Баязета и все имущество. Утромъ, 29-го іюня, отрядъ выступилъ и послѣдовалъ въ обратный путь, въ Игдырь. Непріятель насъ не преслѣдовалъ».

Приказы по гарнизону крѣпости Баязета:

№ 3, 6-го іюня.

(Во время осады крѣпости).

Славные русскіе воины! 25,000-ный непріятель окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ и лишилъ насъ возможности сообщаться со своими, т. е. держитъ насъ въ осадѣ. Всякая выдержанная стойко, съ перенесеніемъ великихъ трудовъ и лишеній, осада прославляетъ наше отечество, вѣру и оружіе, и въ особенности радуется нашего Батюшку Государя, который никогда не забываетъ героевъ. Вы же, выдержавши эту осаду, будете истинными героями, прославляемыми всей Россіей, потому что, стойко держась въ этой крѣпости, удерживаете хищническія толпы варваровъ непріятеля отъ

вторженія въ предѣлы Эриванской губерніи, гдѣ онъ, въ случаѣ взятія крѣпости, предавалъ бы все огню и мечу, не жалѣя ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей. По полученнымъ прежде свѣдѣніямъ, вся цѣль этой хищнической орды была: взять крѣпость Баизетъ и двинуться грабить Эриванскую губернію, которая осталась почти безъ войскъ, и вышло бы то, что другіе отряды наши одерживаютъ блистательныя побѣды, а мы бы, напротивъ, посрамылись на вѣки, допустивши этихъ хищниковъ въ предѣлы нашего отечества. Не забудьте и того, солдаты, что въ 1828 году дѣды ваши защищали эту самую крѣпость 12 дней, перенося герейски все труды и лишения. Память о нихъ не умерла и не умретъ во вѣки.

Приказъ № 19, 24-го іюня.

Баизетскіе герои! Вы достойны этого названія, потому что до сихъ поръ твердо и безропотно переносите все лишенія, кои вы претерпѣваете, будучи заключены въ эту крѣпость. Крѣпитесь, друзья, крѣпитесь на будущія лишенія; предстоятъ еще большія; притомъ не теряйте надежды на освобожденіе; будьте увѣрены, что къ намъ спѣшатъ на выручку, но что непредвидѣнныя обстоятельства задерживаютъ нашихъ освободителей. Во всякомъ случаѣ, помните, что присяга, законъ, долгъ, честь и слава наша и Отечества требуютъ отъ насъ умереть на этомъ посту, что мы и сдѣлаемъ, а не поддадимся на все ухищренія нашего противника, предлагающаго намъ ежедневно сдаться на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Помните, друзья, что

Богъ насъ видитъ, и ведемъ-то мы войну, защищая послѣдователей Его, а потому Онъ насъ не оставитъ.

Приказъ № 23. Юня 28-го.

§ 1. При приближеніи прибывшихъ вчера нашихъ освободителей выставить около флага знамя 2-го баталіона 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка и знамя казачьихъ сотенъ. Веѣмъ частямъ, расположеннымъ на 2-мъ дворѣ, быть выстросными на крѣпостныхъ верхахъ: около флага пропѣть «Боже Царя храни», прокричать «ура!»

§ 2. Объявляю душевную мою благодарность веѣмъ начальникамъ частей и гг. офицерамъ, а также и нижнимъ чинамъ, за порядокъ, стойкость и безропотность во все время осады, а въ особенности я долженъ поблагодарить за неусыпную бдительность, труды и распорядительность завѣдывающаго 2-мъ баталіономъ 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка капитана Гидулянова, который, будучи раненъ осколкомъ гранаты въ голову, оставался на своемъ посту; командира 2-й сотни 1-го Уланскаго казачьяго полка войскового старшину Булавина, и. д. плацъ-адъютанта, поручика 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка Ягнѣтковскаго, командира 4-го взвода 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады поручика Томашевскаго и адъютанта 2-го баталіона 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка подпоручика Соболевскаго. Не могу не высказать некрениѣйшую душевную благодарность смотрителю военно-временнаго № 11-го госпиталя штабсъ-капитану Аюпкину, комиссару сего же госпиталя поручику Горбакони, старшему врачу коллежскому совѣтнику Синицкому и при-

командированному въ сему госпиталю отъ 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка младшему врачу Китаевскому, за ихъ заботливость и уходъ за больными и ранеными, чѣмъ они и устранили могущую случиться какую-либо эпидемію, такъ какъ больные находились при самыхъ наименее выгоднѣйшихъ условіяхъ. Также объявляю мою благодарность юнкеру 5-й сотни 1-го Уманскаго казачьяго полка Леониду Проскурѣ, завѣдывавшему сборными казачьими стрѣлками на самомъ слабомъ и опасномъ пунктѣ вѣрности, и старшему фейерверкеру 4-го взвода 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады Якову Егорову и состоящему при мнѣ штатному переводчику Таги-бекъ Багрямбегову, которые во все время осады вели себя истинными героями.

Командантъ города Баязета,

Капитанъ Штоввичъ.

Дѣло 9-го іюня при селеніи Даяръ.

9-го іюня, при селеніи Даяръ, турки, пользуясь своимъ громаднымъ превосходствомъ надъ нами по числу войскъ, пробовали дѣйствовать наступательно на нашъ отрядъ. Турокъ было болѣе 20-ти баталіоновъ пѣхоты, 12 орудій и масса кавалеріи, въ числѣ 4,500, состоящей изъ черкесовъ и коннаго иностраннаго легіона.

По расчету, на одну роту русскихъ приходился одинъ баталіонъ и болѣе турокъ. Мы были атакованы съ двухъ сторонъ. Чтобы пробить себѣ дорогу на отступленіе, нужно было прежде всего взять укрѣпленные турками высоты. Между тѣмъ турецкая пѣхота

атаковала русскихъ въ ихъ позиціяхъ. Русскіе, не смотря на малочисленность и невыгодность своего положенія, показали чудеса храбрости. Особенно отличились казаки—хоперцы и сунженцы, крымскій пѣхотный полкъ и артиллерія.

Сунженцы мужественно выдержали четыре стремительныя атаки со стороны турецкой пѣхоты. Въ послѣднюю атаку сами бросились на турецкіе баталіоны и уничтожили ихъ. На хоперцовъ сильно напирала черкесы и конный иностранный легіонъ. Онъ состоятъ изъ 400 венгерцевъ, поляковъ и отчасти французовъ. Когда послѣдовала атака иностраннаго легіона, хоперцы сѣгнулись, легли на землю, а на головы лошадей надѣли свои шапки, что бы тѣ не боялись. Подпустивъ легіонеровъ на извѣстное разстояніе, казаки дали изъ своихъ берданокъ три залпа, которые буквально уничтожили легіонъ.

Крымскій полкъ не менѣе прославился. Турки сильно вредили крымцамъ. Крымцы, сражаясь съ превосходнымъ по числу непріятелемъ, выпустили всѣ снаряды. За ними посѣгнули послать, но второнихъ привезли зарядный ящикъ совсѣмъ другого калибра. Каково же было положеніе крымцовъ! Въ досадѣ разбросавъ ненужные патроны, они, безъ единого заряда, бросились въ штыки на турокъ и дружнымъ, сильнымъ, единодушнымъ натискомъ выбили непріятеля изъ его позиціи. Ошеломленные турки бѣжали, не подозрѣвая даже что нашимъ солдатамъ не чѣмъ было стрѣлять.

Болѣе же всего помогла въ дѣлѣ 9-го іюня, наша прекрасная артиллерія, которая своими мѣткими выстрѣлами уничтожила цѣлыя толпы иррегулярной ка-

валерин турокъ. Вотъ одинъ изъ славныхъ подвиговъ. Паша артиллерія стояла на горѣ. Въ это время непріятель велъ атаку противъ нашихъ войскъ. Положеніе батареи было таково, что она не могла ничѣмъ помочь своимъ, — выстрѣлы ея не могли попадать въ атакующихъ. Для этого слѣдовало занять другую позицію, спустись съ горы. Въ тылу сраженія, съ тяжелыми орудіями, при страшно-крутомъ спускѣ, нечего было и думать объ этомъ. Но не такъ смотрѣли на это дѣло артиллеристы. По слову своего начальника, подполковника Парчевскаго, они маршъ-маршемъ спустились съ вершины горы. Духъ захватывало, глядя на нашихъ молодцовъ. Не надѣялись, чтобы осталось что-нибудь отъ батареи. И что же? Спустившись невредимо, въ карьеръ внизъ, батарея мигомъ построилась предъ наступающими непріятельскими батальонами и приняла ихъ картечью... Турки должны были отступить. Особую ненависть нашихъ заслужилъ генералъ Кэмбель (англійскій военный агентъ при анатолійской турецкой арміи). Русскихъ сильно раздражало, что представитель державы, съ которою мы не находимся въ войнѣ, распоряжается въ турецкомъ лагерѣ, какъ настоящій начальникъ штаба. Онъ располагать диспозиціею войскъ, выѣзжалъ въ цѣпи стрѣлковъ и велъ батальоны въ атаку. Больше всего озлобился противъ генерала Кэмбеля казакъ. Они задались мыслию непременно поймать живьемъ ненавистнаго имъ англичанина. Того, кто доставилъ бы генерала Кэмбеля, они признали между собою достойнымъ георгиевскаго креста. И вотъ, въ дѣлѣ 9-го іюня, только благодаря необычайной быстротѣ лошади подъ генераломъ Кэмбелемъ, онъ спасся отъ казачьяго павья.

Освобожденіе Баязетскаго гарнизона 1-го іюля.

Бой 9-го іюня у Даярскихъ высотъ — былъ страшный бой. Мы дрались безъ резервовъ, растянувъ нашу позицію на четыре версты. Офицеры и солдаты оснаживали другъ у друга право быть впереди. Иѣкоторые офицеры дрались на сабляхъ, другіе работали штыками. Бой длился цѣлый день; два раза подвозили патроны. Только при свѣтѣ луны прекратился бой. Порогъ крѣпостей иѣсколько разъ ходили въ атаку на заваль, который переходилъ изъ рукъ въ руки. Ротный командиръ, субалтернъ-офицеры были ранены. Однако, въ концѣ-концовъ, заваль остался въ нашихъ рукахъ. До 15-го іюня мы простояли на хорошей позиціи, которую вдобавокъ еще и укрѣпили, и врядъ ли турки могли бы насъ выѣхать изъ нея даже и съ 40 батальонами. Мы находились всего въ 90-ти верстахъ отъ Эрзерума. Тѣмъ временемъ, въ тылу нашемъ возстали курды, а ванскій отрядъ окружилъ Баязеть и требовалъ его сдачи. Наши запасы приходили къ концу, подвоза никакого, почти все сообщенія прекратились, снарядовъ почти не оставалось. Въ этомъ положеніи рѣшено было отступать на выручку баязетскаго отряда, который сидѣлъ даже безъ воды. Началось десятидневное отступленіе. Насъ преслѣдовалъ по пятамъ многочисленный отрядъ. Мы два раза могли перейти въ наступленіе, но не дѣлали этого, такъ какъ съ нами было много раненыхъ и ихъ некуда было бы дѣть. Мы отступили къ границѣ, гдѣ, отдохнувъ одинъ день и пополнивъ снаряды, патроны, сухари и проч., двинулись на Баязеть. Атака наша противъ осаждающаго

турецкаго корпуса была весьма трудная, по недоступности мѣста, окружающаго Баязетъ. Надо видѣть, какія твердыни и скалы окружаютъ городъ. Но развѣ высоты и скалы могли устрашить кавказскихъ героев? Солдаты дрались, какъ львы, и прогнали турокъ. Болѣе 400 человекъ турокъ было заколото штыками, 80 человекъ взяты въ плѣнъ и намъ достались четыре пушки. Баязетскій гарнизонъ спасенъ. 1-го іюля мы возвратились въ Игдырь, гдѣ вскорѣ былъ виольфъ превиденъ въ порядокъ.

Братская помощь казана.

27-го іюля, эриванскіе горожане составили адресъ генералу Тергукасову и посылали къ нему депутацію, какъ для представленія адреса, такъ и собранныхъ 1,500 рублей въ его распоряженіе на нужды отряда.

Настроеніе раненыхъ баязетскаго гарнизона, находящихся въ городскомъ госпиталѣ, было замѣчательно; всѣ они какъ будто возвратились съ веселой прогулки и съ удовольствіемъ рассказывали о бояхъ, въ которыхъ они участвовали. Легко-раненые говорятъ: «только-бы скорѣе вылечиться, а ужъ уважу». Одинъ раненый съ прострѣленною на вылетъ ногою подсмѣивается надъ другимъ, у котораго застѣла пуля: «моя, братъ, умная, проскочила, а твоя вопъ, дура лѣживая, застѣла». И ни въ одномъ нѣтъ унынія, раздраженія, недовольства: всѣ съ благодарностью принимаютъ уходъ за собою и видимо выказываютъ, какъ имъ пріятно это общее вниманіе и участіе.

Городъ Тырново.

(Столицо древней Болгаріи.)

(Къ стр. 93).

«Окончилось сраженіе и гарнизонъ, присоединенный къ освободившему его отряду, отступалъ въ наши предѣлы. Въ числѣ отступающихъ ѣхалъ верхомъ казакъ изъ отряда, немного пораненный и усталый послѣ боя. Возлѣ шелъ солдатъ изъ гарнизона, изнуренный, больной, съ ранцемъ и ружьемъ. «Эй братику, говорить казакъ, давай-ка мнѣ ранецъ и ружье: легче будетъ». Ёдетъ казакъ дальше. «Давай-ка, братъ, шинель, все легче будетъ». Солдатъ отдалъ, а все ноги не очень-то работаютъ. Ёдетъ дальше казакъ и вдругъ останавливается, слѣзаетъ и говорить солдату: садись-ка, братъ, а я понесу ружье твое!»

Движенія передоваго отряда дѣйствующей арміи къ Балканамъ и овладѣніи г. Тырнова.

15-го іюня совершена была переправа черезъ Дунай. 18-го уже состоялся приказъ по арміи объ окончательномъ сформированіи особаго передоваго отряда, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Гурко, которому было предписано:

«Выдвинуться въ направленіи Тырново и Сельви: освѣтить всю окружающую мѣстность; приготовиться къ дальнѣшему наступленію. Затѣмъ, когда послѣдуетъ приказаніе Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, — двинуться впередъ и стараться овладѣть Балканскими проходами. Кавалерію же выслать за Балканы.

«Подъ прикрытіемъ передоваго отряда, будетъ приступлено къ разработкѣ проходовъ черезъ Балканы, для движенія обозовъ и тяжестей».

«Окончилось сраженіе и гарнизонъ, присоединенный къ освободившему его отряду, отступалъ въ наши предѣлы. Въ числѣ отступающихъ ѣхалъ верхомъ казакъ изъ отряда, немного пораненный и усталый, послѣ боя. Возлѣ шелъ солдатъ изъ гарнизона, изнуренный, больной, съ ранцемъ и ружьемъ. «Эй братику, говорить казакъ, давай-ка мнѣ ранецъ и ружье: легче будетъ». Ёдетъ казакъ дальше. «Давай-ка, братъ, шнуръ, все легче будетъ». Солдатъ отдалъ, а все ноги не очень-то работаютъ. Ёдетъ дальше казакъ и вдругъ останавливается, слѣзаетъ и говоритъ солдату: садись-ка, братъ, а я поцесу ружье твое!»

Движенія передоваго отряда дѣйствующей арміи къ Балканамъ и овладѣніи г. Тырнова.

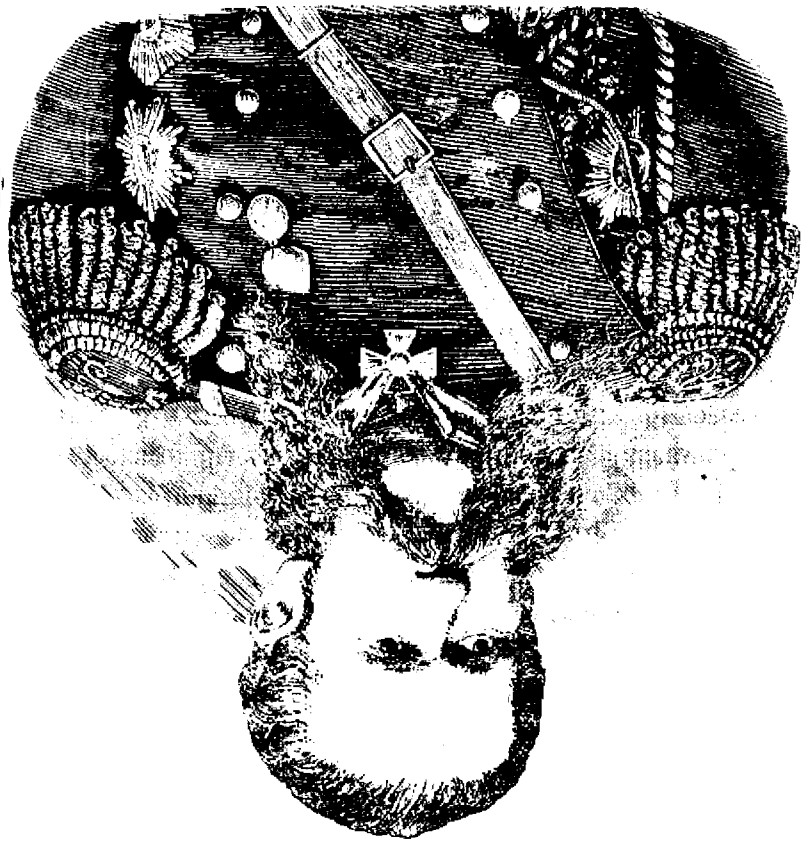
15-го іюня совершена была переправа черезъ Дунай. 18-го уже состоялся приказъ по арміи объ окончательномъ сформированіи особаго передоваго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гурко, которому было предписано:

«Выдвинуться въ направленіи Тырново и Сельви; освѣтить всю окружающую мѣстность; приготовиться къ дальнѣйшему наступленію. Затѣмъ, когда последуетъ приказаніе Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, — двинуться впередъ и стараться овладѣть Балканскими проходами. Кавалерію же выслать за Балканы.

«Подъ прикрытіемъ передоваго отряда, будетъ приступлено къ разработкѣ проходовъ черезъ Балканы, для движенія обозовъ и тяжестей».

I. B. LYPHO.

Генерал-Адъютантъ Генерал-Лейтенантъ.

менно подготовленныхъ къ санитарному дѣлу въ Жур-
жевѣ.

7) Уральская казачья сотня.

Всего 10¹/₂ баталіоновъ, 43¹/₂ эскадрона (не считая
конно-піонернаго отряда) и 38 орудій (18 конныхъ, 6
горныхъ и 14 пѣшихъ горныхъ).

Бъ 24-му іюня, отрядъ, не встрѣчая по пути ни
войскъ, ни вооруженныхъ жителей, занялъ слѣдующее
расположеніе:

Сводная бригада—Сухундолъ.

Драгунская бригада—Мрадего.

Донская казачья бригада—Никунъ.

Главныя силы отряда—Батакъ.

До 24-го іюня свѣдѣнія о непріятелѣ, получаемыя
отъ кавалерійскихъ бригадъ передоваго отряда, застав-
ляли предполагать, что г. Тырновъ былъ занятъ не-
пріятелемъ и что около него турки возводятъ укрѣп-
ленія. Но все эти свѣдѣнія не имѣли опредѣленнаго
характера, такъ какъ партіи башибузукъ не пропу-
скали нашихъ разъѣздовъ до города. Имѣя въ виду
важное значеніе Тырнова, какъ ключа къ горнымъ про-
ходамъ черезъ Балканы, начальникъ передоваго отряда,
генераль-лейтенантъ Гурко, рѣшился произвести 25-го
и 26-го іюня усиленную рекогносцировку города.

Въ 4-мъ часу вечера колонна начала подходить къ
Тырнову, причемъ, для подступна къ городу, была из-
брана сѣверная грунтовая дорога, какъ проходящая по
болѣе удобной и возвышенной мѣстности. Самый го-
родъ Тырновъ лежитъ въ глубокой долинѣ р. Янтры,
окаймленной какъ съ запада, такъ и съ востока до-

вольно большими высотами, причемъ западный берегъ вѣсколько выше восточнаго.

При нашемъ приближеніи, непріятель очистилъ городъ и, занявъ позицію на правомъ берегу рѣви, встрѣтилъ наши войска артилерійскими выстрѣлами. Кроме того, на дорогѣ, ведущей въ Османъ-Базаръ, была замѣчена большая колонна, движущаяся отъ Тырнова къ востоку. Все это показывало, что непріятель насъ боятся и не выдержитъ натиска нашихъ войскъ. Вслѣдствіе этого, генералъ-лейтенантъ Гурко рѣшился обратиться въ серьезное наступленіе и занять немедленно городъ. Для исполненія этого плана, конная батарея была выдвинута на позицію, а четыре эскадрона драгунъ были сѣшены и двинуты впередъ для прикрытія обонхъ фланговъ батареи. Выѣздъ батареи на позицію былъ чрезвычайно затрудненъ тѣмъ, что вся мѣстность обработана подъ виноградники и пересѣчена множествомъ каменныхъ стѣнокъ; пришлось выѣзжать по узенькой дорожкѣ. За тѣмъ, свернувъ влѣво, идти колоною, подставляя такимъ образомъ правый флангъ выстрѣламъ непріятеля. Турецкая батарея тотчасъ открыла огонь по нашей, причемъ пристрѣлялась весьма скоро и все время вела мѣткую стрѣльбу. Не смотря на эти крайне невыгодныя условія, командиръ батареи, подполковникъ Ореусъ, лихо вывелъ свои орудія на позицію и открылъ мѣткій огонь. Вскорѣ непріятельская батарея прекратила огонь, снялась съ позиціи и потянулась по дорогѣ въ Османъ-Базаръ. Тогда наша батарея направила выстрѣлы на непріятельскую пѣхоту, открывшую весьма частую стрѣльбу, какъ по сѣшенымъ драгунамъ, такъ и по батареѣ.

Но всему было видно, что непріятель отступать, а потому было приказано всему войскамъ двинуться впередъ, а одна казачья сотня послана на рысяхъ для занятія города. Такъ какъ городъ лежитъ на правомъ флангѣ непріятельской позиціи, то движеніе казаковъ, по переходѣ черезъ р. Янтру, приводило ихъ на флангъ турокъ. Это движеніе заставило непріятеля немедленно очистить позицію и весьма поспѣшно отступать. Для преслѣдованія непріятеля, были двинуты гвардейскій полубатальонъ, два эскадрона драгунъ, двѣ сотни казаковъ и два орудія, подъ начальствомъ командира Казанскаго драгунскаго полка, полковника Керево. Перейдя на правый берегъ Янтры, орудія отырыли огонь по отступавшимъ непріятельскимъ колоннамъ, которыя въ скоромъ времени обратились въ положительное бѣгство, кидая по дорогѣ ружья, патроны и амуницію. Отступление турокъ было такъ быстро, что гражданскій губернаторъ г. Тырнова, Саибъ-паша, бѣжалъ изъ города пѣшкомъ по направленію къ Еленѣ.

Городъ былъ занятъ сотнею казаковъ, которую провелъ по улицамъ урядникъ Кубанскаго полка, князь Церстелевъ, знавшій еще раньше расположеніе города. Эта сотня заняла и мусульманскій кварталъ, еще не вполне очищенный турками; въ эту часть города первымъ вошелъ князь Церстелевъ, указывая путь казачьей сотнѣ.

Въ наши руки достался весь турецкій лагерь, въ которомъ мы захватили большіе боевые и продовольственные запасы, много оружія и одно знамя.

Перейдя чрезъ дунайскій мостъ, мы были увѣрены, что тотчасъ же помѣряемся съ турками; но судьба

угодно было испытать наше терпѣніе: долгое время большая часть нашего корпуса составила резервъ ружейнаго отряда. Пребывая въ резервѣ, мы дѣйтельно занимались подготовкою къ бою, пріучались къ сторожевой и аванпостной службѣ, снимали планы позицій и производили глазомѣрные и маршрутные съемки окрестныхъ мѣстностей. Въ часы досуга наши солдаты устраивали различныя увеселительныя зрѣлища. Надо удивляться изобрѣтательности русскаго человѣка, который, располагая только скуднымъ содержаніемъ своего ранца, т. е. мушкетеромъ, парюю нижняго платья, гимнастическою рубахою, нѣсколькими ремнями и кускомъ отъ холста палатки, съ принадлежащею къ ней аршинной данши валою,—сумѣлъ смастерить разнообразныя маскарадныя костюмы, какъ мужскіе, такъ и женскіе. Водили хороводы крестьянскіе дѣвушки въ бѣлыхъ сарафанахъ и красныхъ рубахахъ, парни въ красныхъ рубахахъ и черныхъ панталонахъ, которые при вечернемъ освѣщеніи казались пилесовыми. Хохла и хохлушка въ національныхъ нарядахъ танцевали свою пляску и пѣли свои пѣсни. Откуда-то явился и скрипка, и флейта, и свирѣль. съ трудомъ сбереженныя во время тяжкаго дальнаго похода. Изъ окрашенныхъ въ бурый цвѣтъ кожъ убиваемаго на пищу скота (буйволы) сшивалось довольно искусно медвѣжье чучело и пермякъ-водчинъ подъ звуки барабана показывалъ фокусы укрощеннаго звѣря. Чего тутъ не было—и неизбѣжный петрушка, и вѣчныя волжскіе разбойники, и представленіе царя Макенмиліана,—словомъ почти все, что можете увидать на народномъ гуляньѣ, на Дѣвичьемъ полѣ въ Москвѣ и на Марсовомъ въ Петер-

бургъ. При скудномъ искусственномъ освѣщеніи, которымъ мы могли располагать, шитые на живую штку костюмы нерѣзко бросались въ глаза и вы почти забывали, что находитесь въ далекой Турціи, среди солдатскаго люда: ничто не напоминало вамъ про военный бытъ, развѣ только невинныя шутки петрушки.

Пѣсни, смѣхъ, говоръ всегда служатъ признакомъ встрѣчи съ войсками. Наша національная страсть къ пѣснѣ, то болѣзненно-унылой, то беззавѣтно-ухарской, особенно рѣзко проявляется въ войскахъ. Усталые, скученные въ вагонахъ, при палящихъ лучахъ солнца, въ духотѣ и пыли—солдатки наши хоромъ гудятъ свои любимыя пѣсни. Эта черта особенно удивляетъ иностранцевъ въ суровыхъ сынахъ сѣвера.

Невозможно описать восторга болгаръ при входѣ нашихъ войскъ въ Тырновъ. Всѣ жители вышли на встрѣчу нашимъ войскамъ и съ криками «ура!» и «живио Императоръ Александръ!» провожали насъ до собора, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ за здравіе Его Императорскаго Величества.

Генераль-лейтенантъ М. Д. Скобелевъ.

Генераль-лейтенантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ началъ свою военную службу, такъ сказать, съ первыхъ ея ступеней. Бывъ восемнадцати лѣтъ, онъ поступилъ въ Кавалергардскій полкъ унтеръ-офицеромъ. Два года спустя, онъ былъ произведенъ въ корнеты, съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, который въ 1862—1863 г. находился въ Варшавѣ. Во время польскаго возстанія, молодой корнетъ

Генералъ-Лейтенантъ
Михаилъ Дмитріевичъ
СКОБЕЛЕВЪ.

Скобелевъ выказалъ свою храбрость и рѣдкія боевыя способности. Его товарищи и начальники тогда еще оцѣнили въ немъ эти качества. Съ окончаніемъ мятежа, Михаилъ Дмитріевичъ поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба и, кончивъ курсъ блистательно, былъ причисленъ къ Генеральному Штабу и назначенъ на службу сначала въ Туркестанскій край, а потомъ на Кавказъ. Возвратившись съ Кавказа, Михаилъ Дмитріевичъ нѣкоторое время пробылъ въ комитетѣ Главнаго Штаба, за потомъ былъ назначенъ адъютантомъ 32-й пѣхотной дивизіи. Война съ коканцами вызвала его къ боевой дѣятельности. Тамъ, за отличіе, онъ получилъ всѣ высшія боевыя награды: золотую саблю съ надписью «за храбрость», орденъ св. Георгія 4 и 3 ст., золотую пинагу, украшенную брилліантами; точно также—чины полковника и генераль-маіора, съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества. Въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта, Михаилъ Дмитріевичъ, на 30-мъ году отъ рожденія, былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Ферганской области и командующимъ находящимися въ ней войсками, съ открытіемъ же военныхъ дѣйствій противъ турокъ, генералъ Скобелевъ поступилъ, по желанію своему, въ дѣйствующія войска за Дунаемъ.

Само собою понятно, что такому дѣятельному, энергичному и опытному генералу векорѣ представился случай доказать свои военныя способности, свое мужество.

Телеграмма Его Высочества, главнокомандующаго дѣйствующей арміей на Дунай, отъ 23-го августа, извѣщала, что 22-го числа, послѣ 12-ти-часоваго боя, взята *Ловча*, несмотря на сильную по природѣ и укрѣплен-

Бой под Плевной; взятие турецкаго редута.

ную позицію, и на упорное сопротивленіе турокъ. Героемъ дни былъ генераль М. Д. Скобелевъ.

Послѣ того, при многочисленныхъ атакахъ подѣ Плевной. имя генерала Скобелева не разъ было предметомъ восторговъ и удивленія.

Бой подѣ Плевной и взятіе турецкаго редута.

Корреспондентъ англійской газеты, описывая, какъ очевидецъ, бой подѣ Плевной 31-го августа (12-го сентября), говоритъ о генералѣ Скобелевѣ, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ то время, какъ битва свирѣпствовала съ фронта и направо, съ меньшей силою шла она и около редутовъ, и по другую сторону ловчинской дороги. Къ 4-мъ часамъ онъ, Скобелевъ, поставилъ 20 артиллерійскихъ орудій на кряжъ передъ Плевной. Очевидно, Скобелевъ рѣшился сдѣлать отчаянное успіе, чтобы взять редутъ, находящійся передъ нимъ. Редутъ, на который Скобелевъ нападалъ, былъ двойной редутъ въ изгибѣ ловчинской дороги, близъ Плевны. Онъ двинулъ свои войска на склонъ горы. Когда турки открыли по нимъ огонь съ редута, онъ отвѣчалъ на огонь упорно и мѣтко, поставивъ своихъ людей, по возможности, подѣ прикрытіе. Онъ такъ сильно дѣйствовалъ артиллеріей, что нѣсколько орудій было попорчено. Онъ, очевидно, рѣшился сдѣлать все, чтобы взять этотъ редутъ. Въ продолженіи 3-хъ часовъ, онъ поддерживалъ огонь, и когда турецкій огонь нѣсколько ослабѣлъ, онъ считалъ эту минуту удобною для начатія приступа. У него было 4 линейныхъ полка и 4 баталіона стрѣлковъ.

«Все еще продолжая поддерживать свой убійственный огонь, онъ направилъ подъ его прикрытіемъ, 2 полка въ маленькій оврагъ, при подонвѣ невысокаго холма, на которомъ построены редутъ, вмѣстѣ съ двумя баталіонами стрѣлковъ. Отдавъ приказаніе къ наступленію, онъ запретилъ наступающему отряду стрѣлать, и тотъ, съ оружіемъ на плечахъ, съ музыкою и разбивающимися знаменами, двинулся впередъ и печезъ въ туманѣ и дымѣ. Но скоро Скобелевъ замѣтилъ, что эта линія начинаетъ колебаться. Въ ту же минуту онъ двинулъ на поддержку одинъ полкъ. Этотъ новый отрядъ двинулъ массу далѣе, но турецкій редутъ изливалъ такой потокъ пуль, что линія опять разстроилась. Скобелевъ стоялъ невредимъ среди этого ливня пуль. Вся его свита была перебита или ранена. Вскорѣ призналъ онъ нужнымъ двинуть на гласисъ свой четвертый и послѣдній полкъ, Либавскій. Эта новая волна опять подвинула впередъ предыдущія, такъ, что они были уже почти у эскарпа, но убійственный ливень пуль продолжалъ литься на нихъ; люди падали сотнями, а результатъ былъ все еще сомнителенъ. Линія все еще болѣе колебалась. Нельзя было терять ни одной минуты, если только должно было взять редутъ. У Скобелева оставалось только два баталіона стрѣлковъ. Ставъ во главѣ ихъ, онъ самъ бросился впередъ, верхомъ, и увлекъ войско собственнымъ своимъ мужествомъ. Съ крикомъ бросилось войско впередъ. Весь редутъ объятъ былъ пламенемъ и дымомъ. Шага Скобелева была перебита на-двое. Потомъ упала его лошадь. Онъ пошелъ иѣшкомъ, а за нимъ все войско бросились съ ревомъ чрезъ эскарпъ и контръ-эскарпъ, чрезъ паранетъ и на-

водила собою редуть, подобно урагану. Они штыками скоро выбили еще оставшихся турокъ. Тогда радостные крики возгласили, что редуть взяты и что, наконецъ, одно изъ прикрытій Шевны находится въ рукахъ русскихъ».

Нужно ли еще дополненіе къ этому описанію безпримѣрной храбрости генерала Скобелева? имя этого молодого военачальника въ нѣсколько недѣль, въ нѣсколько дней, достигло какихъ-то сказочныхъ размѣровъ.

Именно въ этихъ выраженіяхъ отзывается о немъ даже за границей парижскій журналистъ, рассылая портретъ генерала Скобелева своимъ подписчикамъ.

Легенды слагаются не даромъ и не о всякомъ. Есть черты, прощающая сила которыхъ неодолима. Нѣтъ теперь такого угла въ Россіи, въ которомъ не шли бы толки объ этомъ заговоренномъ отъ пуня «бѣломъ генералѣ», какъ прозвали его турки, и о чудесахъ его храбрости.

Можно утвердительно сказать, что въ настоящую минуту генералъ Скобелевъ—излюбленнѣйшее лицо въ Россіи. Его гибель сочтена была бы теперь народнымъ бѣдствіемъ.

Въ арміи онъ олицетворяетъ собою тотъ типъ, что издавна любезенъ русскому солдату: онъ не изъ простыхъ, но и не баринъ-бѣлоручка, а сынъ своихъ дѣлъ.

Разсказъ полковника Ушанова.

И, съ авангардомъ полка, около 8-ми часовъ утра, вступилъ въ болгарскую деревню Чаирки. Жителей на-

шелъ въ полномъ страхѣ. Изъ ихъ разсказовъ понялъ, что въ двухъ верстахъ отъ деревни расположился на отдыхъ турецкій обозъ, подъ прикрытіемъ отряда черкесовъ. Застать неприятеля врасплохъ — это полнобѣды! Эскадронъ на рысяхъ, объѣхавъ околицу деревни, очутился передъ обозомъ. Обозъ стоялъ двумя рядами, такъ что въ серединѣ образовалась дорога. Не трата пороху, эскадронъ врѣзался въ эту дорогу и сабельная работа пошла направо и лѣво.

Такимъ образомъ мы промчались версты три, а конца обоза не было видно. Разсчитывая, что сдѣланный переносъ пріостановитъ движеніе турецкаго обоза, а въ тому времени подойдет полкъ, я распорядился, чтобы эскадронъ, при первой просѣлкѣ, выскочилъ бы на лѣво. Въ эту самую минуту я замѣтилъ, въ нѣсколькихъ шагахъ вправо отъ линіи обоза, человекъ десять черкесовъ, засѣвшихъ въ плетень. Никогда не позабуду выраженія лица молодого, красиваго черкеса: оно было перво искажено, зубы были стиснуты и оскалены. Онъ, не спуская съ меня глазъ, спѣшно заряжалъ ружье... Только-что я успѣлъ сказать скакавшему около меня ротмистру Литвинову: «Здѣсь саблей ничего не возмешь; берите револьверъ и стрѣляйте въ этихъ разбойниковъ», какъ раздался залпъ изъ-за плетня и я почувствовалъ жгучую боль въ лѣвой рукѣ. Я хотѣлъ повернуть лошадь направо, съ эскадрономъ, но лошадь рванулась впередъ и я потерялъ поводъ... Помнится, что въ эту критическую минуту кто-то заскочилъ впередъ, схватилъ мою лошадь за узды и, круто повернувъ направо, выскочилъ изъ линіи обоза. Я очулся въ лѣску... Около меня сидѣло два улана моего эскадрона. Изъ лѣвой руки

текла кровь, какъ изъ колодца. «Слава Богу, ваше высокоблагородіе, живы, — сказалъ шепотомъ одинъ изъ нихъ. — Позвольте портянкой перевязать вашу рану, а то истечете». Я хотѣлъ о чемъ-то спросить, но оба сразу замахали руками, объясняя, что мы сидимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ неприятеля.

— Слушайте, обратился я къ нимъ, — если насъ откуютъ, то спасти меня не въ вашихъ силахъ. Я врядъ ли могу двинуться и, ни въ какомъ случаѣ, обороняться. Живымъ я не отдамся; я застрѣлюсь изъ этого револьвера. Къ чему же вамъ пропадать напрасно; оставьте меня на волю Божию.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчали солдаты, — мы васъ не бросимъ. а если придется умирать, такъ умремъ втроемъ.

Я не сталъ съ ними спорить. Мы молча сидѣли и прислушивались. Лѣсокъ былъ такъ близокъ отъ дороги, что скрипъ телегъ, говоръ и далекіе выстрѣлы доносились до насъ совершенно ясно.

Ждать смерти съ минуты на минуту — ужасная пытка!

Мы составили совѣтъ, что дѣлать, и рѣшили: одинъ изъ насъ ползкомъ проберется къ опушкѣ лѣска и будетъ слѣдить за движеніемъ обоза. Хохоль, Полтавскоіи губерніи, взялъ на себя эту миссію. Одной рукой придерживая саблю, чтобы не гремѣла, другой — ружье, опъ поползъ на локтяхъ къ опушкѣ. Я остался съ другимъ солдатомъ. Каждая минута выжиданія показалась за сутки... Наконецъ, спустя часъ, явился хохоль съ сіяющей физиономіей. Обозъ прошелъ — мы могли тронуться. Кое-какъ меня подняли на сѣдло и мы выѣхали на дорогу. Но здѣсь явилась новая задача: въ какую сторону

ѣхать? Дорога пересѣкалась нѣсколькими дорогами... Мы поѣхали прямо. Наконецъ показались крыши домовъ. Слова вопрошь: ѣхать ли прямо на деревню, или сначала узвать—болгарская она или турецкая? На этотъ разъ взялся исполнить эту рекогносцировку другой уланъ. Не успѣлъ онъ отѣхать и полверсты, какъ изъ деревни выѣхало нѣсколько верховыхъ. Черезъ нѣсколько времени эти всадники остановились, дали по насъ безцѣльный залпъ и бросились въ сторону. Это были башни-бузукки, забиравшіе оставленное добро, брошенное болгарской деревней. Мы проѣхали дальше. Черезъ часъ показалась еще деревня. и на этотъ разъ обитаемая, болгарская. Давно было пора.—силы стали оставлять, отъ боли и потери крови. Прежде всего я попросилъ пить. Не забуду, съ какимъ вкусомъ я пилъ эту воду. Именно, она показалась мнѣ нектаромъ. Оказалось, что въ четырехъ верстахъ отъ этой деревни стоялъ на бивуакахъ русскій отрядъ. Черезъ три часа я былъ въ кругу своихъ.

— Да, закончилъ рассказъ Ушаковъ,—я испыталъ, что значить ждать смерти отъ 8-ми часовъ утра до часу ночи. Судите сами, легко ли это.

И онъ показалъ влобъ съдвхъ волосъ на своей молодой головѣ.

— Но что же едѣлалось съ этими молодцами-создателями? спросилъ я его.

— Они оба получили по Георгію. Ротмистра Литвинова нашли убитымъ, съ отрѣзаннымъ носомъ и ушами. А меня сочли безъ вѣсти-пропавшимъ, такъ какъ на вечерней переключкѣ на лицо не оказалось, а въ убитыхъ не найденъ.

Поѣздна Марченко къ Мехмеду-Али.

Поручикъ Марченко ѣздилъ въ турецкій лагерь, съ отвѣтнымъ письмомъ Великаго Кнзя главнокомандующаго, къ Мехмеду-Али-пашѣ. Марченко выѣхалъ, въ качествѣ парламентаря, 25-го іюля, въ 3¹/₂ часа пополудни, изъ Соленикъ въ Констанцію, изъ которой путь его шель по долинѣ въ Садну. Тамъ г. Марченко, сопровождаемый унтеръ-офицеромъ, трубачемъ и рядовымъ, встрѣтилъ въ Саднѣ разъѣздъ Лубенскихъ гусаровъ, отъ которыхъ узналъ, что въ Адеркѣй и Бизилмурадѣ, т. е. на его пути, хозяйничаютъ башни-бузукы и черкесы. Скоро г. Марченко встрѣтилъ толпу болгаръ, убѣгающихъ отъ башни-бузуковъ и показавшихъ парламентарю ребенка (лѣтъ шести) и старика, только-что раненыхъ турками. «Настала для меня минута тяжелаго раздумья (ишетъ г. Марченко): не забуду я никогда... А тутъ еще унтеръ-офицеръ выразилъ на словахъ мою думу: «Ваше благородіе, сказали онъ,—если они дѣтей рѣжутъ, то, конечно, не поглядятъ на бѣлый флагъ». Нельзя было не признать справедливости въ его словахъ. Однако, самолюбіе и долгъ тотчасъ же восторжествовали во мнѣ. Мысленно простившись со всѣми близкими, я весело обратился къ солдатамъ: «Братцы, мы должны ѣхать далѣе, чтобъ быть въ турецкомъ лагерѣ, и помни только — если по насъ будутъ стрѣлять, не смѣть отвѣчать».

Продолжая путь, г. Марченко увидѣлъ выходившихъ изъ деревни черкесовъ. Онъ приказалъ заиграть «апелъ», но черкесы скрылись. Отъѣхавъ верстъ шесть отъ Ки-

зильмурада, г. Марченко встрѣтилъ, около 10-ти часовъ вечера, первую турецкую цѣнь. Кучка человекъ въ 20 приблизилась къ отряду г. Марченко. Шаговъ за 20-ть они начали что-то кричать по турецки. Русскій парламентаръ старался объяснить имъ, что везетъ письмо Мехмеду-Али-пашѣ. Но такъ какъ, очевидно, обѣ стороны не понимали другъ друга и турки продолжали что-то кричать, г. Марченко спустилъ свое оружіе и бросилъ въ сторону, тоже сдѣлавъ его конвой: тогда турки приблизились и окружили русскихъ. Одинъ, съ саблею въ рукѣ, заговорилъ, повторивъ нѣсколько разъ слово «пакетъ». Понявъ, что ему нужно самое письмо (говоритъ г. Марченко), я показалъ его. Онъ зажегъ спичку, прочелъ адресъ и тотчасъ отправилъ одного изъ своихъ людей назадъ. Г. Марченко слѣзъ съ лошади и закурилъ папиросу. Черезъ нѣсколько времени прискакалъ турецкій офицеръ и пригласилъ парламентаря слѣдовать за нимъ. Оружіе было подобрано и сочтано, но осталось на мѣстѣ, вмѣстѣ съ конвоемъ; парламентаръ же отправился одинъ съ турецкимъ офицеромъ. Подѣвжая къ Алифедерману (близъ Разграда), г. Марченко видѣлъ до 15-ти парныхъ бороздъ, направившихся въ горѣ. Борозды эти сдѣланы вѣроятно орудіями, поставленными на позиціи, гдѣ стояла вторая цѣнь. У селенія, которое г. Марченко считаетъ Алифедерманомъ, ему завязали глаза. Однако, парламентаръ могъ различать предметы и чрезъ повязку. Скоро его ввели въ палатку мушира, который, осмотрѣвъ письмо, сказалъ ломанымъ французскимъ языкомъ, что г. Марченкѣ надо идти къ Юниду-пашѣ. Опять надѣли повязку и минутъ черезъ 20 ввели въ другую палатку,

гдѣ жилъ Юнидъ-наша, высокій мужчина, лѣтъ сорока, въ однобортномъ инджагѣ башлыковатаго цвѣта, съ галуннымъ шитьемъ на рукавахъ. Тутъ же находились два его адъютанта: англичанинъ «мистеръ Аннеслей» и какой-то турокъ, и адъютантъ главнокомандующаго Мехмеда-Али-паши, Османъ-бей, которому г. Марченко и сдалъ письмо подъ росписку. Въ турецкомъ лагерѣ Юнидъ-наша, любезно бесѣдуя съ г. Марченко выражалъ свое удовольствіе «видѣть его въ своей палаткѣ, какъ друга, завтра же можетъ встрѣтить на полѣ сраженія». Паши увѣрялъ, что турецкое правительство «старается и неукренио желаетъ» вести войну по европейски, но что за безобразіе черкесовъ и башки-бузуковъ регулярныя войска отвѣчать не могутъ. «Очень можетъ быть, сказали Юнидъ-наша, — что попадешь вы (Марченко), по дорогѣ сюда, въ ихъ руки, не доѣхать бы вамъ ко мнѣ и, конечно, весь стыдъ нашъ бы все-таки на наши головы».

Геройскій подвигъ „Весты“.

Очевидецъ славнаго боя «Весты» съ турецкими мониторомъ, нишетъ изъ Севастополя, между прочимъ, слѣдующее:

11-го іюля, въ седьмомъ часу утра, на горизонтѣ, впереди насъ, завидѣлся дымъ. «Смотрѣть какое судно», раздался голосъ вахтеннаго, и все население «Весты», незанятое работою, пристально смотрѣло въ красную даль. Быстро подняли пары въ котлахъ машины и заворочался штурвалъ—брали курсъ, чтобъ

Капитанъ 2-го ранга
Николай Михайловичъ БАРАНОВЪ,
командиръ парохода «Веста».

отрѣзать встречное судно отъ берега. По предположенію командира «Весты», г. Баранова, это было непріятельское коммерческое или слабо-вооруженное военное судно. Но, идя носъ въ носъ, опредѣнить, кого видимъ, было трудно, и оказалось, что встрѣтили большой броненосный таранъ, который, какъ говорится, недолго думая, поднялъ турецкій флагъ и послалъ намъ выстрѣлъ. Готовыя къ бою, грянули два наши носовыя орудія, быстро повернули рулевые пароходъ нашъ къ непріятелю кормою, такъ какъ въ нашей выгодѣ было дѣйствовать кормовыми тремя шести-дюймовыми мортирами и однимъ девяти-фунтовымъ парѣзнымъ орудіемъ. Завязался бой, бой страшный. Съ визгомъ и трескомъ летѣли за нами, впередъ насъ и врозь, дѣлая рикошеты въ водѣ, бомбы; какъ горохъ, сыпалась въ воду картечь. Посылка намъ снарядовъ отъ непріятеля шла по діаметральной плоскости. Адекій трескъ на полетѣ кувыркающихся въ воздухѣ бомбъ былъ ужасенъ. Грохотъ пальбы нашихъ орудій, кипучая работа на палубѣ по подачѣ снарядовъ, команда командира съ мостика, звывающій разрывъ въ воздухѣ картечныхъ снарядовъ и какъ-будто демоническій шепотъ падающихъ въ воду картечей преслѣдовали насъ. Было жутко.

Первые три часа прошли сравнительно хорошо: мы не потеряли ни одного человѣка, лишь рангоутъ пострадалъ. Расходившееся въ морѣ волненіе, видимое превосходно въ ходѣ броненосца-тарана съ его шекомъ, постоянные маневры его стать лагомъ къ намъ и стрѣльба залпами были зловѣщи. Спокойно и сосредоточенно слѣдить за непріятелемъ командиръ нашъ, стоя на мостикѣ и ставя «Весту» кормою къ броненосцу; но одян-

надцати-узловый ходъ нашъ былъ слишкомъ замѣтенъ и не обѣщаль ничего хорошаго. Противникъ пошелъ на насъ съ видимымъ намѣреніемъ таранить или свалиться на бордажъ. Безсиліе хода нашего было слишкомъ замѣтно намъ самимъ. Оставалось одно средство — спустить минные катера и бросить формовую мину. По зыбѣ моря дѣлала этотъ маневръ сомнительнымъ. Только развели пары катеровъ, какъ бомба непріятеля разбила вельботъ командира, пробила шпанселемъ одинъ катеръ, врѣзалась въ бортъ парохода и произвела пожаръ въ моей каютѣ, разбитой въ дребезги. Масса человѣческихъ тѣлъ, частей череповъ и членовъ въ до-нельзя страшномъ видѣ покрывали палубу: убиты артиллеристы подполковникъ Черногъ и прапорщикъ Яковлевъ; раненъ другою бомбою лейтенантъ М. П. Череленинъ; осыпанъ картечью и обожженъ лейтенантъ Кротковъ и еще часть команды. Все сразу, все вдругъ, безъ начала и конца, или ужь съ крайне малымъ, незамѣтнымъ промежуткомъ. Тутъ же иштуртросъ погнулся и не слушаетъ иштурвала. Но, благодаря Богу, послѣднее скоро найдено и исправлено. Настигающій непріятель подходит на ружейный выстрѣлъ и ведетъ стрѣльбу ружьями. На немъ оказывается войско. Начинающій такую же стрѣльбу, командиръ на мостикѣ, съ двумя стрѣлками, въ моментъ лишается ихъ—трунами лежатъ они возлѣ. Рвущіяся въ воздухѣ бомбы осыпаютъ осколками всю корму парохода, пароходную трубу, пробиваютъ трубу свистка, защищенный тюфьями машинный люкъ. Одно орудіе подбито первою бомбою непріятеля. Послѣднія средства оставались у насъ—абордажъ и подъеъмъ парусовъ въ поденорье машины; но только-что подняли ихъ, какъ

бомбы пробили кливера, — пришлось их спустить. Команда наша рѣшительно изнемогла отъ солнечнаго зноя и работы, и тутъ-то вывезла находчивость командира: немедленно все небольшое количество легкаго вина было взято изъ буфета и роздано усиленно работавшимъ матросамъ у орудій и въ другихъ мѣстахъ. Ожили наши храбрецы! И вотъ, въ этотъ-то страшный часъ принявшему на себя команду по стрельбѣ лейтенанту Рождественскому, удаются три выстрѣла изъ кормовой мортиры: у неприятеля видѣнъ взрывъ въ кормовой части; онъ останавливается на нѣсколько минутъ, а потомъ быстро уходитъ отъ насъ, беря право руля.

Стрѣльбу мы не прекращали [и 11 выстрѣловъ послали въ догонку.

Этотъ маневръ броненосца и молчаніе орудій показались многимъ изъ насъ новымъ стратегическимъ планомъ противника; но скоро сомнѣнія разъяснились. Поврежденіе и побѣгъ броненосца были слишкомъ явны. Со слезами радости принятое нами «Отче нашъ», а за нимъ троекратное «ура» были апофеозомъ морскаго сраженія, слабаго русскаго парохода «Веста» съ турецкимъ броненосцемъ, — сраженія, напоминающаго борьбу Давида съ Голиафомъ.

Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается, — бой длился пять часовъ! Разрушенъ бортъ парохода, немѣющій даже фальшборта, разбита одна изъ большихъ каютъ (гдѣ помѣщался я и еще два волонтера), два орудія подбиты, на палубѣ страшная масса не тѣлъ человѣческихъ, а пошмиогу разныхъ частей ихъ въ общей кучѣ, полная каютъ-компанія раненыхъ, повсюду кровь людская: и обезсилѣвшій отъ работы и

перввыхъ потрясеній врачъ. Одна изъ каютъ офицеровъ занята мертвыми. Какъ осною, испещренная осколками, шрапнеллями и Богу вѣсть чѣмъ корма, расшатанныя и разбитыя каюты подъ мостикомъ и умирающій М. П. Перелешинъ въ одной изъ нихъ, разбитый вельботъ командира, качающіеся на шлюпъ-балкахъ во всѣ стороны поврежденные катера и, наконецъ, изнеможенная команда, оставшаяся въ живыхъ, — все это наводило глубокую грусть, щемило сердце. Не легко было переживать эти 300 минутъ, немовѣрныхъ трудовъ и страшной опасности.

Ближайшій портъ—Севастополь, а воображенію представляется новое горе—миныя загражденія: прійдемъ ночью, не узнаютъ и кончатъ съ нами свои же, кончатъ безъ большихъ хлопотъ, легкимъ нажимомъ руки. Долго лавируя ночью у севавтопольскаго берега, мы были замѣчены дежурнымъ пароходомъ, наши сигнальные огни и фальшфейера узнаны, и, проведенные съвозъ мины, мы, въ 6 часовъ утра, 12-го іюля, благополучно пристали къ таможенной пристани въ южной севавтопольской бухтѣ. Здѣсь мы свободно вздохнули, и изъ общихъ разсказовъ пришли къ заключенію, что сражавшееся съ нами судно болѣе всего походило на типъ турецкихъ корветовъ-тарановъ, съ двойною системою установки орудій: десяти или одиннадцати-дюймоваго калибра на носу въ башнѣ, четырехъ орудій девяти-дюймовыхъ въ среднемъ блокаузѣ и нѣсколькихъ четырехъ или девяти-фунтовыхъ.

Стрѣльба изъ ружей на непріятельскомъ суднѣ была страшная. На немъ стоялъ какой-то зеркальный приборъ, управляемый людьми въ одеждѣ не турецкаго по-

кроя, а скорѣе евронейскаго: кепи и синяя куртка— не турецкій костюмъ. Нѣкоторыхъ изъ стоявшихъ около прибора (зеркальнаго) мы сбили. Но фески на броненосцѣ преобладали. Снаряды, долетавшіе къ намъ, были: бомбы, отъ 3-хъ до 11-ти дюймовъ, шрапнель, ружейныя пули и картечь. По примѣрному вычисленію оказывается, что вѣсь залпа непріятельскихъ орудій изъ назематовъ равнялся 162-мъ пудамъ, а вѣсь открытой батареи «Весты»—12-ти пудамъ. Ходъ турецкаго судна былъ равенъ 14-ти узламъ; нашъ ходъ съ небольшимъ 11-ти.

Что сказать вамъ о нашихъ живыхъ и умершихъ герояхъ.

Кроткій и добродушный Константинъ Давыдовичъ Черновъ за нѣсколько минутъ до смерти вбѣжалъ въ каютъ-компанію и просилъ поѣсть чего нибудь. Бросившись наверхъ, онъ сдѣлалъ послѣдній залпъ, съ помощью аппарата Давыдова. Залпъ этотъ сошелся съ непріятельскимъ, нанесшимъ намъ первый и страшный ударъ. Жизнь этого труженика науки и храбраго человѣка была прекращена. Когда я бѣжалъ къ своей разбитой каютѣ, гдѣ начался пожаръ, мимо меня провели сильно раненаго Константина Давыдовича въ каютъ-компанію, гдѣ онъ и умеръ. Нѣсколько спустя, вбѣжавъ въ каютъ-компанію, я видѣлъ, какъ на лежащемъ на столѣ Константинъ Давыдовичъ врачъ рвалъ бѣлье: уходя, я слышалъ слово «умеръ». Крики «пожаръ» и помпы, направленные на мою каюту и соединенныя съ нею, которыя я узналъ лучше другихъ, боязнь, что огонь великъ и послѣдствія его могутъ принести страшный вредъ, вынудили меня вновь бѣжать къ ней для осмотра.

На пути натолкнулся и на массу труповъ. Здѣсь же лежалъ бодрый и добрый, всегда веселый человекъ, знатокъ артиллерійскаго и морскаго дѣла, прелестный рассказчикъ Андрей Никифоровичъ Яковлевъ: зинющая рана на шеѣ отъ удара осколкомъ бомбы свалила его окончательно — у него разбито плечо и 26 разныхъ ранъ. Что эти люди умирали героями — едва ли кто усомнится. Вотъ послѣднія слова ихъ: «Стрѣляйте изъ правой — она наведена», сказалъ Константинъ Давыдовичъ. «Возьмите у меня въ карманѣ боевыя трубки», сказалъ, не пуская духъ, Андрей Никифоровичъ. Несомнѣнно, одна изъ бомбъ, разорвавшихся вдоль палубы, нанесла страшную рану въ правую ногу, около паха, Михаилу Платоновичу Перелешину, хлопотавшему около минныхъ катеровъ. Съ вѣчно умильно-ласковымъ лицомъ стоялъ на палубѣ Михаилъ Платоновичъ, показывая мнѣ страшно распухшую ногу, прося позвать врача и отнять ногу. На просьбу мою, врачъ, сидя съ пошкшею головою и блѣдный, какъ полотно, отъ изнуренія, объяснилъ, что выйти изъ лазарета наверхъ не смѣетъ. Михаила Платоновича снесли въ каюту брата, гдѣ онъ и пролежалъ до прихода нашего въ Севастополь, въ госпитальъ котораго страдальцу отнята нога, и родного героя не стало! Терпѣливо ожидая перевязки, ходилъ лейтенантъ Кротковъ по палубѣ. Лопнувшая граната нанесла массу ранъ втому симпатичному человекъ, обожгла затылокъ, коснулась и лица. Мичманъ Петровъ, контуженный въ животъ, бродилъ по палубѣ, прося «покурить». Размѣстившись на полу каютъ-компаніи, безъ слова и стога терпѣли боль раненые матросы, ссылаясь на «Божью волю». Старшій офицеръ, Владиміръ Платоновичъ Перелешинъ,

въ виду израненнаго брата, тушилъ пожаръ. Штурманъ, штабсъ-капитанъ, контуженный въ голову и осыпаемый непріятельскими снарядами, стоя у компаса на мостикъ, возлѣ командира, бранился на летающіе снаряды турокъ, сбивавшіе съ румба картушку компаса, сердился на унавшее къ его ногамъ ружье стрѣлка, только-что сдѣланнаго выстрѣлъ и сраженнаго на мѣстѣ непріятельскимъ выстрѣломъ. Князь Голицынъ-Головинъ, исполняя разныя порученія командира, порывался къ нему, чтобы заслонить его отъ вражьиыхъ выстрѣловъ. Раздраженная команда, заслышавъ свистъ перебитаго свистка машины, съ русскимъ крѣпкимъ словомъ рѣшается: «а, ну такъ въ abordажъ». Немыслимо было исполненіе этого желанія: борты непріятельскаго броненосца были слишкомъ высоки, да и къ тому времени наши выстрѣлы рѣшили участь врага. А поварь нашъ, подъ весь этотъ шумъ и гвалтъ, спокойно рубить въ камбузѣ котлеты, сѣшна накормить команду. О товарищахъ-волонтерахъ могу сказать одно, что каждый изъ нихъ сдѣлалъ свое дѣло, какъ подобаетъ христіанину и человѣку, идущему съ твердымъ памѣреніемъ быть, во что бы то ни стало, вѣрнымъ исполнителемъ долга.

„Веста“ по приходѣ въ Севастополь.

Изъ Севастополя пишутъ, что въ числѣ матросовъ и особенно въ числѣ офицеровъ съ «Весты», хлопотавшихъ напристанн и на пароходѣ, замѣтно было множество раненыхъ. Многіе сильно хромали и припадали на

одну ногу, обутую вмѣсто сапога въ бѣлый матросскій банмакъ; шны придерживали на-ходу пораненую руку, третьи шли съ повязанной головой, у четвертыхъ все лицо было нещепрено ссадивами и кровяными подтеками.

Особенное вниманіе въ этомъ отношеніи обращалъ на себя лейтенантъ Кротковъ. Онъ видимо бодрился и дѣятельно хлопоталъ, но на него буквально было страшно взглянуть. Сзади вся спина его форменнаго сюртука висѣла въ тысячу лохмотьевъ: она была все изсычена, какъ рѣшето. Лицо его все было расцарапано и какъ будто изтатуировано зацекивающею кровью; кромѣ того, онъ сильно припадалъ на одну ногу. Командиръ «Весты», г. Барановъ, раненый въ руку и сильно контуженный въ голову, точно также ни однимъ мускуломъ не подавалъ виду о своихъ страданіяхъ. Но всего тяжелѣе было глядѣть на Перелешина, который, самъ раненый въ ногу и контуженный въ голову, долженъ былъ хладнокровно дѣлать распоряженія, между тѣмъ какъ съ парохода доносились нечеловѣческіе, раздирающіе душу вопли изувѣченнаго брата, переломы костей котораго принялись изслѣдовать, но своему, пребывавшіе на пароходѣ доктора. Въ такомъ же положеніи, обнаруживая еще большую, уже чисто юношескую, выносливость, находился молодой юнкеръ Яковлевъ, слегка контуженный въ голову, у котораго на пароходѣ былъ убитый братъ.

И всѣ эти израненные, искалѣченные, непостижимо кавими усиліями держащіеся еще на ногахъ люди, не требовали ни помощи, ни участія. Напротивъ: они сами только и думали о доставленіи скорѣйшей помо-

щи своимъ еще болѣе несчастнымъ товарищамъ. Каждый разъ, когда къ нимъ обращались вопросы и замѣчанія объ ихъ собственныхъ страданіяхъ и ранахъ, получался всегда одинъ и тотъ же отрывистый отвѣтъ, сопровождаемый кроткою улыбкою: «о, это совершенные пустяки!»

Необыкновенную выносливость, терпѣливость и мужество выказали, во время перевязокъ и изслѣдованія ранъ, эти несчастные на своихъ больничныхъ койкахъ. Большинству изъ нихъ приходилось выносить страшную, мучительную боль, пока имъ омывали раны и выщипывали оттуда клочки одежды, вшившіеся въ ихъ живую глубину.

Когда перевязка была кончена, присутствовавшія въ наклаузѣ сестры милосердія и другія старыя и молодыя женщины окружали ихъ предупредительнымъ, чисто материнскимъ уходомъ. Такъ какъ день выдался жаркій, — ихъ обмахивали вѣерами, моментально перемѣняли ледяные компрессы на головѣ, подносили прохладительное питье — воду съ краснымъ виномъ, а болѣе сильныхъ, обнаруживавшихъ нѣкоторый аппетитъ, поили чаемъ съ хлѣбомъ.

Въ это время здѣсь можно было наблюдать удивляющую дуну, но простотѣ и глубинѣ своей, сцены. Стоны мало-по-малу смолкли. Всѣ раненые, видя себя окруженными ласковыми, сочувствующими лицами, какъ-то пріободрились и словно повеселялись. Многіе изъ нихъ стали даже шутить и посмѣиваться. Ухаживавшихъ за ними женщинъ они иначе, какъ «сестрицами», не называли.

— А что, сестрица, зашила бы ты мнѣ рубашку. —

ишь продрана! обратился раненый къ ходившей за нимъ съ особеннымъ усердіемъ молодой дѣвушкѣ, указывая ей на только что снятую съ него матросскую рубаху, порванную осколкомъ турецкой бомбы.

— Это ему турка такъ угодила. Ты ужь зачини, сестрица: что казенному добру-то пропадать! отозвался шутливо другой раненый.

И вслѣдъ за этимъ почти все раненые, какъ малые ребята, обратились съ такою же просьбою къ молодой дѣвушкѣ: «зачини ужь и намъ, сестрица!»

Раненые, державшіеся на ногахъ, ложиться не хотѣли. Они расположились подлѣ пакгауза, на завалинкахъ, гдѣ ихъ окружили свои же товарищи-матросы и другія частныя лица.

— Такъ-то, умойся, отъ Божьей росы всегда легче бываетъ! говорилъ здоровый матросикъ омывая запачканное кровью лицо своего раненаго товарища и обтирая его своей холстинной чистой рубашкой. Кружки любопытныхъ обступили наиболѣе словоохотливыхъ малыхъ и разсирасивали ихъ о подробностяхъ бывшаго сраженія.

— Кабы не капитанъ нашъ, все бы пропало: не командиръ онъ, а настоящее золото! въ одно слово повторили все матросы, исключительно приписывая благоприятный исходъ сраженія неутомимому мужеству и геройской распорядительности капитанъ-лейтенанта Баранова.

— Кабы съ туркомъ было наше дѣло, ну съ нимъ бы мы въ полчаса управились, а то вѣдь какъ есть англичанинъ! Фески ни одной на людяхъ не видать, а все бѣлые шапочки съ английскими козырьками. Да и онять тоже гг. офицеры по картинкамъ смотрѣли, такъ

у турка такого броненосца вовсе и не имѣется. Ширша словно печь: только большому колесному пароходу въ пору, а онъ двухмачтовый, башенный, да казематный: вотъ ты тутъ и тягайся съ нимъ! А что не съ туркомъ, — съ англичаниномъ мы имѣли дѣло—такъ это, Боже мой, вотъ какъ вѣрно!

Такъ, въ одинъ голосъ, утверждали все матросы. Подобныя же предположенія намъ пришлось слышать и отъ нѣкоторыхъ офицеровъ.

Въ числѣ частныхъ лицъ, бывшихъ на «Вестѣ» во время этого перехода, мнѣ называли также сотрудника одной петербургской газеты, г. Мельникова. Все офицеры отзываются съ величайшею похвалою о мужественной энергій г. Мельникова во время общей тревоги. Засучивъ рукава по самые локти, онъ все-время убиралъ раненыхъ съ палубы и, вмѣстѣ съ докторомъ, подавалъ имъ первую помощь».

Бой при Шипвъ и болгарскія дѣти водоносы.

Уже третій день, шелъ жаркій бой подъ Шипкою; третій день, не смолкая, не прерываясь ни на минуту, слышались въ горахъ гулъ и грохотъ пальбы, безконечнымъ эхомъ расходясь по узкимъ тѣсннамъ...

Ишемогаетъ горсть героевъ-защитниковъ, силы на исходѣ, но держатся еще крѣпко и все усилія многочисленнаго врага разбиваются объ эту каменную, стойкую горсть, такую же стойкую и твердую, какъ и окружающія ихъ каменныя скалы Балкановъ.

Да, и сечь изъ-за чего драться до послѣдней капли

Поднялось на ноги все население горь: и въ Тырповѣ, и въ Габровѣ, и въ Дреповѣ, во всѣхъ мелкихъ городкахъ и селахъ, все со страхомъ и надеждою прислушивается къ грознымъ звукамъ боя. Все, что сильно, что хотя чѣмъ нибудь можетъ помочь борцамъ за святое дѣло,—все стремится туда;—что уже безсильно и само безпомощно,—то молится жарко Всевышнему, молится также неустанно, какъ бьются шипкинскіе герои.

Нежданно, веѣми своими силами навалился врагъ на опасное мѣсто. Не скоро еще могутъ подойти подкрѣпленія къ атакованнымъ, но эти подкрѣпленія подойдутъ—они, можетъ быть, на дорогѣ, можетъ, уже и до нихъ допесло вѣтромъ отдаленные звуки пальбы, поддало имъ ходу, какъ ударъ шпоръ поддастъ ходу усталому коню... Далъ бы Богъ, чтобы не изсякли послѣднія силы защитниковъ, нога подойдетъ выручка, поддержать бы Онъ эти силы, послалъ бы имъ бодрость духа, укрѣпилъ бы ихъ мощь воинскую...

Но «на Бога надѣйся а самъ не плошай»—знаютъ эту пословицу и тѣ, кому грозитъ бѣда — и не плошаютъ...

Кипитъ живымъ движеніемъ горныя дороги, ведущія къ Шинкѣ, но веѣмъ узкимъ тропинкамъ тянутся извиваясь вереницы участниковъ и пособниковъ общаго дѣла. Не однимъ ружьемъ и пулею помочь можно, есть еще и другая, не менѣе важная подмога.

Жаркій день, палитъ южное солнце; накаливаются голые камни, душно въ воздухѣ, густымъ туманомъ пороховой дымъ стелется, длинными нитями ползетъ вверхъ, по откосамъ, застилая собою покойное голубое небо...

Не въ одномъ мѣстѣ горитъ бой... по боковымъ тропамъ, въ обходъ справа и слѣва устремились турецкіе баталіоны, грудь съ грудью, въ рукопашь схватываются, обходятъ... Жарче всего кипитъ этотъ бой въ серединѣ, тамъ, гдѣ, замыкая выходъ изъ ущелья, поднимается гологая, лысая гора, увѣчанная русскими шанцами, на эти шанцы устремлены все усилія турокъ... Самъ Сулейманъ глазъ не сводитъ съ этого мѣста и шлетъ на него все новыя и новыя колонны.

Въ шанцахъ бьются русскіе, пришлые изъ далека солдаты, бьются рука объ руку съ своими новыми боевыми товарищами, болгарскими ополченцами. Много и тѣхъ и другихъ легло на мѣстѣ, много ранено, изувѣчено и ползаетъ по этой оголенной, каменной вершинѣ, изнемогая отъ боли, отъ жажды и палящаго солнца. Бойцы не могутъ помочь своимъ несчастнымъ товарищамъ, имъ *не до нихъ, некогда...* Съ каждою минутою валятся все новыя и новыя жертвы... Тамъ грохнется турецкая граната, за клубится бѣлый дымъ взрыва, брызнетъ во все стороны осколками чугуна и каменьевъ, брызнетъ алая кровь *выбитыхъ* изъ строя... роемъ свистятъ ружейныя пули, звонко щолкаютъ о камни, глухо плещаясь о живое мягкое тѣло... Стопъ болѣзненный, надрывающій душу стоить кругомъ... Убрать бы этихъ несчастныхъ, увезти куда-нибудь въ тихое мѣсто,—и для нихъ хорошо бы было, да и для тѣхъ, кто еще живъ остался, отрадиѣе, *«глаза бы не мозолили, не смущали, тьмоты бы лишней не дѣлали»*.

Вотъ тутъ-то и пригодилась болгарская мирная подмога.

По тырновской дорогѣ, скрыши деревянными осями, тянутся тяжелые арбы, щелкаютъ ременные бичи по чернымъ лоснящимся спинамъ сильныхъ буйволовъ... Боятся скотина пушечнаго грома, хрипять, упирается... На возахъ бочки съ водою, мѣшки съ хлѣбомъ, глиняные оплетенные кувшины съ виномъ. Везутъ все это добро габровцы, тырповцы, дреповцы на подкрѣпленіе силъ борцамъ; безъ страха входятъ въ самый адъ боя, сами подвертываются подъ свинець, надаютъ, да и дѣлю свое тѣмъ временемъ дѣлаютъ, повозки опоражниваютъ, сваливаютъ свою привезенную кладь, другую печальную кладь наваливаютъ. Не одна сотня рапелыхъ уже увезена этими возами, на рукахъ вынесена изъ боя, не только мужчинами-болгарами, но и ихъ женщинами... Дѣти не отстаютъ отъ большихъ и, презирая опасность, смѣло, глядя прямо въ лицо смерти, спуютъ тутъ же, неся и свою ленту общему дѣлу.

Тамъ, въ боковыхъ ущельяхъ, поближе къ мѣсту боя, сочатся холодные горные родники. Около такихъ родниковъ толнятся ребята съ кувшинами и всякою другою посудю помельче, набираютъ воды, тащатъ на баттарен, живо расходуютъ эту влагу и бѣгутъ назадъ за новою пошею...

Сколько уже горничихъ, запекшихся губъ приложилось къ краямъ ихъ кувшиновъ, сколько силъ возобновилось ихъ работою, сколько ифмыхъ благословеній несло за ними вслѣдъ, когда они весело и бойко бѣжали къ родникамъ съ пустою посудю, сколько этихъ благословеній встрѣчало ихъ, возвращающихся на мѣсто боя.

Не одну изъ такихъ мы сами видѣли подъ выстрѣлами турокъ на позиціяхъ нашихъ войскъ группъ. Вереница дѣтей, наполнивъ гдѣ-то вблизи свои кувшины, направляется къ опасному мѣсту. Они уже поднялись на первый взлобокъ, съ котораго имъ уже виденъ бой, видны если не бой, то но вѣрное бѣлые клубы порохового дыма—это замѣтно уже по глазамъ старшей дѣвочки, лѣтъ тринадцати... Широко раскрытые эти большіе темные глаза устремлены впередъ, дѣвочка вся погружена въ созерцаніе боя, машинально шагаетъ подъ тяжестью своего глиняннаго кувшина: ничего она не видитъ другого, не замѣчаетъ даже, какъ маленькій братъ ея испуганно показываетъ на раненаго уже мальчика, поставившаго свой кувшинъ на землю и серьезно перевязывающаго платкомъ свою искалѣченную ножку. Раненъ ли онъ на самомъ мѣстѣ, въ ту минуту, когда поднеслъ свой кувшинъ къ губамъ усталаго солдата, раненъ ли онъ по дорогѣ, шальной пулею—кому до этого дѣло... Можетъ быть и сюда, на этотъ самый взлобокъ, долетаютъ уже турецкіе снаряды. Мѣсто открытое: коли съ него видно турокъ, такъ и туркамъ видны эти маленькіе водоносы, а турецкая пуля бьетъ все безъ разбора, для нея нѣтъ ничего святаго, ничего заказнаго... Бьетъ она и ради мести, ради того, чтобы на всемъ сорвать зло своихъ исудачъ, ради того, чтобы страху нагнать, отбить охоту служить русскимъ.

Только страху нагнать на этихъ маленькихъ героевъ не придется: выростутъ они, закаленные въ ненависти ко всему турецкому, давившему ихъ, подъ рядъ, цѣлыя столѣтія, и съумѣютъ твердо отстоять свою волю и свободу, если таковою благословить ихъ Господь въ

эту борьбу, — вновь *современемъ* поднять знамя свободы—если бы настоящая борьба, по волѣ неисповѣдимаго Промысла, не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ.

Солдатское сердце.

(Очеркъ изъ настоящей восточной войны).

Отрядъ отступалъ, осторожно прокладывая себѣ дорогу въ толиѣ бѣглецовъ, охваченныхъ паническимъ ужасомъ... Кругомъ пылали цвѣтущіе города и села, зажженные черкесами и башни-бузуками. Незначительные отряды наши не могли ограждать всю страну, войска отступали, защищая лишь тѣхъ, кто, спасшись изъ подъ ножа башни-бузуковъ, самъ искалъ защиту въ войскахъ... Съ каждымъ шагомъ, справа и слева отъ дороги, на самой дорогѣ, отрывались все новыя и новыя, одна другой печальнѣе страшныя картины чудовищной борьбы предемертныхъ страданій павшихъ. Все гбыло кругомъ! гбыли строения, гбыли сады и поля, гбыли сильные борцы, гбыли ихъ жены и матери, гбыли и ни въ чемъ неповинныя, ничего не сознающія еще крохотныя малютки. Случалось послѣднимъ подвергнуться подъ расходившуюся рубу фанатика-мусульманина, гбыли онѣ отъ этой, не знающей милосердія и пощады руки, случалось что онѣ, чудомъ избавившись отъ этой кровавой смерти, гбыли брошенные отъ голода, отъ зноя и жажды, задыхались въ дыму пожара, тонули въ канавахъ и лужахъ... Проходили мимо наши солдаты, тоска грызла ихъ сердца, глядя на все это... Но чѣмъ могутъ они помочь? Сами изнуренные непо-

сильныя боемъ, полуголодные, — они и такъ отдали уже страдальцамъ все, что имѣли: послѣдніе сухари, послѣднюю каплю сбереженной водки, послѣднюю кофѣйку, залежавшуюся въ солдатскомъ карманѣ. Тяжело навьючены наши солдаты, весь скарбъ свой, и боевой, и хозяйственный, на своихъ плечахъ тащатъ... Эхъ, да что тутъ! не Богъ вѣсть какая тяжесть ребеночекъ, забирай ихъ, ребятки, на ранцы — не помирать же имъ тутъ, въ самомъ дѣлѣ! Богъ поможетъ — дотанчимъ до тихаго мѣста, а послѣ можетъ и сродственники ихъ найдутся!...

Одинъ не вытерпѣлъ, забралъ, усадилъ на ранецъ; прихватилъ его шинелью, чтобъ не свалился какънибудь... другой глядѣлъ, глядѣлъ, да тоже поднялъ ползавшую у дороги, чумазую такую, хныкающую плаксу; тамъ третій что-то въ сторонѣ, у самой горѣвшей хаты запримѣтилъ — бѣжить на подмогу...

Бдутъ молча офицеры, бдетъ и генералъ со своимъ штабомъ — видятъ непорядокъ, да унять такой непорядокъ духу не хватаетъ...

А далеко сзади слышенъ тяжелый громъ пушечной пальбы, трескучіе перекаты ружейной перестрѣлки... Бѣлые клубы пороховаго дыма и черныя тучи пожаровъ стелятся подъ разгромленною долиною — и несется этотъ дымъ къ горамъ, вздымающимся синими громадами къ сѣверу. Туда, къ этимъ горамъ, въ ихъ неприступныя, грозныя ущелья — уходятъ и отступающіе русскіе отряды.

День солнечный, жаркій; на скатъ горы, поросшемъ густою, сочною травою, раскинулся русскій бивуакъ.

Только что оконченъ тяжелый переходъ, ружья со-

ставлены, часовые уже по мѣстамъ, солдатикн только что начали устраиваться по домашнему, не всё еще व्यюкъ свой тяжелый снимали. Къ ихъ обыденнымъ боевымъ заботамъ еще одна забота прибавилась, только въ этой заботѣ уже ничего нѣтъ военнаго, здѣсь уже дышетъ миромъ, семьею, домомъ — чѣмъ то отряднымъ душевнымъ.

Суровымъ бойцамъ за святое дѣло Богъ питомцевъ послалъ... къ нимъ нельзя зря какъ шибудь приступить, надо тоже умѣючи за дѣло взяться... Отняла судьба у безвинныхъ малютокъ отцовъ и матерей, и вотъ другихъ имъ послала. Цѣлая рота, какъ есть — отъ фельдфебеля до самаго послѣдняго барабанщика, въ отцы проентся... Вотъ и приходится новымъ отцамъ, съ своими богоданными дѣтьми на бивакѣ, да въ походѣ няньчиться...

Тягота не великая... въ свой обозъ сдадутъ, на ротныхъ повозкахъ мѣста хватить, а на бивакѣ отъ нихъ, кромѣ утѣшенія да забавы, ничего другого не предвидится.

— Вотъ одна бѣда, какъ ихъ звать теперь? Дѣти малыя, еще безсловесныя, сами не скажутъ — грешень аль вѣтъ, тоже неизвѣстно, можетъ, даже есть межъ ними и турецкяя псчадія. Все равно! Всѣхъ сравняло круглое сиротство. Вотъ у полковаго батьки, отца Игнатія спросимъ, какъ онъ укажетъ, такъ и сдѣлаемъ, норѣшили солдаты. Одна забота, значить, съ плечъ...

— Насчетъ, теперь, провіанту ихняго — вторая забота: сухаря ему въ ротъ не сунешь, сухарь этотъ и солдатскимъ зубамъ безъ намочки не всегда въ пору приходится. Догадался благо унтеръ четвертаго ка-

пральства, Иванъ Огородниковъ, захватилъ корову дойную,—тоже такъ бродила, брошенная: турецкаго брюха должно быть дождалась... Эта-то корова и будетъ настоящей кормилицей. Холять солдатини бурую кормилку, съ собою ведутъ на веревкѣ, кормить до отвалу, только бы молока давала побольше, потому что этого матерьялу для малютокъ теперь много требуется.

— Уинтеръ Иванъ Огородниковъ знаетъ свое дѣло; конечно, въ рукахъ его еще настоящей ловкости нѣтъ, какъ за этого пшкунна взяться, а все таки смекасть, что отъ себя подальше держать требуется. Не то, что бы рубахи и штановъ жалко было—это пустяки—высохнетъ, а вотъ насчетъ подсумковъ съ патронами—какъ бы это имъ не досталось... Такъ завозился бородастый уинтеръ, что позабылъ и аммуницію свою тяжелую снять, все еще въ ранцѣ стоитъ и черномазаго мальчугана раскачиваетъ.

Гордѣй Никитинъ, старый солдатъ, уже въ безстрочномъ побывалъ, потому должно быть чаще ребятамъ паянчить приходилось—живо управился, на траву баринномъ разлеся и тѣшитя малышемъ,—съ горнистомъ Пашкою Глунышевымъ совѣтъ держать, какъ этого блопа кормить—прямо ли изъ котелка ложкою, или лучше съ пальца...

— У насъ завсегда,—говоритъ Пашка,—бабы соску въ ротъ совали. Танерича есть у меня пара портянокъ чистыхъ, залишнихъ,—я ему этихъ сосокъ понадѣлаю.

— Соску... смекаетъ старый солдатъ... Нѣтъ, у нашей ротничихи, въ Козловѣ городѣ когда стояли, соски не полагалось, а была коза заведена и рожочекъ такой резинчатый...

— Тутъ этакого рожечка гдѣ же достать! резонно замѣчаетъ Глунышевъ горнисть.

— Не достать — словно про себя, грустно такъ вздохнулъ и Порфенъ Силннъ, молодой еще парень... Тоска на него нанала что-то, на дѣтей гляючи; вспомнилась, должно быть, жена, да свои ребятишки. — Эхъ, пошли Богъ живому вернуться, да снова свидѣться!...

Дѣвочка маленькая, году нѣтъ еще, та, что полковникъ къ себѣ въ дочери взять вызвался, бабъ на походѣ увидалъ, дѣвочка эта отползла отъ усатыхъ и бородатыхъ нялекъ, въ густой травѣ копошится... Привыкла она уже къ военному, бивачному шуму, ничего не пугается. Такая забавница стала, всей ротѣ утѣха. Гляючи на дѣтокъ малыхъ-сиротъ, сердце солдатское теплое-сказывается.

Замѣчательная стойкость и безстрашіе солдатъ.

(Пишетъ г. Демчянкій (отъ 15-го октября) изъ Бухареста въ «Голосъ».)

«Зная испытанное безстрашіе солдата въ бою, разспрашивая раненыхъ, убѣждаемся еще въ томъ замѣчательномъ стойкомъ хладнокровіи, съ которымъ все они относятся къ своимъ ранамъ и вообще къ болн. Ни одного стопа, ни единой жалобы; только лицо выдаетъ тѣ невыносимыя мученія, которыя онъ повидимому переноситъ спокойно.

И какія-то не бывають пораненія! Лежитъ рука ладонью на лафетѣ, пуля летитъ по поверхности лафета, перешибаетъ большой палецъ и входитъ въ руку параллельно ладони. Изъ руки мгновенно образуется просто подушка, и послѣ того эта подушкообразная рука лежитъ

восемь дней и восемь ночей въ ваннѣ, въ которую сверху изъ крана капаетъ вода! Три рѣзкія морщины на лбу говорятъ, что чувствуетъ этотъ несчастный, но ни одного слова о боли.

— Ничего, слава Богу. Больновато, да дастъ Богъ пройдетъ.

Больновато! Точно рѣчь идетъ объ уколѣ булавкою».

Другой примѣръ. «Сидитъ солдатъ съ обвязанною головою и половиною лица. Зажавъ правую половину рта двумя пальцами, въ лѣвой держитъ напироску и простодушно улыбается, глядя какъ сосѣди — одинъ безъ кости въ плечѣ, другой безъ колѣнной чашки — играютъ въ шашки. Спрашиваю: какая у него рана, думан, судя по лицу, что надо быть, ухо отсѣкло пулей, и то такъ давно, что «все обстоитъ благополучно». «Да вотъ угодилъ подлецъ, прямо въ ротъ, въ правой уголъ да, знать, скулы-то крѣпкіи — не прошла насквозь, за ухомъ застряла. Ну, вынули; теперь подживаетъ». И говорится это какъ о вещи обыкновенной, спокойно, безъ рисовки».

Вотъ гдѣ та закаленность русскаго человѣка, которая дѣлаетъ изъ него такого воина, какъ герои Севастополя, Плевны, Шинки. Въ томъ-же госпиталѣ встрѣтилъ я офицера Зарайскаго полка, г. Цвирко, раненаго въ локтевой суставъ. Онъ сидѣлъ на балконѣ, когда я подошелъ къ нему. Раненъ онъ при Карахасанкюбѣ, 17 августа, въ томъ дѣлѣ, послѣ котораго началось концентрированіе арміи Наслѣдника Цесаревича.

Отзывъ Омаръ-паши о русскихъ солдатахъ.

(Корреспондентъ «Голоса» сообщаетъ разговоръ съ пѣвнымъ пашою).

«Говоря о русскихъ солдатахъ, Омаръ-паша выразился, что хотя они «очень молоды», но дерутся хорошо. Онъ имѣлъ случай наблюдать, когда эти солдаты, послѣ неудачнаго дѣла, еще съ большимъ мужествомъ и самоотверженіемъ бросались въ огонь. Турецкія войска по его мнѣнію, дерутся съ большимъ жаромъ, нежели русскія. Атака ихъ весьма стремительна, за-то неудача скоро обезкураживаетъ. «Нынѣшняя война, сказалъ паша, крайне гибельна для Турціи, хотя турки охотно жертвуютъ всѣмъ для нея».

Невозмутимое хладнокровіе въ виду явной опасности.

(Корреспондентъ «Новаго Времени» пишетъ (г. Немировичъ-Данченко съ лѣваго фланга нашей дѣйствующей Дунайской арміи).

«Нужно было послать изъ нашей цѣпи когонибудь посмотреть, что турки дѣлаютъ, и съ этимъ сообразовать расположеніе своей аванпостной линіи.

— Эй Гавренко.

Выѣзжаетъ неуклюжій увалень.

— Поѣзжай-ко туда. И затѣмъ слѣдуетъ инструкція что сдѣлать. — Понялъ?

— Понялъ ваше высокоблагородіе! И спокойно поворачиваетъ лошадь.

Уланъ уже отѣхалъ по назначенію, когда полковникъ ему крикнулъ:

— А если тебя убьютъ?

— Такъ я тамъ остаюсь тогда, ваше высокоблагородіе.

Героическая смерть майора Горталова.
Команданта левого фланга под Плевной.
(31-го августа 1877 года).

(Къ стр. 140.)

Граната лопается въ батареѣ. Командиръ приказываетъ солдатамъ лечь въ ложементы. Всѣ неохотно идутъ туда. «Они усѣ такія!» успокоиваетъ солдатикъ, непонимающій чего тутъ прятаться.

Во время боя подъ Кадыкіемъ на одной изъ батарей запасному номеру Яковлюку печего было дѣлать. Приказали ему подносить гранаты. Солдатикъ оказался веселый. Подаетъ снарядъ и, бѣжа за другимъ, наигрываетъ на самодѣльной сопѣлкѣ; и такъ до конца боя увеселялъ онъ батарею.

Ротѣ Капорскаго полка приказали стать на р. Домѣ, по сю сторону, и какъ-то забыли о ней. Стоитъ рота день, стоитъ два, три; кругомъ русскихъ отрядовъ давно нѣтъ. На противоположномъ берегу тысячъ пятьдесятъ турокъ.

— Чего вы здѣсь? наскакиваетъ нечаянно на нихъ генералъ съ рекогносцировки.

— Туркамъ переправляться препятствуемъ, ваше превосходительство.

И дѣйствительно, вздумай пятидесятитысячная турецкая армія переправляться, капорская рота открыла бы по ней огонь и не ушла бы съ мѣста, пока не погибла бы до послѣдняго солдата.

БИТВА ПОДЪ ПЛЕВНОЮ

31-го Августа.

О подвигахъ нашихъ героевъ-солдатъ и командировъ, — въ битвѣ подъ Плевною, 31-го августа, корреспондентъ иностранныхъ журналовъ сообщаетъ:

«Ровно въ четыре часа турки открыли такой сильный огонь на горѣ, что послѣдняя совсѣмъ скрылась подъ огнемъ, дымомъ, и она казалась какимъ-то гигантскимъ чудовищемъ, изрыгающимъ пламя, въ то время, какъ съ другой стороны можно было, хотя смутно, различить ряды подвигавшихся русскихъ. Батарей на лѣвомъ флангѣ работали изо всѣхъ силъ и посылали свои выстрѣлы между горой и стоящимъ за ней редутомъ. Въ первый разъ въ продолженіи дня мы испытывали увѣренность, что присутствуемъ при важномъ и ожесточенномъ сраженіи. И дѣйствительно: бой былъ въ полномъ разгарѣ—штурмовыя колонны прорывались впередъ, повзводный огонь осыпалъ турокъ, которые отвѣчали тѣмъ же, и густыя колонны осаждавшихъ покрыли гору. Дико свирѣпствовалъ огонь турокъ и, казалось, хотѣлъ смести русскихъ съ лица земли. Но хотя ясно различались широкія бреши, которыя огонь прокладывалъ въ рядахъ, однако онъ не могъ остановить наступавшихъ. Не смотря на картечи и пули, сыпавшіяся на нихъ градомъ, солдаты двигались впередъ съ удивительною храбростью. Передъ редутомъ находились рвы, изъ которыхъ нѣсколько минутъ назадъ еще стрѣляли, но они были взяты и пройдены. Впередъ на редутъ! Всякій, въ груди котораго билось воинственное сердце, не могъ смотрѣть безъ восторга на этихъ мужественныхъ солдатъ, презиравшихъ всякую опасность смерти. Вотъ они показались у бруствера; въ теченіи 3-хъ минутъ ничего нельзя было видѣть за пороховымъ дымомъ. Наступило затишье ружейной пальбы: проеходилъ горячій бой на штыкахъ.

«На батареѣ мы ждали всякое мгновеніе, что вотъ раздастся ура побѣдоносныхъ русскихъ войскъ и русское знамя появится надъ редутомъ. Всѣ были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что солдаты готовились бросить вверхъ шапки въ знакъ торжества и закричать восторженное ура, какъ внезапно опять раздалась пальба. И какая пальба! Полки, только-что бодро и въ строевомъ порядкѣ шедшіе въ атаку, возвращались не только съ урономъ, но сбитые, совершенно разстроенные, преслѣдуемые адскимъ огнемъ редута, на который ихъ штурмъ неудался. Масса, пятакъ, скатывается съ горы. Но еще не все потеряно: резервы стойко держатся (ихъ было около 2-хъ баталіоновъ, какъ кажется); они бросаются, въ свою очередь, на редутъ и возобновляютъ штурмъ. Но они не дошли до рововъ, какъ ряды ихъ уже разстроились подъ жестокимъ огнемъ и резервъ подался назадъ, а вмѣстѣ съ этимъ исчезла послѣдняя надежда на успѣхъ штурма».

«Непосредственно вслѣдъ за этимъ я видѣлъ генерала Скобелева въ первый разъ въ теченіи этого дня. Онъ былъ въ страшномъ состояніи. Мундиръ его былъ занятнанъ грязью, сабля сломана, Георгіевскій крестъ болтался на плечѣ, лице черное отъ пороху и дыму, глаза его блуждали, налитые кровью, а голосъ онъ совсѣмъ потерялъ; онъ говорилъ какимъ то хриплымъ шепотомъ. Я еще никогда не видалъ такого олицетворенія войны, какимъ онъ представился мнѣ. Я видѣлъ его вторично вечеромъ, въ его налаткѣ. Онъ казался спокойнымъ и хладнокровнымъ. Онъ говорилъ: «Я сдѣлалъ, что могъ. Большаго сдѣлать я не былъ въ состояніи».

Въ описаніи боя подъ Плевною «Летучій Воспный Листокъ» представляетъ нѣсколько примѣровъ героизма, обнаруженнаго въ «вѣчнопамятные дни 30-го и 31-го августа». Приводимъ изъ этого описанія слѣдующее извлеченіе:

«Генераль Скобелевъ, который все время самъ велъ свои войска, когда они шли впередъ, и замыкалъ отступленіе, когда пришлось идти назадъ, цѣль какимъ-то необъяснимымъ чудомъ. Почти всѣ, окружавшіе его, либо нашли славную смерть, либо ранены. Онъ одинъ, смотрѣвшій все время въ глаза смерти, избѣгъ ее. Солдаты и офицеры смотрятъ на него, какъ на существо сверхъестественное: они, въ простотѣ души, вполне убѣждены, что онъ заговорекъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Довѣріе и любовь къ нему безграничны. Уже и турки хорошо знаютъ его. Плѣнные, на вопросъ—знаютъ-ли они генерала Скобелева,—отвѣчаютъ, что такая фамилія имъ неизвѣстна, но они знаютъ «Акъ-нашу», бѣлаго генерала *), который постоянно впередъ русскихъ. Состоящій при немъ генеральнаго штаба капитанъ Куронаткинъ (георгіевскій кавалеръ, сподвижникъ генерала Скобелева по туркестанскимъ походамъ) управлялъ огнемъ одной изъ нашихъ батарей. Въ это время около него былъ взорванъ непріятельскою гранатою зарядный ящикъ, который и взлетѣлъ на воздухъ, вмѣстѣ съ батарейнымъ командиромъ и всѣми стоявшими около него людьми. Капитана Куронаткина только подбросило и онакнуло ему голову. Нѣсколько

*) Потому что онъ всегда является на бѣломъ конѣ и въ бѣломъ вѣтелѣ.

не смущаясь этимъ ужаснымъ случаемъ, онъ въ то же самое время спокойно командовалъ: «первое—или!»

«Владимірскаго полка маіоръ Горталовъ, котораго генералъ Скобелевъ назначилъ комендантомъ лѣваго редута, далъ ему слово, что пока онъ живъ, не сдастъ туркамъ вѣреннаго ему укрѣпленія. Онъ сдержалъ свое слово: когда турки бросились на редутъ въ шестой разъ и ворвались въ него, маіоръ Горталовъ остался въ немъ послѣдній и былъ поднятъ турками на штыки. Гсоргіевскій крестъ, посланный ему въ награду за обнаруженную еще 30-го августа блистательную храбрость, не засталъ уже героя въ живыхъ.

«Суздальскаго полка подполковникъ Мосцовой былъ комендантомъ праваго редута. Онъ отбилъ всѣ шесть атакъ. Окруженный турками, онъ продолжалъ держаться въ то время, когда уже мы должны были отступить по всей линіи, и вышелъ оттуда только по особому приказанію генерала Скобелева, проложивъ себѣ обратный путь штыками.

«Артиллерія покрыла себя 30-го и 31-го августа вѣчною славою: 9-ти-фунтовая батарея 2-й и 3-й артиллерійскихъ бригадъ 30-го августа безстрашно подъѣзжали къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ на разстояніе 800—900 шаговъ и, осыпая турокъ картечными гранатами и картечью, много облегчили этимъ атаку пѣхотѣ. Но за то и пострадала же артиллерія: въ нѣкоторыхъ батареяхъ почти всѣ офицеры и нижніе чины выбыли изъ строя. Вообще потери наши краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, съ какимъ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ войска наши исполняли свой долгъ. Почти всѣ командиры отдѣльныхъ частей отряда генерала Ско-

белева выбыли изъ строя. Командиръ 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизій, генералъ-маіоръ Тебякинъ, командиръ 9-го стрѣлковаго баталіона, полковникъ Салингре, и командующій Суздальскимъ полкомъ убиты. Командиръ Либавскаго полка, полковникъ Коль и командиръ Ревельскаго полка, полковникъ Писанко, тяжело ранены. Контужены: командиръ Калужскаго полка, полковникъ Ножаковскій, командиръ Эстляндскаго полка, полковникъ Головинъ, командиръ 10-го стрѣлковаго баталіона, полковникъ Бородинъ, и командиръ 12-го стрѣлковаго баталіона, полковникъ Курсель.

«Въ строю, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Скобелева, осталось всего: въ Калужскомъ полку 11 офицеровъ и 1,066 нижнихъ чиновъ, въ Либавскомъ—14 офицеровъ и 1,201 нижній чинъ, въ Ревельскомъ—7 офицеровъ и 1,105 нижнихъ чиновъ, въ Эстляндскомъ—11 офицеровъ и 827 нижнихъ чиновъ, Суздальскомъ—18 офицеровъ и 906 нижнихъ чиновъ, въ Шуйскомъ—25 офицеровъ и 1,149 нижнихъ чиновъ. Во всей 3-й стрѣлковой бригадѣ 30 офицеровъ и 1,028 нижнихъ чиновъ. Потери очень велики. Число убитыхъ невозможно еще привести въ точную извѣстность, но приблизительно, за время съ 26-го августа по 2-е сентября, оно составитъ около 60-ти офицеровъ и болѣе 3,000 нижнихъ чиновъ. Общее число раненыхъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ вечеру 2-го сентября,—238 офицеровъ и 9,482 нижнихъ чина».

ПАДЕНИЕ ПЛЕВНЫ.

(Перечень событийъ подъ Плевной).

Пятимѣсячная блокада Плевны окончилась, армія Османовъ у ногъ великодушнаго Монарха. Чтобы выиснить значеніе этого событія, вѣсть о которомъ встрѣчена съ восторгомъ всюю русскою землею, надо прослѣдить этотъ продолжительный и упорный бой съ самаго его начала.

Какъ наши войска жили подъ Плевной.

Плевна лежитъ на большой дорогѣ изъ Рузюка въ Софію, въ долину рѣчки Гривицы, которая впадаетъ въ рѣку Видъ. Отъ Плевны идутъ дороги въ Никополь, Рузюкъ, Ловець и въ Софію, а потому этотъ городъ

имѣть весьма важное торговое значеніе. Онъ имѣлъ до 17,000 жителей. Городъ окруженъ высотами и потому, при искусственномъ укрѣпленіи мѣстности, представлялъ трудно одолжимую переграду.

Онъ лежитъ въ долину, окруженной высотами, которыя внослѣдствіи были усѣяны турецкими укрѣпленіями и ровниками для стрѣлковъ. Надъ всею мѣстностію возвышался гривицкій редутъ, приспособленный къ трехъярусной оборонѣ.

Мѣстность впереди волнообразная и не позволяетъ разсмотрѣть расположеніе непріятеля.

Послѣ переправы черезъ Дунай, нашимъ войскамъ, чтобы удержатъ за собою переправу и двинуться къ Балканамъ, необходимо было удержатъ главныя турецкія силы, сосредоточенныя въ восточной Болгаріи у Разграда, и овладѣть ближайшею съ правой стороны крѣпостію Никополець и другими важными пунктами. Для этого, кромѣ отряда, двинувшагося по направленію къ Балканамъ, два корпуса образовали заслонъ къ сторонѣ Рущука, а 9 корпусъ генерала Крнднера осадилъ крѣпость Никополь, которую и взялъ 3 іюля. Между тѣмъ, находящійся въ крѣпости Виддинѣ турецкій корпусъ Османа-паша, зная затруднительное положеніе турокъ въ Никополь, двинулся на помощь, но, не успѣвъ во время прибыть къ Никополю, направился на Плевну. Для насъ занятіе Плевны было очень важно для обезпеченія праваго крыла, а потому приказано было отряду генерала Шильдера возможно скорѣе взять Плевну.

7 іюля было замѣчено, что за деревней Гривицей уже расположенъ непріятельскій лагерь. Полагая, что

Плевна занята незначительнымъ передовымъ турецкимъ отрядомъ, назначено было, на 8 юля, наступленіе. Войска наши занимали пространство отъ Рыбно до Тученицы. Въ 5 часовъ утра началась атака; рота Архангелогородскаго полка, имѣя во главѣ командира, полковника Розенбома, бросилась впередъ, выбила турокъ и пре-

Какъ наши войска жили подъ Плевной.

слѣдовала ихъ до города, но тутъ встрѣчена были градомъ пуль изъ домовъ и, потерявъ начальниковъ убитыми, остановилась и продолжала удерживать свою позицію. Въ тоже время Костромской полкъ атаковалъ турокъ со стороны Гривицы. Турки были выбиты изъ двухъ линій окоповъ, заняли третью линію и продолжали осыпать костромичей пулями. Въ это время были

убиты или ранены высшіе начальники; тогда поручикъ Шатиловъ собралъ остатки передовыхъ ротъ бросился на оконъ и взялъ его. Но торжество было непродолжительно, такъ какъ турокъ оказалось въ 10 разъ больше, а потому отряду пришлось отступить.

Послѣ дѣла 8 іюля, желая обезпечить правый нашъ флангъ, при предполагавшемся наступленіи за Балканы, генераль Кріднеръ собралъ остальные войска корпуса къ Бреславицѣ, куда прибыли подкрѣпленія изъ состава 11 корпуса князя Шаховскаго. На 18 іюля была назначена новая атака Плевны. Войска были расположены слѣдующимъ образомъ: отрядъ генерала Вельяминова дѣйствовалъ къ сѣверу отъ шоссе на главный редутъ: генераль князь Шаховскій долженъ былъ атаковать турокъ между Гривицей и Радисевымъ; у Порадима и Пелината были расположены резервы.

На флангахъ были расположены: на правомъ — генераль Лопкаревъ, для дѣйствія въ тылъ туркамъ, а на лѣвомъ — генераль Скобелевъ, для прикрытія дороги въ Ловчу.

На правомъ флангѣ, въ 8^{1/4} часовъ утра, сдѣланъ былъ турками первый выстрѣлъ. Наши батареи отвѣчали; но только къ 9 часамъ, когда разсѣялся туманъ, сталъ виденъ большой непріятельскій редутъ. Въ 2 часа начался штурмъ этого редута. Шедшій впереди 4 баталіонъ Пензенскаго полка, несмотря на страшный огонь, подвигался впередъ, штыками взялъ первый рядъ заваловъ и, поддержанный 2 баталіономъ выбилъ, турокъ изъ втораго ряда и пошелъ къ редуту. Майоръ Ковалевскій, съ тремя стрѣлковыми ротами, бросился на редутъ, но былъ изрубленъ ятаганами; тутъ же наль

поручикъ Амосовъ. Затѣмъ послѣдовала атака двухъ остальныхъ баталіоновъ, потомъ Козловскаго полка: наши герои врывались въ редутъ, перестрѣлка шла въ упоръ. Командиръ Козловскаго полка былъ убитъ. Затѣмъ атака повторена была пять разъ, подъ убійственнымъ огнемъ; люди падали, груды убитыхъ и раненыхъ затруднили движеніе. Резервъ былъ истроченъ, наступила темнота, а около редута все еще кипѣлъ бой и раздавались крики ура. Въ виду безполезности всѣхъ атакъ, приказано было отступить; но только къ утру 19 числа удалось вывести войска отъ редута.

На лѣвомъ флангѣ—Рыльскій полкъ атаковалъ укрѣпленіе № 4; турки были выбиты и оставили два орудія, а Курскій полкъ, по совершенно открытой мѣстности, бросился къ № 5, взявъ его съ помощію Шуйскаго полка, но затѣмъ былъ встрѣченъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ турецкой пѣхоты.

Грозное наступленіе вновь заставило турокъ податься назадъ; войска дошли до мельницы впереди Цлевны, но утроенныя силы турокъ и огонь подавили героевъ; они изнемогли, пробывъ въ огнѣ цѣлый день, а потому, съ наступленіемъ темноты, приказано было отступить, на высоты впереди Радищева. Войска дрались отчаянно, подъ адскимъ огнемъ, и только громадный перевѣсъ въ силахъ заставилъ ихъ отойти. Оказалось, что у Османа-пашы было до 60 тысячъ. Возобновлять бой на другой день было невозможно, потому что войска были крайне утомлены и не было резерва — все было введено въ огонь.

Въ то время, какъ войска наши стали наступать, генераль Скобелевъ, съ своимъ небольшимъ отрядомъ,

выступилъ изъ Богота. Пользуясь туманомъ, отрядъ тихо подошелъ къ дер. Кришииѣ, гдѣ часть его оставилась на выгодной позиціи, а самъ Скобелевъ, съ двумя сотнями казаковъ и четырьмя орудіями, подошелъ къ Плевнѣ. Тутъ онъ увидѣлъ около 20 тысячъ турокъ, и чтобы отвлечь непріятеля отъ штурмующихъ, началъ стрѣлять изъ своихъ четырехъ орудій. Турки отвѣчали и начали наступать. Скобелевъ сталъ отходить. Затѣмъ, обезпечивъ свой отрядъ со всѣхъ сторонъ разъѣздами, Скобелевъ рѣшилъ начать атаку. 3-я стрѣлковая рота Курскаго полка съ пѣснями двинулась впередъ, подъ перекрестнымъ огнемъ дошла до послѣдней высоты передъ Плевной и ударила въ штыки, а двѣ сотни казаковъ бросились въ шашки. Съ 10 часовъ утра до 4 по полудни, тутъ кипѣлъ бой, 3 роты и взводъ 9-й роты дрались отчаянно съ турками и не уступали высоты. Утомившись, потери были страшны, а турки продолжали наступленіе. Храбрецы стали отходить; тогда Скобелевъ ввелъ въ бой остальные три роты. Неожиданнымъ натискомъ, турки вновь были опрокинуты, наши бросились впередъ за ними, но, встрѣченные страшнымъ огнемъ, остановились. Стало темнѣе, дальнѣйшая борьба была невозможна. Скобелевъ приказалъ отступать и самъ, вложивъ саблю въ ножны, шелъ за цѣпью. Отряду генерала Скобелева принадлежитъ заслуга, что онъ не допустилъ турокъ атаковать флангъ войскъ князя Шаховскаго.

Штурмъ 18 июля показалъ, что Османъ-паша успѣлъ не только притянуть въ Плевну большую часть своей арміи, но и укрѣпить свои позиціи, вооруживъ ихъ большимъ числомъ орудій.

Имѣя на флангѣ, вблизи собщеній, такую армію, нельзя было продолжать движенія за Балканы, а потому пришлось измѣнить первоначальный планъ, и обратить главныя силы на Плевну.

Слѣдовательно, ближайшая задача была: удержать, во что бы то ни стало, турецкую армію на линіи Разградъ-Шумла и стянуть подъ Плевну возможно большее число войскъ.

При тѣхъ военныхъ силахъ, какія мы имѣли въ то время, нельзя было покончить разомъ съ двумя турецкими арміями, а потому объявлена была новая мобилизація. Слѣдствіемъ этого было приведеніе еще нѣкоторой части нашей арміи на военное положеніе.

Благодаря этой мѣрѣ, къ театру войны были притянуты новыя подкрѣпленія и самая война получила характеръ не только понудительный, но ужь серьезнаго наступленія, показавшаго Турціи, что Царь русскій рѣшилъ, несмотря на жертвы, навсегда освободить несчастныхъ христіанъ отъ много вѣковаго ига турокъ.

Ловча, послѣ упорнаго сопротивленія, была взята въ началѣ августа и всѣ свободныя войска направились къ Плевнѣ. Въ Порадимъ прибылъ Главнокомандующій.

Въ это время плевненскія укрѣпленія разрослись въ укрѣпленный лагерь, охватывающій Плевну со всѣхъ сторонъ и раскинутый на чрезвычайно пересѣченной мѣстности. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ линій отдѣльных укрѣпленій, связанныхъ между собою цѣлою сѣтью трапшей, дающихъ двухъ, трехъ и даже пятиярусную оборону. Прибавивъ къ этому, что вся мѣстность защищалась арміей около 80 тысячъ человекъ,

съ 150 орудіями, можно заключить, что атака была самую труднѣйшею задачею, которая по плечу арміи, исполненной чувствомъ долга и готовностію жертвовать собою для цѣли, указанной ей Монархомъ.

Но надо было, во что бы то ни стало, если ни взять Плевну, то приблизиться къ ней настолько, чтобы тѣснѣе обложить турецкую армію. При всей трудности новой атаки, надо было рѣшиться на нее, потому что дальнѣйшее прибываніе арміи Османа, могло бы затянуть войну на зиму, что потребовало бы новыхъ жертвъ какъ людьми, такъ и средствами.

Пунктами атаки были избраны: Гривицкіи редуты, передовое укрѣпленіе между дорогами изъ Плевны въ Болгарени и Пелишатъ и редуты, прикрывающіе Плевну со стороны Ловчи.

26-го и 27-го августа, наша артиллерія осыпала непріятеля гранатами, и приблизилась къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ на 800 сажень. Отрядъ генерала Кнзя Имеритинскаго, съ сильнымъ авангардомъ генерала Скобелева, подошелъ къ Плевнѣ, со стороны Ловчи, и занялъ безъ боя Брестоваць.

Послѣ продолжительной стрѣльбы по Кришинскому редуту, въ 3 часа пополудни, Калужскій полкъ, съ полковникомъ Эльжановскимъ во главѣ, подъ убійственнымъ огнемъ, занялъ второй гребень Зеленыхъ высотъ. Въ это время палъ контуженнымъ полковникъ Эльжановскій, но калужцы, увлеченные отвагой, бросились впередъ, смияли турокъ и овладѣли третьимъ гребнемъ. Турки вновь атаквали калужцевъ; они отошли ко второму гребню, но, поддержанные ротами Эстляндскаго полка, отбили непріятеля. Позиціи, занятые этимъ от-

рядомъ, до того безноконли турокъ, что они, въ теченіи ночи, пытались отбить его, но всякій разъ отступали, оставляя много убитыхъ.

28-го и 29-го августа, батареи были наши подвезены еще ближе къ турецкимъ укрѣпленіямъ и продолжали обстрѣливать Плевну, а на 30 назначенъ былъ штурмъ, на всѣ три пункта разомъ; для атаки гривницкаго редута назначены: Румыны и 1-я бригады 5 пѣхотн. дивизій; центральнаго редута—12 баталіоновъ 16 и 30 пѣх. дивизій, и Зеленыхъ высотъ — отрядъ генерала Скобелева.

Дождь, начавшійся вечеромъ 29 числа, растворялъ почву до крайности, не только по всаханому полю, но даже по дорогамъ трудно было идти, но войска рвались въ бой.

Въ тотъ день, когда вся Россія молилась въ храмахъ за своего Царя, проси Господа Спѣть подать Ему «побѣду и одолѣніе», христіюлюбивое вопиство, не щадя жизни, отстаивало права Креста и проливало дорогую Монарху кровь, для указанной имъ святой цѣли. День этотъ начался грохотомъ орудій, разносящихъ смерть врагамъ Царя и родины.

Никогда еще русскимъ Государямъ не доводилось встрѣчать день своего ангела на полѣ битвы, гдѣ салютовалъ имъ громъ тысячи орудій и задушевное русское «ура» славной арміи.

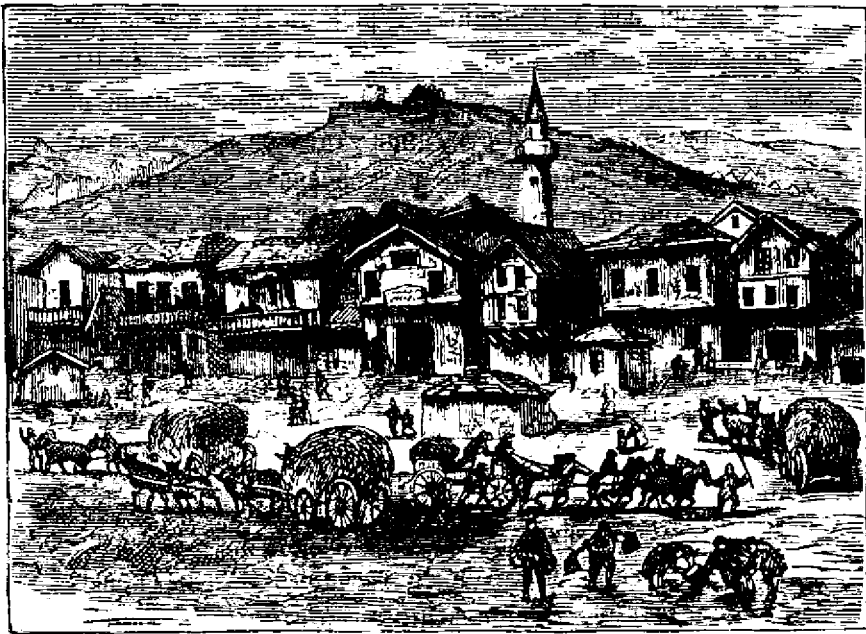
Въ 3 часа пополудни, войска, нанутствуемая знаменіемъ Креста, двинулись на штурмъ. Архангелогородскій и Вологодскій полки, предводимые своими начальниками, смѣло пошли впередъ, въ страшный огонь — крайне пересѣченная мѣстность не остановила героевъ:

они дошли до редута, перешли глубокой ровъ, и, скользя, падая и подсаживая другъ друга, ворвались въ редуть. Тутъ закипѣлъ ожесточенный рукопашный бой; защитники оборонялись до тѣхъ поръ, пока всѣ не были переколоты, и въ 7 часовъ вечера, наше знамя уже развивалось на высотахъ гривицкаго редута.

Во время боя у Гривицы, турки въ 12 часовъ сдѣлали нападеніе на позицію генерала Скобелева. За дымомъ и туманомъ, густою поленою покрывавшими въ поле сраженія, сильная ружейная стрѣльба, раздававшаяся у насъ на лѣвомъ флангѣ, подхвачена была турками, занимавшими центральныя укрѣпленія. Наши, стоявшіе противъ нихъ, приняли эту стрѣльбу за атаку турокъ на батарею. Нѣсколько ротъ Углицкаго пѣхотнаго полка, желая предупредить турокъ, бросились впередъ, за ними тронулся весь Ярославскій полкъ; турки были выбиты изъ ложементовъ; но какъ эта неожиданная для всѣхъ атака не была поддержана, то смѣльчаки были сами выбиты.

Между тѣмъ отрядъ Скобелева долженъ былъ овладѣть третьимъ и послѣднимъ гребнемъ Зеленыхъ высотъ и редутами, защищающими подступы къ укрѣпленному лагерю. Первое было исполнено, несмотря на сопротивленіе турокъ. Затѣмъ предстояло съ лѣсостага, поросшаго виноградомъ гребня, спуститься въ ложину, перейти черезъ ручей и взобраться на крутую высоту, въ 400 сажень, на вершинѣ которой были расположены редуты. Войска наши перешли ручей и, подъ убійственнымъ огнемъ, бросились на высоту. Ревельскій и Либавскій полки, 11 и 12 Стрѣлковый батальіоны, имѣя во главѣ генерала Скобелева, который

съ обнаженною саблею, на бѣломъ конѣ, лично велъ и ободрялъ войска, съ громкими криками «ура», ринулся на редутъ № 1 и овладѣли имъ, переколовъ защитниковъ; вслѣдъ затѣмъ былъ взятъ, послѣ упорнаго сопротивленія, второй редутъ. Въ теченіи ночи, турки дѣлали отчаянныя попытки овладѣть гривиц-

Зимняя квартира Главнаго штаба дунайской арміи.

кимъ и двумя взятыми генераломъ Скобелевымъ редутами, но были отбиты.

И такъ день 30-го августа ознаменовался взятіемъ двухъ весьма важныхъ позицій турокъ, но какъ занятіе этихъ крайнихъ пунктовъ растянulo бы наши силы, то рѣшено было держать только гривицкій редутъ, а остальные — ставить.

Тяжело было войскамъ оставлять занятые редуты, тѣмъ болѣе, что турки собрали всѣ свободныя силы противъ нихъ. Воодушевленные присутствіемъ на полѣ битвы своего Государя, они бились какъ львы, цѣлый день; много пало изъ нихъ, не дойдя до редутовъ. Съ наступленіемъ темноты, турки прекратили атаку и храбрые защитники двухъ редутовъ отошли на свои прежнія позиціи, вынося сознаніе, что поддержали славу своихъ знаменъ.

Шестидневный бой подъ Плевною убѣдилъ, что Османъ-паша, обладая значительною арміею, несмотря на свои потери, можетъ пооднять ее подкрѣпленіями изъ Софіи, а потому рѣшено было прервать сообщеніе его съ этимъ городомъ, а противъ Плевны начать правильную осаду.

Прибытіе гвардіи на театръ войны дозволило сразу занять сообщенія Османа значительнымъ числомъ войскъ, а славный защитникъ Севастополя, генералъ Тотлебенъ, систематически, шагъ за шагомъ, сталъ приближаться къ Плевнѣ, не давая покоя туркамъ ни днемъ, ни ночью.

Въ то время, когда наши отряды пресѣкли всѣ пути, по которымъ могли бы подойти подкрѣпленія къ арміи Османа, наше ближайшее расположеніе у Плевны подвинулось къ линіи турецкихъ укрѣпленій. 28 октября, генералъ Скобелевъ взялъ турецкіе ложементы на Зеленыхъ высотахъ, а румыны, 31 октября, заняли высоту впереди дер. Биволяръ и построили новыя батареи. Положеніе турецкой арміи въ Плевнѣ становилось съ каждымъ днемъ хуже. Недостатокъ продовольствія и спарядовъ, извѣстіе о взятіи нашими войсками Карса, на-

конецъ, невозможность получить подкрѣпленіе поставили Османа-пашу въ безвыходное положеніе: ему оставалось или уморить армию голодомъ, или сдѣлать попытку пробиться. Онъ избралъ послѣднее.

27-го ноября, турецкимъ солдатамъ было дано продовольствіе на шесть дней и по 150 патроновъ на каж-

Зимній баракъ турецкихъ офицеровъ въ Плевненскомъ лагерѣ.

даго. Больные и раненые были оставлены въ городѣ, а остальная армія двинулась къ р. Видъ. Ночью турки устроили три моста черезъ Видъ и готовились къ послѣдней рѣшительной битвѣ.

Но наши не дремали: все было готово, чтобы встрѣтить давно жданныхъ гостей, въ открытомъ полѣ. Вой-

ска знали, что на нихъ смотрять и полагають надежду Отець-Государь и святая родина.

Въ 7^{1/2} часовъ утра, 28 ноябри, армія Османа съ отчаяніемъ бросилась на Гренадерскій корпусъ; закипѣлъ бой на смерть; четыре часа длился онъ; укрѣпленія переходили изъ рукъ въ руки; торжествующіе крики, ура, покрыли громъ орудій и побѣдные крики турокъ; турки были отбиты, скучены подъ перекрестный огонь нашихъ войскъ, занявшихъ турецкія укрѣпленія; Османъ паша раненъ и поднимаетъ бѣлый флагъ, въ знакъ того, что онъ сдается со всею арміею на милость Русскаго Государя.

29-го ноябри, на турецкомъ редутѣ № 5, на шоссе изъ Плевны въ Гривицу, на мѣстѣ ставки Османа, въ присутствіи Государя-Побѣдителя, отслуженъ благодарственный молебенъ.

Плевна останется навсегда святымъ воспоминаніемъ: на поляхъ ея, упитанныхъ русскою кровью, взростетъ христіанская свобода; она будетъ славой нашего возлюбленнаго Монарха, какъ крестъ, который онъ несе въ царственномъ смиреніи передъ цѣлымъ миромъ.

Сторожившій армію Сулеймана-пашы отрядъ Наслѣдника Цесаревича, черезъ день послѣ паденія Плевны, нанесъ пораженіе туркамъ на другомъ концѣ Болгаріи; 29-го ноябри часть арміи Сулеймана-пашы переправилась черезъ р. Ломъ, и 30-го утромъ, атаковала корпусъ Великаго Князя Владиміра Александровича, направивъ главный ударъ на Мечку. Шесть разъ турки были отбиты съ громаднымъ урономъ. Между тѣмъ, подошедшая къ мѣсту боя, по приказанію Наслѣдника Цесаревича, лично присутствовавшего на полѣ сраже-

нія, 1-я бригада 35 пѣхотной дивизіи, ударила во флангъ туркамъ; весь 12 корпусъ перешелъ въ наступленіе и гналъ непріятеля до темноты. Поле сраженія было усеяно трупами турокъ. Въ свитѣ Великаго Князя Владиміра Александровича два ранены. Одна пуля упала возлѣ Него самого.

И такъ, отрядъ Наслѣдника Цесаревича, охраняя въ теченіи пяти мѣсяцевъ блокаду Плевны, заключилъ свои блестящія дѣйствія жестокимъ пораженіемъ турецкой арміи.

Въ теченіи пяти мѣсяцевъ турецкая армія, дѣйствовавшая съ востока, имѣла то преимущество, что могла избрать мѣста для нападенія, развлекая наше вниманіе по всей линіи. Рядъ попытокъ прорвать эту линію кончился пораженіемъ. Русувскій отрядъ блистательно исполнилъ свое назначеніе и не пропустилъ ни одного турецкаго солдата за линію своихъ позицій. Только теперь, когда Плевна пала, оцѣливается заслуга Русувскаго отряда, прибавившаго еще одну блестящую страницу въ военную исторію Россіи.

Генераль Скобелевъ.

Имя генерала Скобелева должно вскорѣ сдѣлаться любимымъ именемъ всякаго русскаго. Появляясь повсюду, гдѣ только есть опасность, онъ, точно заколдованный, остается цѣлъ и непредимъ. Какъ-то утомленному, въ разгарѣ битвы, Скобелеву захотѣлось страшно пить. Недалеко былъ ключъ, но кругомъ падалъ непрерывный дождь бомбъ, ядеръ и пуль, и ни одного казака не

было въ близи чтобъ послать за водой, такъ что Скобелевъ отправился самъ къ ключу, слѣзь съ лошади, наполни воды и поѣхалъ обратно».

Унтеръ-офицеръ Квятковскій.

Взводный унтеръ-офицеръ 5-й роты Рыльского полка Квятковскій, отступая вмѣстѣ съ ротою назадъ изъ виноградниковъ, натывается на молодой дубникъ и терновый кустарникъ и залегаетъ за нимъ, приготовясь къ выстрѣлу. Здѣсь онъ увидѣлъ, что мимо пробѣгаютъ до слѣдующей задней позиціи одинъ его однополчанинъ изъ 3-й стрѣлковой роты и двое рядовыхъ курскихъ. «Стой, стой, ребята! ступай сюда, отсюда удобнѣе!» закричалъ имъ Квятковскій. Тѣ приблизились, залегли вмѣстѣ съ нимъ за теровникъ, открыли несторонивый, поѣмѣткій огонь съ полною выдержкою, и такимъ образомъ этимъ четверемъ человѣкамъ удалось остановить наступленіе трехсотъ турокъ.

Унтеръ-офицеръ Бандарчукъ.

Взводный унтеръ-офицеръ 2-й стрѣлковой роты Рыльского полка Михаилъ Бандарчукъ, ночью, уже послѣ отступленія главныхъ силъ, собравъ небольшую команду, захватилъ четыре непріятельскія орудія и тащилъ ихъ вмѣстѣ съ товарищами, безъ передковъ, до слѣдующей крутизны, но оказалось, что, за трудностью подъема, втащить ихъ на эту крутизну невозможно. Тогда Бандарчукъ вынулъ изъ нихъ запирающіе механизмы, а

люди его порубили колеса и лафеты. Онъ же, ранѣе этого, во время боя на одной изъ занятыхъ его ротою турецкихъ позицій, разсыпалъ и смѣшалъ съ землею порохъ изъ непріятельскихъ артиллерійскихъ снарядовъ и побросалъ въ воду множество найденныхъ патроновъ и до 200 четвертей овса. Бондарчукъ получилъ Георгіевскій крестъ по единодушному приговору всего баталіона.

Японецъ подъ Плевною.

Общее вниманіе штаба 9-го корпуса невольно останавливалось на себѣ также и японскій военный агентъ, подполковникъ Іама-Сава, находящійся при штабѣ 9-го корпуса. Этотъ офицеръ отличается замѣчательною храбростью и хладнокровіемъ: надъ нимъ пролетаетъ граната и лопается въ трехъ шагахъ позади, онъ не сошелъ съ мѣста и даже не обернулся.

Сунулся въ воду не спрося броду.

Одному изъ нашихъ отрядовъ шедшихъ на Триново, выпалъ на долю довольно тяжелый переходъ. Вечеромъ когда отрядъ стинулся къ рѣчкѣ нѣкоторые стали купаться. Между прочими раздѣлся какой-то Уральскій казакъ и не снимая рубашки хотѣлъ броситься съ крутого берега въ воду.

Вода въ рѣчкѣ была но колѣна, а дно состояло изъ острыхъ камней.

Казака стали удерживать, но Уралецъ былъ вышивши

и съ разбѣгу ринулся въ воду. Минуту лежалъ онъ въ водѣ лицомъ внизъ, но скоро сталъ на ноги и началъ вытирать окровавленное лицо.

— Чего жь ты, какъ дуракъ какой, бросаешься не узнавъ какое дно, ругнули его.

— А потому, что я завсегда готовъ проливать кровь а Царя, отвѣтилъ казакъ.

— Да ты въ дѣлѣ проливай, а не одуру.

— Чтожь дѣлать, коли въ дѣлѣ турокъ не бьетъ, а все утекаетъ.

И казакъ, какъ ни въ чемъ не бывало вылѣзъ на берегъ.

Стрѣльба турецкой артиллеріи.

Около полудня близъ 5-й пѣхотной дивизіи, въ нѣсколькихъ саженьяхъ позади нашихъ развернутыхъ батарей, стоялъ баронъ Криденеръ, наблюдая за ходомъ боя. Вдругъ впереди его, въ нѣсколькихъ шагахъ, въ мягкую почву падаетъ граната и одинъ изъ ея осколковъ, въ три фунта вѣсомъ, ложится къ ногамъ барона. Одинъ изъ офицеровъ свиты поднялъ его еще горячимъ и взялъ на память. Другая граната, не разорвавшись, тутъ же ударилась рикошетомъ и плашмя въ темя лошади штабъ-горниста генерала Похитонова, не задѣвъ всадника. Вообще турки старались мѣтить по развернутому красному значку барона Криденера, основательно предполагая всегда его присутствіе около этого флага. На конныхъ же ординарцовъ они устраивали цѣлыя охоты и били по нимъ не только пулями, но и гранатами.

Разсказъ солдата о Плевненскомъ штурмѣ 31 августа.

«Построились мы, ваше благородіе, въ ротныя колонны. Были мы, значить, на лѣвомъ флангѣ. Разсыпавшись за тѣмъ въ цѣнь, бѣгомъ бросились впередъ. Бѣжимъ мы, а онъ-то въ насъ сыплетъ пулями, словно макомъ. Какъ добѣжали къ нему поближе, а онъ па-утекъ: въ штыки не подпускаетъ. Засѣлъ онъ въ ложементы. Пуще прежняго сталъ въ насъ палить. Три раза брали редуты, ночевали въ нихъ, а отдалъ-то назадъ все-таки пришлось: сила! Начали мы снова на нихъ наступать. Вдругъ, около самага праваго уха, какъ свиснетъ что-то, такъ меня съ ногъ сразу и спибло. Очнулся я скоро. Вижу, —цѣль. Началъ догонять своихъ. А тутъ мнѣ осколкомъ граваты изъ ноги кусокъ мяса вырвало. Свалился я, по съ горячки боли еще не почувствовалъ. Кое-какъ всталъ и вижу—невдалекѣ отъ меня лежитъ нашъ-же солдатъ съ перебитою рукою. Я ему говорю: Антиновъ, встань, —дотащимся до перевязочнаго. А пули такъ и жужжать. Не успѣлъ я слова вымолвить, какъ пуля свиснула меня въ другую ногу. Въ третій разъ упалъ я. Долго-ли лежалъ—не помню, но, очнувшись, вижу—бредутъ наши обратно: кто ползкомъ, кто опираясь на ружье, кого санитары на носилкахъ тащатъ. Подняли и меня. Взялъ я ружье, оперся на санитаря, да и пошелъ на перевязочный. Иду, а самъ Господу Богу молюсь. Наконецъ дотащились».

Спасенное знамя.

Напрасно хвалились турки тѣмъ, что, въ битвѣ при Плевнѣ, имъ, будто-бы, удалось овладѣть русскимъ полковымъ знаменемъ. А дѣло о знамени происходило слѣдующимъ образомъ:

Во время сраженія одинъ пѣхотный полкъ очутился внезапно окруженнымъ втрое многочислѣннѣйшимъ его непріателемъ. Русскіе дрались какъ львы, но ряды ихъ съ минуты на минуту становились рѣже, и съ яростными криками: «Аллахъ, Аллахъ!» турки все ближе и ближе стали тѣснить, въ особенности одну роту, посрединѣ которой высилось русское знамя. Шагъ за шагомъ отставали его храбрецы, но вдругъ покочнулось знамя, и вмѣстѣ съ тѣмъ упало на землю и знаменосецъ. Съ торжествомъ бросились впередъ пизамы, и имъ дѣйствительно удалось уничтожить почти всю богатырскую роту. Спаслось какимъ-то чудомъ нѣсколько чело-вѣкъ и, по мнѣнію турокъ, этимъ нѣсколькимъ солдатамъ невозможно было унести съ собою знамя, такъ какъ люди, окружавшіе оное, буквально были отрѣзаны отъ остальныхъ товарищей. Слѣдовательно, опять, по мнѣнію турокъ, знамя должно было быть найдено на мѣстѣ сраженія, и начальникъ турецкаго отряда съ триумфомъ извѣстилъ главнокомандующаго «о славной побѣдѣ». — Османъ-паша, само собою разумѣется, поспѣшилъ сообщить объ этомъ въ Стамбуль, не смотря на то, что онъ и по сю пору не видалъ въ глаза знамени, которое прѣблагополучно находится и теперь въ русскомъ лагерѣ. Когда тяжело раненый знаменосецъ упало на

землю, то, собравъ послѣднія силы, онъ протащился на нѣсколько шаговъ къ стоявшему въ сторонѣ стогу сѣна и подсунулъ подъ него полотно знамени. Товарищи, замѣтившіе это и усилившіе снастись, рассказали другимъ солдатамъ, и въ послѣдовавшую затѣмъ ночь, не смотря на то, что позиція оставалась въ турецкихъ рукахъ, нѣсколько нашихъ молодцовъ пробрались къ роковому мѣсту, и имъ, въ самомъ дѣлѣ, посчастливилось имъ спасти знамя.

Полковникъ баронъ Каульбарсъ.

По общему отзыву всѣхъ участниковъ плевнинскаго дѣла 18-го іюля, покойный полковникъ баронъ Ф. К. Каульбарсъ, убитый въ этомъ дѣлѣ, совершилъ въ немъ чудеса храбрости. Носилъ постоянно верхомъ на лошади передъ ввѣреннымъ ему Шуйскимъ пѣхотнымъ полкомъ и руководя имъ, онъ ободрялъ людей подъ убійственнымъ перекрестнымъ непріятельскимъ огнемъ. Раненые въ этомъ дѣлѣ единогласно утверждаютъ, что баронъ Каульбарсъ, раненый весьма опасно въ самомъ началѣ дѣла, сперва въ ногу, а потомъ сряду два раза въ лѣвую руку, не слѣзая съ лошади и распоряжаясь огнемъ и атакою до послѣдняго вздоха, т. е. до той самой минуты, когда, пораженный двумя пулями на вылетъ, почти одновременно въ животъ и грудь, онъ свалился мертвый съ лошади. Этотъ человекъ, по истинѣ, какъ утверждаютъ всѣ, былъ настоящимъ героемъ дня битвы подъ Плевною 18-го іюля. Къ сожалѣнію, смерть его лишила насъ храбраго и отчаяннаго воина, обладавшаго всѣми прекрасными качествами боевого

начальника, соединявшаго въ себѣ съ личною храбростью высокое военное образованіе, необыкновенное присутствіе духа и замѣчательную распорядительность. За такими начальниками солдаты охотно бросаюся впередъ даже и въ такой убійственный огонь, какимъ угощали насъ турки. 18-го іюля, съ плевнинскихъ позицій».

Казацкая удаля.

О казацкой удали издавна идетъ слава. Въ народной пѣснѣ о казакѣ поется, какъ о смѣтливомъ, ловкомъ и отважномъ воинѣ.

Рисунокъ передастъ одинъ изъ случаевъ, когда казакъ ловко закинулъ арканъ на турка. Да и какъ было удержаться отъ представлявшагося случая. Турки, видимо, удирали, преслѣдуемые казаками (во время одной изъ рекогносцировокъ): убивать ихъ въ догонку дѣло уже и прискучившее, да и доблести въ немъ особенной для казака нѣтъ: ну убилъ—и конецъ. Другое дѣло-живьемъ взять, къ тому же вдругъ представляется такой случай, что можно «подцѣпить» не только «простаго турку», а даже еще и чиновнаго.

— Должно - ивряной! мелькаетъ въ головѣ казака мысль, и онъ еще сильнѣе поддаетъ шпоры своему коню.

Лошадь подъ туркомъ между тѣмъ все уменьшаетъ отъѣздъ, а казацкая все прибавляетъ.

— Аллахъ! взываетъ догоняемый и сердце его уже замерло при мысли—вотъ сейчасъ и смерть, сейчасъ пуля свалитъ его.

УДАЛЫЙ КАЗАКЪ БЕРЕТЪ ЕСЛИ НЕ ПУЛЕЙ, ШАНКОЙ, ТО НИКОЙ ИЛЬ АРЪАНОМЪ.

— Ишь, жирный какой! опять мелькает у казака въ головѣ мысль, и затѣмъ съ быстротою принимаетъ дальнѣйшее развитіе и переходитъ отъ представленія о наружномъ видѣ турка къ его положенію по службѣ, къ его оружію и къ лошади.

Мчится турокъ, летитъ за нимъ и казакъ... Чувствуетъ поклонникъ Аллаха, что часъ его близокъ: уже слышитъ его ухо, что казацкая лошадь, какъ говорится, на хвостъ его лошади.

— Аллахъ!

— Должно, собачій сыпъ, изъ важныхъ!.. Погоди, погоди, я тѣ воть «заарбаню».

Замеръ духъ у турка: вотъ-вотъ пришибетъ пуля... Но что это? вдругъ мелькаетъ у него въ головѣ, но не успѣвъ еще онъ хорошенько сообразить, въ чемъ дѣло, что эта за сила такая валитъ его съ лошади безъ всякой боли,—какъ уже лежитъ на землѣ: быстро накинутый арканъ плотно подцѣпилъ его «живемъ» и волочитъ.

— Выудилъ! вскрикиваетъ казакъ.

— Ловко! слышится въ отвѣтъ одобрителный окрикъ товарищей.

— Почаще бы такъ то,—хорошо бы, думается казаку, въ то время, какъ сваленный турка волочится по землѣ и проситъ пощады.

Въ одному кавалерійскому никету стала подъѣзжать партія конныхъ баши-бузуковъ. Унтеръ офицеръ идетъ въ пѣхотную цѣль къ офицеру.

— Ваше высокоблагородіе, позвольте мнѣ пѣхоты.

Дали ему звено, т. е. четыре человекъ. Подвелъ онъ ихъ къ пикету и за тѣмъ во все горло кричитьъ баши-бузукамъ: «Ей вы, сволочь, отваливайте — иѣхота подошла». Оборванцы поглядѣли и обратились вспять.

12-й донской полкъ, раздосадовавъ на увертливость черкесовъ, которые никакъ не подѣзжали близко къ нему, сталъ ловить ихъ на слѣдующую штуку: то одинъ, то другой казакъ падаетъ съ лошади точно раненый и остается въ полѣ, тогда какъ остальные казаки немедленно отѣзжаютъ. Только что черкесы стали подсакивать, чтобы захватить жертву еще живую, — развертывался фронтъ и «орду» били на выборъ.

Турецкая цѣпь особенно стрѣляла по гусарамъ. Ставятъ въ цѣпь драгунъ.

— Смотри въ оба. Вчера опять убили гусара здѣсь.

— Въ насъ, ваше благородіе, не будутъ стрѣлять.

— Почему это?

— Гусары имъ надобны. Они съ нихъ штаны себѣ на фески снимаютъ.

Дань уваженія русскому солдату.

Въ одной еженедѣльной лондонской газетѣ помѣщенъ слѣдующій отзывъ о русской арміи: «Настоящая война послужила къ славѣ русскихъ войскъ. Русскій солдатъ доказалъ, что онъ также отваженъ въ атакѣ, какъ и твердъ въ оборонѣ. Крімъ того, онъ приобрѣлъ для себя и для отечества своего неуывдаемую славу, доказавъ свою человѣчность, скромность, воздержаніе и доброту»

характера—качества, которыми онъ обладаетъ въ высшей степени. Турки и ихъ друзья пытались выдумывать разнаго рода клеветы о мнимыхъ жестокостяхъ, будто бы совершаемыхъ русскимъ солдатомъ. Теперь доказано, что все это ложь и что никогда еще ни одна непріятельская армія не вела себя лучше, чѣмъ русская, при занятіи Болгаріи. Враждебные Россіи люди слѣдили шагъ за шагомъ за каждымъ движеніемъ русскихъ войскъ и были бы весьма довольны, еслибы открыли и указали какое либо нарушеніе человѣческихъ правъ со стороны русскихъ. Но ни на поляхъ битвъ, ни въ лагеряхъ, они не могли указать ни одного факта, ни одного случая, за которые русскій солдатъ могъ бы устыдиться. Мы откровенно признаемся, что не ожидали, чтобы русская армія выказала столько умѣренности и твердости, дѣйствительно достойныхъ величія того дѣла, которое она защищаетъ, и той благородной цѣли, которую она преслѣдуетъ—освобожденіе христіанъ. Итъ! Никогда Россія еще не выказывала себя столь великою, какъ въ настоящую войну. Самые враждебные порицатели ея должны теперь сознаться, что русскіе крестьяне не употребили во зло дарованную имъ свободу. Они обнаружили такія качества, которые не часто встрѣчаются даже въ англійскихъ и французскихъ лагеряхъ. И такъ, еще разъ повторяемъ: русскій солдатъ не только покрылъ себя военной славой, но и заслужилъ еще величайшія похвалы за свои гражданскія доблести. Допустимъ, что турки дерутся превосходно, но русскіе дерутся еще лучше и, наконецъ, качества, которыми отличается русскій солдатъ и которые совершенно отсутствуютъ у турецкаго солдата,

далеко драгоценнѣе для просвѣтительныхъ стремленій человечества. Сочувствуя отъ глубины души русскому народу, который столь мужественно несетъ самыя тяжелыя жертвы на пользу освобожденія христіанъ, стонущихъ подъ турецкимъ игомъ, мы радуемся поражению непобѣдимаго (гази) Мухтара (а теперь другаго— Османа-паша), потому что чѣмъ ближе подходитъ конецъ Турціи, тѣмъ болѣе будетъ обезпеченъ прочный и продолжительный миръ».

Капельмейстеръ Угличскаго полка.

Какая-то продѣлка, въ бытность его ученикомъ въиской консерваторіи, кончилась дуэлью. Чтобы занять дѣло, онъ долженъ былъ познать музыкальное поприще и отправиться въ какой-то дальній полкъ вольноопредѣляющимся. Какими-то судьбами онъ понаѣлъ въ Россію и вотъ уже два года, кажется, какъ служитъ капельмейстеромъ въ Угличскомъ полку. Ему не сидится безъ дѣла въ обозѣ. Вотъ онъ и добылъ себѣ турецкое ружье (Генри-Мартини), какой-то особенной патронташъ, въ видѣ ленты черезъ плечо (такими патронташами снабжены кажется только унтеръ-офицеры и стрѣлки турецкіе) и вмѣстѣ съ офицерами полка ходитъ въ цѣпи. Фамилія этого симпатичнаго и интереснаго господина—Гоферъ. Это имя читатели навѣрно встрѣтятъ въ спискѣ раненыхъ 30-го августа, въ бою подъ Плевною. Но нужно замѣтить, что вѣроятно Гоферъ былъ раненъ не съ ружьемъ въ рукѣ, а размахивая капельмейстерскою палочкою, такъ какъ атака 30-го была

произведена подъ звуки не только грома пушекъ, но и полковыхъ хоровъ.

Дѣло 15-го августа у селенія Халфалю.

«Не смотря на дружные залпы нашихъ пѣхотинцовъ и мѣткіе выстрѣлы артиллеріи, турки лѣзли все впередъ и впередъ. Наконецъ, когда наша пѣхота крикнула «ура» и бросилась впередъ, изнеможенные османы должны были показать тылъ. Многие изъ нихъ побросали ружья, чтобы спасти по крайней мѣрѣ жизнь. Но и это не помогло. Они до того истомились, что еле передвигали ноги и не ускоряли шаговъ, когда сзади себя видѣли преслѣдовавшихъ ихъ русскихъ. Неудивительно, что въ этотъ день уронъ у турокъ былъ въ 300 слишкомъ человекъ. Изъ этого числа на другой день нашими было предано землѣ 87 тѣлъ.

Бой, продолжавшійся до самаго вечера, истощилъ силы и нашихъ солдатъ, чему доказательствомъ служитъ слѣдующій случай: одинъ солдатъ Таманскаго полка, во время рукопашной, встрѣтился лицомъ къ лицу съ туркомъ, котораго и пырнулъ штыкомъ въ самый бокъ. Но онъ до того уже былъ изнуренъ, что не могъ выдернуть обратно штыка, чтобы повторить тотъ-же ударъ. Турокъ, который былъ вооруженъ однимъ лишь кинжаломъ, ухватился за штыкъ и бросился на своего противника, сбилъ его съ ногъ и сълъ на него верхомъ. Вотъ-вотъ готовился онъ всадить кинжалъ въ грудь, какъ догадливый солдатикъ въ свою очередь сталъ давить своего оѣдока. Правовѣрный началъ орать благимъ матомъ. Прибѣжавшіе наконецъ,

закололи его и нашъ солдатъ отдѣлался только легкою ранюю, нанесенною ему въ ногу.

Дѣло 15-го августа какъ извѣстно кончилось полнѣйшею неудачею для турокъ.

О безпримѣрномъ мужествѣ русскаго солдата,

Военный корреспондентъ восторженно отзывался о мужествѣ русскихъ солдатъ: «Солдатъ, къ какой бы онъ ни принадлежалъ нации, въ случаѣ полученія раны, отступаетъ на третью линію, чтобы перевязать свою рану. Такъ поступаетъ и турокъ, тѣмъ болѣе, что религія вмѣняетъ ему въ обязанность заботиться о томъ, чтобы тѣло его не досталось врагу. Не такъ поступаетъ русскій. Не смотря ни на какія раны, онъ продолжаетъ драться, пока не истечетъ кровью. Такое сужденіе впрочемъ высказалъ Фридрихъ Великій о русскихъ солдатахъ при Цорндорфѣ. «Русскій солдатъ, истекающій кровью, падаетъ тамъ, гдѣ ему приходится: повсюду, гдѣ поконятся бранные остатки его,—земля русская. Въ особенности блистательно высказывается русская неустрашимость въ дѣлѣ поданія помощи. Въ ночь съ 14-го на 15-е іюня при переправѣ черезъ Дунай у Систово, первый эшелонъ не упрочился еще на берегу, какъ уже герон «краснаго Креста», подъ дождемъ пуль, начали свою дѣятельность, подбирая раненыхъ. Четыре носильщика были тотчасъ же убиты. Подобное самоотверженіе дѣйствительно безпримѣрное.

Увѣренность солдата и любовь ихъ къ начальникамъ.

«Я ежедневно возвращаюсь *) въ кружкахъ офицеровъ и солдатъ, и всегда люблюю тою взаимною любовью и уваженіемъ, какія они питаютъ другъ къ другу. Современный русскій офицеръ любитъ своихъ подчиненныхъ, входитъ въ ихъ тяжкое положеніе и старается, на сколько возможно, облегчить ихъ жизнь и не обременять излишними требованіями: часто прощаютъ имъ, конечно не въ ущербъ службѣ, тѣ промахи, за которые въ старое время строго наказывали. Но отъ этого дисциплина вовсе не страдаетъ; напротивъ, солдатъ старается не провиниться передъ своимъ начальникомъ, на котораго онъ смотритъ одновременно и какъ на начальника и какъ на отца, раздѣляющаго съ нимъ радость и горе. Офицерство наше всегда отличалось удалствомъ и храбростью; теперь оно, къ тому же и просвѣщено, естественнымъ послѣдствіемъ чего является и гуманность въ обращеніи съ солдатами. Современный русскій солдатъ исполняетъ все требованія тяжелой военной службы не безсознательно, не потому только, что это ему приказано, но съ полнымъ пониманіемъ своего долга, съ полною любовью къ дѣлу. Онъ знаетъ что начальникъ заботится о немъ больше, чѣмъ о самомъ себѣ. Онъ убѣжденъ, что дорожатъ каждою каплею солдатской крови. Я иногда цѣлые часы просиживалъ въ кружкахъ солдатъ: они со мною, какъ со «штатскимъ», постоянно толкуютъ о войнѣ.

Солдаты убѣждены, что все, начиная съ Государя и кончая иранорцивомъ, цѣнятъ ихъ труды, даже

*) Сообщаетъ г. Микеладзе (отъ 2 октября) изъ Исыря.

каждый ихъ шагъ! Велѣдствіе этого они любить и уважаютъ своихъ начальниковъ, съ которыми буквально лѣзутъ въ огонь и въ воду, потому что впереди видятъ своихъ старшихъ, также готовыхъ на подобныя жертвы.

Разсказъ гвардейскаго солдата, о взятіи главнаго редута въ Горномъ-Дубнякѣ:

«Начало уже вечерѣть, разсказывалъ солдатъ. Приказано было ползкомъ подходить. Ну, оно ползкомъ все легче—гдѣ за кустикомъ укроешься, гдѣ за холмикомъ. Такъ проползли сажень пятьдесятъ, а потомъ, какъ бросились подъ самый-то редутъ, ему но насъ стрѣлять-то и нельзя стало. Тутъ подъ валомъ насъ уже собралось достаточно, да все стояли-ждали, пока силы больше прибудеть, чтобы разомъ на него ударить. А онъ сверху-то черезъ валъ иногда высунется, да кулакомъ и грозить намъ, а мы ему камнемъ или комомъ земли глаза-то и обсыплемъ. А потомъ, какъ силы нашей прибыло, разомъ влезли на редутъ, да ударили въ штыки, такъ мы удовольили-же ихъ! Такъ козоды, покаместъ самъ генераль Гурко не пріѣхалъ на редутъ».

А на редутъ-то, сколько быковъ, барановъ захватили! Много галетъ (жаль, не вкусны—безсоля) и чухонскаго масла нашли. Ну, и наѣлись вволю! День-то весь неѣвши поработали, такъ провіантъ кстати пришлось: всего наварили въ турецкихъ ковшахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Взрывъ турецкаго монитора. (Разсказъ очевидца) Съ 2 рис.	1
Невозмутимое хладнокровіе нашихъ матросиковъ	12
Военная хитрость.	13
Взятіе Ардагана.	15
Молодецкая атака нашими мпными катерами турецкихъ броненосцевъ въ Сулинскомъ гирлѣ	16
Лейтенантъ Скрыдловъ и художникъ Верещагинъ	19
Бой миноносекъ съ турецкимъ мониторомъ	21
Замѣчательные случаи и подвиги нашихъ войскъ при переправѣ черезъ Дунай 15 іюня.	24
Матросъ Семенъ Лопатинъ	26
Минскаго пѣхотнаго полка рядовой Александръ Ракъ.	28
Тифлисской дружины Саргисовъ	29
Разговоръ въ лагерѣ у Систова, послѣ переправы черезъ Дунай (15-го іюня)	30
Письмо солдата изъ Систова, 18 іюня.	32
Переправа черезъ Дунай у Зиминцы съ 14-го на 15-е іюня 1877 г.	34
Прибытіе Государя Императора въ Зиминцу и посѣщеніе госпиталя	47
Переправа Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго и Государя Императора черезъ Дунай.	49
Занятіе Вѣлы.	58
Переправа черезъ Дунай близъ Галаца и Браилова.	60
Переправа черезъ Дунай у Мачина.	62
Дѣло на Семейскихъ высотахъ, въ Малоазіатской Турціи.	65
Эрванцы и баканцы подъ Ардаганиомъ	71
Геройская защита Баязета (Съ 2 рис.)	73
Дѣло 9-го іюня при селеніи Дяръ	83
Освобожденіе Баязетскаго гарнизона 1-го іюля	86
Братская помощь казака.	87

✓

✓

Движеніи передоваго отряда дѣйствующей арміи къ Балканамъ, и овладѣніи г. Тырнова (Съ 2 рис.)	90
Генералъ-Лейтенантъ М. Д. Скобелевъ (Съ 2 рис.)	97
Бой подъ Плевной и взытіе турецкаго редута	101
Разсказъ полковника Ушакова	103
Повѣдка Марченко къ Мехмеду-Али	107
Геройскій подвигъ „Весты“. (Съ 1 рис.)	109
„Веста“ по приходѣ въ Севастополь	117
Бой при Шипшъ и болгарскія дѣти водоносы	121
Солдатское сердце. (Очеркъ изъ настоящей восточной войны).	127
Замѣчательная стойкость и безстрашіе солдатъ	131
Отзывъ Омаръ-паши о русскихъ солдатахъ	133
Невозмутимое хладнокровіе въ виду явной опасности	133
Битва подъ Плевною 31 августа. (Съ 1 рис.)	136
Паденіе Плевны. (Перечень событій подъ Плевной). (Съ 4 рис.)	142
Генералъ Скобелевъ	156
Унтеръ-офицеръ Квятковскій	157
Унтеръ-офицеръ Байдарчукъ	157
Японецъ подъ Плевною	158
Сунулся въ воду не спрося броду	158
Стрѣльба турецкой артиллеріи	159
Разсказъ солдата о Плевненскомъ штурмѣ 31 августа	160
Спасенное знамя	161
✓ Полковникъ баронъ Каульбарсъ	162
Казачья удача. (Съ 1 рис.)	163
Дань уваженія русскому солдату	166
Капелмейстеръ Угличскаго полка	168
Дѣло 15 августа у селенія Халѣалю	169
✓ О безпримѣрномъ мужествѣ русскаго солдата	170
Увѣренность солдата и любовь ихъ къ начальникамъ	171
Разсказъ гвардейскаго солдата о взятіи главнаго редута въ Горномъ Дубнякѣ	172

Редакціею журналовъ: народнаго „Мірскаго Вѣстникъ“, и „Чтеніе для Солдатъ“ по настоящее время издано 255 отдѣльныхъ книжекъ разныхъ наименованій, для школь. Книжки изданы тщательно. Цѣною отъ 2 коп. до 1 р. сер. полезны для начальнаго, научно-правственнаго самообразованія. Полный списокъ вышеупомянутымъ книжкамъ, по мѣрѣ ихъ выхода, помѣщается въ концѣ книжекъ журналовъ: „Мірскаго Вѣстникъ“ и „Чтеніе для Солдатъ“.

Каталогъ книгамъ высылается желающимъ бесплатно.

Подписавшимся на журналъ «Чтеніе для Солдатъ», коихъ требованія поступили въ контору Редакціи на пять и болѣе экземпляровъ сего журнала, будетъ доставлено *безвозмездно* особое изданіе подъ заглавіемъ: **ВОЕННЫЕ ПОДВИГИ** частей войскъ и отдѣльныхъ лицъ, совершенные **ВО СЛАВУ РУССКАГО ОРУЖІЯ** въ Восточную Войну 1877 г.

Цѣна за годовое изданіе журнала „Чтеніе для Солдатъ“, съ *бесплатными* приложеніями,—3 руб. 50 к. сер. и за пересылку 50 к., а всего 4 р.

Желающіе получить особое изданіе съ 16-ю рисунк. **ВОЕННЫЕ ПОДВИГИ** частей войскъ и отдѣльныхъ лицъ, совершенные **ВО СЛАВУ РУССКАГО ОРУЖІЯ** въ Восточную войну 1877 г. высылаютъ требованія свои въ контору Редакціи съ приложеніемъ за каждый экземп. 60 коп. а съ пересылкой 75 коп.

Требованія на журналъ „Чтеніе для Солдатъ“ 1878 г. принимаются въ Главной конторѣ Редакціи сего журнала, находящейся въ С.-Петербургѣ, по Екатерининскому каналу, близъ Вознесенскаго моста, въ домѣ г. Франка, № 89.

Желающіе получить квитанцію въ принятыхъ Конторою деньгахъ высылаютъ одну 8-ми копѣечную почтовую марку.

РКИ